

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Т. Г. Богомазова

КУСТАРНЫЕ
ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ
ПРОМЫСЛЫ УКРАИНЦЕВ
В КОНЦЕ XIX—
НАЧАЛЕ XX ВВ.

(Производство деревянной утвари)

Санкт-Петербург
1999

Ответственный редактор
Т. А. БЕРНШТАМ

Рецензенты
Л. Ф. АРТЮХ, Н. В. УШАКОВ

© Т. Г. Богомазова, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Материальная культура восточнославянских народов достаточно полно и разносторонне изучена этнографами как с предметной стороны, так и в плане ее соотношения с другими сферами традиционной культуры. При этом специальных работ по промыслам и ремеслам совсем немного, в то время как они в качестве важного компонента деревенской культуры имеют отношение ко всем сторонам жизнеобеспечения в самом широком значении — от занятий и вещественного мира до бытового уклада и его духовного содержания (обычай, обряды, верования и т. п.).

Подход к деревообрабатывающим промыслам и их продукции как к «первичному» жизнеобеспечению этноса требует их исследования во взаимодействии двух уровней: собственно инфраструктуры производства и его бытовой «технологии», т. е. «технологического инвентаря, приемов и навыков и тому подобной производственной деятельности, направленной на получение сырья или орудий для производства средств существования» (Культура жизнеобеспечения... 1983, С. 61).

Важным, на наш взгляд, представляется определение места конкретной производственной деятельности в хозяйственной структуре социума и его соотношения с системой культурных ценностей. Эти проблемы практически не изучались в отечественной этнографии, поскольку составляют предмет скорее междисциплинарной научной области — этноэкономики.

Исследование проводится нами на примере украинцев — крупного и высококонсолидированного восточнославянского этноса. Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, к нему привели исследовательские интересы и многолетняя научно-практическая работа автора на Украине (в том числе и полевая). Во-вторых, состояние изученности социальной жизни и материальной культуры украинцев нельзя признать удовлетворительным, особенно по сравнению с русскими. В-третьих, особый интерес представляет проблема регионально-локальной вариативности украинской культуры, в которой различным образом взаимодей-

ствовавали и эволюционировали напластования различных эпох: хозяйственно-бытовых укладов, межэтнических связей и т. д. И, наконец, в-четвертых, специфический интерес автора к роли дерева в жизни и культуре украинцев, особенно по сравнению с другими природными материалами, так как обычно принято считать, что ведущую роль оно играет в первичном производстве и культуре жизнеобеспечения жителей лесной и лесостепной зон. Знакомство с украинской этнографией сделало возможным «открытие» дерева как важнейшего компонента жизнеобеспечения украинцев, в ряде случаев игравшего равноправную роль в производстве утвари наряду с глиной, металлом, стеклом, соломой и др.

Письменные и документально-историографические источники исследования — работы и материалы русских, украинских и польских историков и этнографов XIX—XX вв., а также архивные данные Российского этнографического музея, рукописных фондов Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского АН Украины, Архива Института археологии АН Украины. Вещественную базу составляют предметы из украинских коллекций, хранящихся в Российском этнографическом музее, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (“Кунсткамера”) Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург), Музее народной архитектуры и быта Украины (г. Киев), Государственном музее этнографии и художественного промысла АН Украины (г. Львов), Закарпатском музее народной архитектуры и быта (г. Ужгород), Коломыйском музее народного искусства Гуцульщины, а также в ряде украинских краеведческих музеев (города Диканька, Полтава, Борщев, Збараж и др.).

Данные по терминологии деревообрабатывающего инструментария и предметов утвари, особенностям технологии ее изготовления, характеру функционирования деревообрабатывающих промыслов и другие сведения собирались автором по собственной программе-вопроснику во время экспедиций 1988—1991 гг. как самостоятельно, так и в составе отрядов Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского АН Украины под руководством Л. Ф. Артюх и Т. А. Николаевой. Всего обследовано было 68 населенных пунктов Киевской, Полтавской, Черниговской, Винницкой, Тернопольской, Закарпатской, Львовской, Ивано-Франковской, Кировоградской и Одесской областей.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность моим первым учителям Д. Г. Савинову и А. В. Гадлю (СПбГУ), Л. Ф. Артюх, Т. В. Косминой, Н. К. Гаврилюк, О. А. Боряк, Т. А. Николаевой, В. С. Чапчаку (ИИМФЭ им. М. Т. Рильского НАН Украины), Г. В. Боряк, А. П. Толочко (Институт украинской археологии НАН), Т. В. Станюкович, К. В. Чистову, Т. А. Бернштам, А. Е. Финченко и другим сотрудникам Отдела

русской и славянской этнографии МАЭ, О. В. Карповой и Н. К. Черуновой. (РЭМ), А. Г. Боброву, В. М. Бутаеву, А. Н. Трофимчуку, И. А. Панфиленок, Ю. Г. Фефеловой, а также моим родителям и ближайшим родственникам — Г. П. Богомазовой, Г. Г. Богомазову, П. И. Шамринскому, В. П. Шамринской, А. И. Типко, Н. А. Типко, Л. А. Стецюре, моему мужу Ю. Ю. Шевченко и дочери Даше за неоценимую моральную поддержку и помощь, которую они оказывали автору на разных этапах работы.

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОМЫСЛОВ НА УКРАИНЕ

§ 1. Историко-этнографические и хозяйственно-культурные зоны Украины

Историко-этнографическое районирование столь сложной и многообразной во всех отношениях страны, как Украина, предполагает учет разных уровней и аспектов, оказавших воздействие на формирование специфики крупных областей. *Первым*, несомненно, является природно-географический. В качестве *второго* я выделяю совокупность процессов этнической и государственно-политической истории. В связи с этим нельзя не согласиться со следующим утверждением А. П. Пономарева: «Наиболее значимыми для процесса этнокультурного взаимодействия, как правило, оказывались государственные границы (разрядка моя. — Т. Б.), поскольку они не только препятствовали этнокультурному общению населения в прошлом единой территории, но и создавали условия для разного социально-экономического и этнокультурного развития народа» (Пономарев 1991, С. 44—58). Связь этнических процессов с процессами политогенеза и государственности отстаиваются и в последних работах В. А. Тишкова (1997, С. 3—21). Своего рода пережитком прежних границ является современное административное деление. Его основа, как известно, территориальные деления еще древнерусских княжеств — Киевского, Переяславского, Черниговского, Владимир-Волынского, Галицкого и др., сложившихся в период феодальной раздробленности Киевской Руси (Українська народність, 1990. С. 40, 41; Пономарев 1994, С. 71—73).

В качестве *третьего* уровня районирования необходимо учитывать широкий круг собственно этнографических показателей: занятия, орудия, жилище, одежду, социальную и обрядовую организацию, а также специфику самосознания и самоназвания, локальные варианты которой особенно отчетливо выделяются в та-

ких областях, как Буджак, Таврия, Червона Русь, Подлясье, Буковина, Покутье и Галиция (Проблеми етнографії Поділля, 1986. С. 96, 97). Необходимо отметить, что разделение предложенных аспектов на природно-географический, исторический и этнографический имеет чисто условный характер, т. к. в реальности весь комплекс образующих их факторов, как известно, неразрывно связан и взаимоподчинен.

Районирование по природно-географическому принципу предполагает выделение двух широтных регионов Левобережья и Правобережья Днестра, а также учет внутри них ареалов лесной, лесостепной, степной и горной зон. Исторический и этнографический уровни ориентируют на дифференциацию по этнотерриториальному и этнокультурному (включая языковой и этнопсихологический фактор) принципу. Заметим, что с этой точки зрения актуально и административное деление Украины на губернии в составе Российской Империи: как известно, она была поделена на 9 губерний: Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Подольскую и Волынскую (Рудницкий, 1916. С. 386—392). Губерниям соответствуют историко-этнографические регионы Среднего Поднепровья¹ (южная часть Киевской губ., почти вся Полтавская губ., за исключением западных уездов, северо-восток Херсонской и север Екатеринославской губ.); Подолии (в целом совпадающей с территорией Подольской губ., западной частью Киевской губ. и восточной частью современной Тернопольской обл., территория которой в к. XIX — н. XX вв. не принадлежала России); Полесья (север Волынской, Киевской и Черниговской губерний); Слобожанщины (Харьковская губ.) и юга Украины (южная часть Херсонской и Екатеринославской, а также Таврическая губернии). Выделяемые зачастую в качестве этнографических областей Полтавщина и Волынь практически совершенно идентичны бывшим губерниям с теми же названиями.

Сложнее обстоит дело с районированием Западной Украины, не охваченной губернским делением. В природно-географическом отношении она расположена в трех зонах: горной, предгорной и равнинной. Административно-территориальное деление этих земель, вошедших в состав современной Украины лишь накануне второй мировой войны, имеет сложную историю, останавливаться на которой подробно не имеет смысла. Отметим только, что сложившиеся на этой территории историко-этнографические районы (Галиция, Буковина, Покутье, Червоня Русь) в современных Закарпатской, Ивано-Франковской, Львовской, Черновицкой и Тернопольской областях никак административно не выделены, однако продолжают стойко удерживаться в “краевом” самосознании населения. Именно на территории этого региона языковедами, искусствоведами, этнографами выделяется Карпатская историко-эт-

нографическая область, к которой принято относить группы гуцулов, лемков и бойков, имеющих значительные культурные различия между собой и отличающихся от равнинных украинцев (Горленко 1994, С. 133—146). Историко-этнографическая область расселения *гуцулов* — Гуцульщина. В соответствии с современным административным делением она включала южные части Надворнянского, Катовского р-нов и Верховинский р-н Ивано-Франковской обл., южную часть Вишницкого р-на, Путильский р-н Черновицкой обл. и Раховский р-н Закарпатской обл. (Гуцульщина, 1987. С. 24). *Лемки* расселены на обоих склонах Бескид, в междуречье Сана и Попрада, к западу от р. Уж, — т. е. на юге Великоберезнянского р-на и в Перечинском р-не Закарпатской обл. (Культура и побут... С. 23). *Бойки* проживают в междуречье Сана и Ломницы, в предгорьях Карпат, южнее Днестра, и на юге, в верховьях Ужа и Тересвы, что соответствует территории Долинского р-на и в юго-западной части Ивано-Франковской обл.; в Сколевском, Турковском, южной полосе Стрыйского, Дрогобычского, Самборского и большей части Старосамборского р-нов Львовской обл., а также в северной части Межигорского и Воловецкого р-нов Закарпатской обл. (Бойківщина. 1983. С. 28). Ряд этнографических групп выделялся в прошлом и в других районах Украины, в частности в Полесье, — *литвины*, *полецуки*, *тутейши*, в Среднем Поднепровье — *черкасы* и др., однако к к. XIX — н. XX вв. самосознание этих групп в значительной мере утратилось, и в большинстве случаев их представители сейчас считают себя украинцами¹.

Традиционными видами хозяйственной деятельности украинцев с древнейших времен было земледелие со скотоводством, а также добывающие промыслы — охота, рыболовство и пчеловодство. Украинцы оказались преемниками высокой культуры земледелия, которое на данной территории практиковалось местным населением уже с эпохи неолита — в VI—IV тыс. до н. э. (Горленко, Бойко, Куницкий 1971).

Земледелие украинцев имело три основные отрасли: пашенное земледелие, огородничество и садоводство. На Украине было известно несколько систем земледелия. Самой архаичной, встречавшейся в к. XIX — н. XX вв. лишь в отдельных местах Полесья и Карпат, была подсеčno-огневая система. Наиболее распространено было трехполье, известное еще со времен Киевской Руси, хотя в конкретных условиях оно использовалось не всегда. Так, в Карпатах долгое время преобладала двупольная система: часть земли засеивалась, а другая использовалась для выпаса скота, на следующий год — наоборот. В Подолье практиковалось и четырехполье, когда одну часть земли, помимо используемых как при трехполье, оставляли под травосеяние. На рубеже XIX—XX вв., после осуществления аграрных реформ и начала новой волны появления хуто-

ров, некоторое распространение получила и многопольная система, требовавшая интенсивного удобрения, травосеяния и позволявшая осуществлять рациональный севооборот.

Большая часть пахотных земель Украины была занята рожью, которая превалировала здесь с древнейших времен. Пшеница, более требовательная к климатическим условиям и к качеству почвы, преобладала в черноземных районах — в лесостепной и степной зонах: на Слобожанщине и в Полтавщине — яровая, а на Киевщине, в Подолии и на Волыни — озимая. Выращивали также ячмень, гречиху, просо, горох, фасоль, лен, коноплю, сахарную свеклу, в Полесье — картофель. С конца XVII в. стали интенсивно сеять кукурузу, особенно на юге и юго-западе Украины.

Для обработки земли пользовались в основном тремя орудиями — плугом, ралом и сохой (последняя бытовала только в Полесье и в отдельных местах Левобережья). Преобладал же массивный колесный плуг традиционной украинской формы, известный под названием “малороссийский”, “новороссийский”, “степной”. Он требовал мощной тягловой силы — в него запрягали 2—4 пары волов. Рала на Украине бытовали двух типов — двузубые и многозубые и употреблялись в основном в переходной зоне от Полесья к Лесостепи. В Полесье и кое-где на Левобережье для пахоты использовали сохи, впрягая в них лошадей. Сохи были также двух типов — полесский (литовка) и одноконка. Первый известен на всей территории украинского Полесья, второй — на левобережной его части и в прилегающих лесостепных районах: Новгород-Северском, Глуховском, частично в Кролевецком и нескольких соседних уездах Черниговской губ. (Falkowski 1931, S. 85; Зеленин 1908, С. 55). В лесных зонах, где местами сохранялось подсечное земледелие, в качестве подсобного применялся и ручной инвентарь — мотыги и лопаты. Внедрение усовершенствованных орудий земледелия проходило параллельно проникновению капиталистических элементов в сельское хозяйство и затрагивало главным образом помещичьи хозяйства.

Состояние земледельческого хозяйства в к. XIX — н. XX вв. во многом определялось господствовавшими в той или иной местности системами земледелия и формами землевладения или земельно-имущественными отношениями. Процесс обезземеливания крестьян, в первую очередь коснувшийся лесостепной зоны — плодороднейших черноземных губерний Украины, — в этот период достиг особой остроты (Теплицкий 1959, С. 15). Это привело к тому, что значительная масса беднейшего крестьянства была вынуждена переселяться в поисках пахотных земель или арендовать землю, пользоваться “супрягой”, заниматься отхожими и кустарными промыслами; тем самым крестьянин все больше «втягивался» в товарно-денежные отношения. Как установили исследователи конца XIX в., наибольшая степень обезземеливания приходи-

лась на те местности, где был максимум хозяйств с малыми наделами — около 3-х дес. на хозяйство (в Полтавской губ. — в Зеньковском, Полтавском и Лубенском уездах). Наименьшая степень обезземеливания была в тех районах, где имелся максимум хозяйств, владеющих средними и крупными участками, — 5—10 дес. (в Черниговской губ. — Суражский, Мглинский, Городнянский уезды) (Миклашевский 1887, С. 42). Однако разница в плодородии и в количестве затрачиваемого труда компенсировала во многом разницу в размерах земельного надела. Тучные черноземы не нуждались, подобно полесским скудным почвам, в удобрениях, однако требовали обработки тяжелым колесным плугом. Это, по меньшей мере, в два раза увеличивало потребность в рабочей тяге. Процент хозяйств, не имеющих при этом рабочего скота в черноземных губерниях, оказывался гораздо более высоким, чем в нечерноземных (в Полтавском у. — 15,6 %) (там же. С. 153). Безлошадный крестьянин был вынужден так же идти в батраки, как и безземельный. Крестьяне прибегали ко всем возможным способам сохранения земли или к ее аренде, чтобы иметь возможность хотя бы часть года питаться за счет собственного хлеба. Недостающую долю продовольствия закупали за счет средств от поденных заработков, продажи части сельскохозяйственной продукции, скота и птицы, отходов на заработки и др. Одним из важнейших источников таких заработков были кустарные промыслы, в том числе и деревообрабатывающие.

Животноводство из-за высокой потребности в тягловой силе носило специфический характер: разводился в основном рабочий скот — быки, лошади. Разведение крупного рогатого скота носило опосредствованный нуждами земледелия характер, а мясо-молочное направление было ориентировано преимущественно на удовлетворение собственных нужд семьи. В каждом дворе держали, если позволяло имущественное положение, волов или коней, коров, овец, свиней, разнообразную птицу. Скот помимо молочно-мясных продуктов, кожи и шерсти, давал крестьянину возможность удобрять поля навозом. Особое развитие получило животноводство в тех местах Украины, где этому способствовало наличие пастбищных и сенокосных угодий, — в частности, в Полесье. В сер. XIX в. спрос на скот возрос, что вызвало включение не только помещичьих, но и крестьянских хозяйств в товарное производство животноводческой продукции. Здесь наметилась районная специализация отрасли: на северо-востоке Полесья превалировало мясное направление, в центральных и южных — мясо-молочное, в южных — овцеводство и коневодство (Полесье. Материальная культура, 1986. С. 137). Торговля скотом, преимущественно в оптовой форме, велась в крупных городах, а также на региональных и межрегиональных ярмарках. Часть про-

дуктов животноводства и скота поступала на местные сельские рынки.

В зависимости от природных условий и социально-экономических форм организации собственности на Украине существовало в разное время несколько способов содержания скота. В северной зоне лесостепи и Полесья преобладала выгонная форма выпаса, при которой летом животных в течение дня выпасали (используя перелески в качестве пастбищных угодий), а на ночь загоняли в помещения. Зимой скот держали в хлевах и стойлах, используя луга в качестве сенокосных угодий для заготовки сенажа. Наряду с упомянутой выгонной системой содержания скота бытовала и отгонная, при которой крупный рогатый скот и волов, предназначенных для забоя, а также молодняк отгоняли на удаленные пастбищно-сенокосные угодья, где и пасли до осени.

Степная часть Украины до первой половины XIX в. в связи со значительным количеством нераспаханных земель обладала прекрасными пастбищами, где держали большие стада лошадей и отары овец, которых в условиях теплой/малоснежной зимы можно было пасти круглогодично.

Хозяйственной спецификой отличались регионы Карпатских гор и степной Украины. Последняя, позже других областей Украины попавшая в волну крестьянской колонизации и включившаяся в *крестьянское* сельскохозяйственное производство, после распашки ее земель превратилась во всероссийскую житницу, снабжавшую хлебом не только отечественных потребителей, но и поставлявшую его за рубеж. Высокоспециализированные капиталистические хозяйства, ориентированные на производство зерна, являлись работодателями для крестьян, сезонно отходивших на заработки из наиболее обезземеленных губерний — Полтавской, Черниговской и др. (Постников 1861). Постепенно развивающееся денежное хозяйство в этом регионе вызвало к жизни товарные отрасли обрабатывающей промышленности, существование высокоспециализированных ремесел в основной своей массе отделенных от сельского хозяйства.

Специфика природно-географических условий, а также особенности исторического и социально-экономического развития Карпат сформировали на протяжении веков своеобразную традиционную структуру хозяйственной деятельности гуцулов, бойков и лемков. Основным занятием гуцулов было *пастушеское* скотоводство, практиковавшееся на имеющихся в высотном поясе альпийских лугах, на прекрасных пастбищах — полонинах. Вопрос о начале использования полонин для скотоводства спорен, но ряд исследователей связывают его с валашской колонизацией Карпат (Бромлей, Грацианская 1976, С. 9). Особенности форм владения пастбищами на полонинах обусловили возникновение своеобразных форм их использования в виде аренды или найма сельскими

пастушескими общинами. Собственники скота выбирали опытного пастбищного хозяина — *ватага*, который занимался арендой и контролировал работу нанятых громадой пастухов. В обязанности последнего входил не только выпас скота, но и обработка молока, изготовление сыра, творога и брынзы, которыми впоследствии *ватаг* рассчитывался с собственниками скота (Тыводар 1973, С. 14; Мандибура 1978, С. 33—49). Земледелие у гуцулов имело второстепенное значение, т. к. малоплодородные и неудобно расположенные горные земли не давали возможности его развивать. Бичом этих мест являлось малоземелье — в соответствии с сельскохозяйственной переписью 1902 г. по всей Галиции было 42,2 % хозяйств с земельным наделом до двух гектар, а в Станиславском воеводстве таких было еще больше — 67 % (Свежинский 1958, С. 83). Массовым был процесс скупки земли ростовщиками, предоставлявшими ее в аренду на кабальных условиях. Так или иначе урожая с собственной земли основной части населения хватало лишь до нового года, поэтому большая его часть была вынуждена жить за счет найма (Гонтар 1979, С. 13). Кроме того, еще в XIX в. многие исследователи обращали внимание на феномен чрезвычайно широкого распространения кустарных промыслов в Карпатах, и особенно у гуцулов, и отмечали высокий художественный уровень их изделий. Так, известный знаток гуцульской культуры В. Шухевич писал: “Ни в каком другом уголке нашей (Карпатской — Т. Б.) Руси не играет домашний промысел такой важной роли, нигде не является в такой степени источником средств существования, как у гуцулов” (Шухевич 1901, С. 241).

Несколько отличалась от гуцульской хозяйственная структура другой этнографической группы украинцев Карпат — бойков. Основным их занятием было сельское хозяйство — земледелие и скотоводство. Широкое распространение получили здесь и дополнительные занятия — огородничество, садоводство, пчеловодство, а особенно — занятие торговлей. Последнее было обусловлено выгодным географическим положением территории расселения бойков, через которую проходили торговые пути в Венгрию, Польшу, Румынию, Молдавию и южную часть России. Обладая собственными продуктами земледелия, бойки обменивали их на гуцульские ремесленные изделия, а потом продавали их в равнинных районах как к западу, так и к востоку от Карпатских гор. Да и у самих бойков в значительной мере были развиты ремесла — ткачество, обработка кож, гончарство и др. (Бойківщина. 1983. С. 89).

У лемков земледелие играло в хозяйстве еще большую роль, чем у бойков, — лемки выращивали овес, ячмень, рожь, пшеницу, распространенные по всей Украине, однако в особо крупных масштабах сеяли кукурузу, составлявшую наряду с овсом основной продукт их питания. Определенную роль играло у лемков и ското-

водство — они покупали у гуцулов и бойков овец, пасли их в течение лета, а затем продавали. К дополнительным занятиям лемков относились извозничество и отход на сельскохозяйственные работы в Венгрию. Как и у всех горцев Карпат, у них были распространены различные промыслы (Попов 1867, С. 23).

Итак, основу хозяйства украинцев, за исключением гуцулов, составляло земледелие. Огородничество, садоводство и полеводство, будучи хорошо развитыми на Украине, не носили, однако, товарного характера и обслуживали преимущественно нужды крестьянской семьи. К вспомогательным занятиям относились охота и рыболовство, пчеловодство и собирательство. Народные промыслы и ремесла, такие как гончарство, ткачество, металлургия и обработка железа, кожевенные промыслы, обработка камня и дерева, валяльный промысел, отходничество и др., были широко распространены на Украине, особенно в тех местах, где процесс обезземливания вызывал сезонный отток излишней рабочей силы (из аграрно перенаселенных регионов) или происходило "переливание" части не обеспеченного средствами производства крестьянского труда в неземледельческие отрасли сверх традиционной его нормы в условиях натурального хозяйства.

Беглый обзор хозяйства украинцев показывает, что традиционные хозяйственные структуры к. XIX — н. XX вв., опосредованные в первую очередь природно-географическими зонами естественной среды, были скорректированы особенностями развития и социально-экономическими отношениями каждой историко-этнографической зоны. Корректировке такого рода подверглась и вся многообразная сфера традиционной обрабатывающей промышленности, в то время носившая преимущественно кустарный характер. Прежде чем перейти к разбору ее деревообрабатывающей отрасли, представляется целесообразным попытаться проследить основные исторические пути развития деревообрабатывающих промыслов и ремесел.

¹ Среднее Поднепровье, понимаемое как историко-этнографическая область, может рассматриваться в качестве ядра формирования древнерусской государственности, ядра «Русской земли» или «собственно Руси» в понимании А. Н. Насонова (Насонов 1951, С. 21, 29, 45). Эта же территория на рубеже позднего средневековья и Нового времени являлась эпицентром казачьей культуры. Здесь располагались ведущие святые украинского народа (Киево-Печерская лавра, Межигорский Спасский монастырь и др.), административные центры ведущих казачьих полков — Киевского, Черниговского, Нежинского, Прилуцкого, Полтавского, а также наиболее престижные как для казачьего самоуправления, так и для положения в «Короне» (коронных землях Речи Посполитой) каштелянства.

§ 2. Исторические пути развития деревообрабатывающих ремесел на Украине

1. Домонгольский период ремесленного производства: город и деревня

Реконструкция основных этапов развития деревообрабатывающих отраслей украинцев — задача очень сложная. Археологические памятники обычно бедны предметами из дерева вследствие его плохой сохранности, а методика их интерпретации, как и древнерусского ремесла в целом, долгое время не выходила из рамок морфологического подхода. Ранние этапы древнерусского ремесла неплохо изучены с точки зрения его техники и технологии (Б. А. Колчин, Т. И. Макарова, Г. Ф. Корзухина, Г. А. Вознесенская, Ю. Л. Щапова, М. К. Каргер и др.). Месту и роли ремесла в системе социального и экономического развития общества уделялось меньше внимания. Наиболее значительной работой, освещающей данные вопросы, стало капитальное исследование Б. А. Рыбакова “Ремесло Древней Руси”, в котором автор изложил свою концепцию происхождения, структуры и развития древнерусского ремесла, использовав огромный фактический материал (Рыбаков 1948).

В советской научной терминологии под “ремеслом” понимали мелкое ручное производство на базе простых орудий труда и личного мастерства (БСЭ. Т. 22, С. 3). Домашнее ремесло является наиболее древней формой ремесла, поскольку оно было частью натурального хозяйства семьи (или общины), и его разновидности являют собой первичную специализацию деятельности, не связанную с общественным разделением труда. Стадиально домашнее ремесло предшествует профессиональному. Б. А. Рыбаков считал крупнейшим явлением, оказавшим влияние на развитие раннего русского ремесла, возникновение города как новой социальной категории, что и сделало возможным превращение домашнего (деревенского) ремесла в профессиональное (Рыбаков 1948, С. 97; Щапова 1988. С. 176). Уже с периодом VII—VIII вв. он связывает возникновение ремесленных поселков на территории Древней Руси, где существовали разнообразные производства — кузнечное, литейное, гончарное, косторезное, ювелирное и др. Именно такие поселки впоследствии превращались в города, и с этого времени эволюция ремесла идет двумя взаимосвязанными, но самостоятельными путями — деревенским и городским.

Последний и олицетворяет собой профессиональное ремесло, характеризующееся тем, что и сам производитель, и его семья существует за счет реализации продуктов своего труда, оно является экономическим стержнем товарного хозяйства феодальной эпохи. Точно выразила суть профессионального ремесла Ю. Л. Щапова:

“...с точки зрения теории систем оно представляло собой открытую систему, в регулировании которой принимали участие факторы внутренние и внешние, среди последних — спрос и рыночная конъюнктура. Выход ремесла на рынок создал мощные стимулы для развертывания потенциала, содержащегося в нем. Рынок и рыночная конъюнктура воздействовали на качество ремесленной продукции” (Щапова 1988, С. 176).

Однако существовала и другая точка зрения. Дело в том, что еще в IX в. в классической деревне (Городище Новотроицкое, Полтавская обл.) существовало профессиональное ювелирное ремесло (Ляпушкин, 1958). На том же поселении гончарное производство также являлось профессиональным. Профессиональный ремесленный характер имеют также находки на сельском поселении X—XII вв. Лесковое (истоки р. Белоус, Черниговская обл.) (Шекун, 1993, С. 136). Это верно как для X, так и для XI—XII вв., как показали работы на сельском поселении этого времени у с. Автуничи на границе Украины и Белоруссии (Моця А. П., Готун И. А., Коваленко В. П., 1995, С. 100—106). Это подтверждает мнение о древнерусском городе как преимущественно административном (Тихомиров, 1956), династическом и культовом центре (Шевченко 1995, С. 63—67; С. 96—100). Спонтанное развитие ремесла происходило по восходящей вместе с развитием общего комплекса производительных сил. Проживание профессиональных ремесленников как в селах, так и в городских административных центрах, с одной стороны, способствовало длительному сохранению традиций — “династий сельских ремесленников”, а с другой — приобщению к мировым стандартам эйкумены. Попадавшие в административные центры в результате интенсификации торговли предметы импорта на сельских поселениях также не представляются исключением. На упомянутое уже сельское поселение Лесковое попадали не только сирийские и кавказские бусы, но гончарная посуда X в. с Рейна (Шекун 1993, С. 136). С другой стороны, именно на сельских поселениях развивалось железодельное и кузнечное производство, где готовился инструментарий для резьбы по дереву (Шекун 1995, С. 11). Наряду с бытующими издавна вырабатывались новые стили, что позволяет рассматривать некоторые формы деревянных изделий как дериваты привозных металлических. Возможно, это касается формы широко распространенных деревянных полусферических чаш, а позже мисок. Аналогичные серебряные чаши известны в качестве массовой византийской продукции и входят в состав древнерусских кладов (Корзухина 1954, С. 138—149).

На основе материала IV—IX вв. Б. А. Рыбаков смог проанализировать постепенное обособление ремесел в городе, однако поставить вопрос о выделении ремесел из процесса сельского производства предметов потребления того времени он не считал возмож-

ным и предпочел говорить “не о ремеслах..., а о домашнем производстве” (Рыбаков 1948, С. 182). Именно в рамках последнего он касается деревообделочного производства¹ (Бахрушин 1952, С. 93). Среди инструментов для обработки дерева в IV—IX вв. он выделяет топор, тесло, ложжарь, струг и предположительно — долото (Рыбаков 1948, С. 183). Этот достаточно универсальный набор сохраняется и до сих пор, хотя к нему со временем добавились и другие орудия.

Какой же круг предметов мог изготавливаться с помощью названных инструментов? Среди находок в курганах северян, радимичей, дреговичей, кривичей и словен встречаются фрагменты бондарных ведер. Наличие в общеславянской терминологии слов, относящихся к бондарному ремеслу, — “бъчька” (“бъчьвь”), “вчелка”, “дельва”, “ведро”, “кадь”, “оков”, “дежа” приводит к выводу о распространении уже в тот период некоего общего комплекса бондарной посуды.

Необходимые для бондарного производства трудовые навыки, требующие высокой точности, позволяют предполагать существование определенной степени специализации инструментария (Ржигга 1929, С. 25—27), употреблявшегося именно для бондарных работ, что дает возможность Б. А. Рыбакову говорить о том, что “...бондарное дело в некоторых местностях было таким же ремеслом, как и гончарное, т. е. дополнительным к земледелию занятием мастера” (Рыбаков 1948, С. 184).

Предполагать наличие в деревне VI—X вв. специалистов-плотников Б. А. Рыбаков не решает, т. к. известно, что строительство в деревне жилищ и хозяйственных построек происходило с привлечением общественной помощи. Городские плотники, очевидно, были выходцами из деревни — дальше этого допущения идти трудно. Итак, период VI—IX вв. характеризуется в развитии ремесла следующими процессами: возникновение неособобленной ремесленной деятельности в деревне (домашнее ремесло) и городского профессионального ремесла, а также выделение в нем определенных отраслей. Деревообделочное производство не превращалось в городскую форму ремесла, оставаясь в рамках деревни, возможно, за исключением бондарного и плотницкого дела.

Период XI—XIII вв. открывает новый этап в развитии ремесла, обусловленный интенсивным ростом городов Древней Руси, в первую очередь Киева и Новгорода. Информация о деревянной утвари XI—XIII вв. содержится в письменных источниках и в археологических находках. В последних фиксируется значительное расширение ассортимента утвари: остатки бочек, кадей, корыт, чаш, дежей, уполовников, ложек, резных ковшей и др. (Ржигга 1929, С. 24—34). Разнообразная как по функциям, так и по технологии изготовления посуда (бондарная, точеная, резная, долбленая, берестяная, плетеная), найденная в раскопках Подола и дру-

гих районов древнего Киева (рис. 1), не могла быть произведена в рамках каждого хозяйства, что заставляет предположить, что деревообделочному ремеслу в этот период была уже присуща определенная степень обособленности. Оно вышло из домашней сферы и было достаточно специализировано. Это подтверждается и расширением набора инструментов в слоях XI—XIII вв., где помимо уже известных орудий найдены секиры, долота двух видов (втульчатые и простые), пилы, сверла, детали рубанков (Рыбаков 1948, С. 409). Прекрасный набор деревообделочных инструментов найден М. К. Каргером в Киеве в мастерской художника — здесь помимо топора, скобеля и большого бурава-сверла со втулкой для деревянной рукояти оказались специально выгнутые резцы, принцип работы которых схож с ложкарем (Каргер 1940, С. 39). Наиболее часты свидетельства разного рода о бытовании долбленых и бондарных изделий. Факт их широкого распространения в быту и повсеместного изготовления заставляет начать описание именно с них.

Так, в «Русской Правде» неоднократно упоминаются ведра как мера сыпучих веществ. В «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) еще под 997 г. рассказывается о том, как ведром черпали жижу для киселя (Правда Русская 1940, С. 123; ПВЛ, Ч. 1. 1950. С. 88). В раскопках курганов X—XII вв. нередко встречаются фрагменты деревянных ведер, причем в основном металлических их частей — ручек, оковок и обручей. Они же присутствуют в слоях киевских раскопок того же периода (Левашева 1959, С. 78; Новое в археологии Киева, С. 272). Археологам удалось реконструировать размер и форму древнерусских ведер — они имели высоту около 30 см, а диаметр — 20—25 см (там же). Кадка — *кадь* — также упоминается в «Русской Правде» и «Повести временных лет» как мера сыпучих веществ и вместилище для зерна. Судя по тому, что из кади черпали ведром, это была крупная емкость (Правда Русская. 1. С. 354). Очевидно, наряду с большими существовали и более мелкие кадушки — новгородские берестяные грамоты содержат упоминания о «деже» и «улоке» как мерах сыпучих тел. Как известно, термин «дежа» бытует и до сих пор, обозначая «мелкую кадушку», а «улока», судя по контексту грамоты, имела еще меньший размер, чем дежа (Арциховский 1954). Бочка использовалась в Древней Руси как емкость для хранения разных жидкостей и напитков. Уже в X в. в «Повести временных лет» есть упоминание о том, что пиво и мед развозили в *бочках* (ПВЛ. Т. 1, С. 87). «Сказание об Антонии Римлянине» XII в. содержит информацию о больших бочках — *дельвах*, окованных железными обручами (Буслаев 1881, С. 146, 152). В Киеве, на Подоле, был найден почти полностью сохранившийся бочонок (Новое в археологии Киева, С. 323). И, наконец, к группе бондарных изделий относится так называемый *цебер*, который в источниках XIII в. упо-

минается как мера взимаемой дани (Орлов 1958). Эволюция древнерусского бондарного мастерства прослежена С. Н. Орловым на материалах Старой Ладogi. Так, в наиболее ранних горизонтах слоев VII—XIII вв. утор (место, куда вставляется дно бондарного сосуда) вырезался в виде ступеньки, а в горизонтах X в. он имеет уже современный вид — поперечного канала, вырезанного пилкой на внутренней стороне клепок. Эволюционируют во времени и способы крепления обручей: если в VII—VIII вв. они соединялись путем обвязывания лыком наложенных друг на друга концов, то с конца IX в. их стали смыкать “в замок” с помощью вырезанных на конце выемок. Такой способ широко бытовал не только на Украине, но и у народов всей лесной полосы Восточной Европы (Фишман 1986, С. 128).

Не менее широко чем бондарная, была распространена долбленая посуда. Как пишет В. П. Левашева, “Судя по городским материалам... самое широкое распространение имели чашки, ковши, уполовники, блюда, корыта. Реже встречались ставцы, братины, енды, кубки, солоницы и другие типы столовой посуды” (Левашева 1959, С. 84). В раскопках древнего Киева на Красной площади были найдены резная чаша и ковш с изогнутой ручкой. Два аналогичных ковша обнаружены в культурном слое на Житном рынке; неоднократно встречались долбленые корыта, а на улице Верхний Вал — “жлукто” (долбленая бочка без дна, которая в XIX—XX вв. использовалась для зolения белья) (Новое в археологии Киева, С. 323). В городской среде уже в X в. наряду с долбленой широко бытовала и точеная посуда (Давидан 1970). По крайней мере, до сер. XIII в. даже на периферии, в Райковецком городище (основные напластования которого датированы концом VIII—X вв.), бытовали деревянные изделия, выточенные на токарном станке. Точеная мисочка обнаружена и в киевской Десятинной церкви (Рыбаков 1948, С. 412).

По наблюдениям Б. А. Колчина, токарные инструменты, хорошо представленные в древнерусских материалах, имели уже в X в. развитые формы, близкие современным, что позволило токарям организовать массовый выпуск деревянной посуды (Колчин 1953, С. 123). Появление токарных станков в Старой Ладoge в IX в. (Давыдан 1970, С. 81—89) соответствует положению Я. Кавана о распространении токарного станка в IX—XIII вв. на всей славянской территории (Kavan 1962, s. 224, obr. 1. 14).

В широком употреблении в период IX—XIII вв. были посуда и утварь из луба или лыка — внутренней части коры лиственных деревьев, в основном липы, вяза, ивы или березы. Изделия типа современных туесов встречаются в раскопках Старой Ладogi, в Новгороде, в Белоозере. В Киеве, в усадьбе на Красной площади, найден берестяной стаканчик с крышкой, а в торце этой же усадь-

бы — берестяной короб. Аналогичные коробки и лукошки цилиндрической формы обнаружены и на Житном рынке (Левашева 1959, С. 88; Новое в археологии Киева, С. 323).

Таким образом, период XI—XIII вв. характеризовался интенсивным развитием деревообрабатывающих ремесел. Увеличение набора инструментов, углубление специализации привели к выделению нескольких категорий мастеров по обработке дерева — строителей городских укреплений и, не исключено, — крупных зданий (“огородников”), плотников (“древоделей”), столяров (“теслей”), выполнявших не только столярные, но бондарные и токарные работы (Рыбаков 1948, С. 413). Наиболее важной особенностью рассматриваемого периода в городе являлось появление наряду с посадским ремеслом вотчинного, обслуживающего нужды феодалов. Оно было сосредоточено на выпуске продукции высокого класса с совершенной техникой исполнения. Вотчинное ремесло играло роль посредника в освоении новых технологий, новых моделей, аккумулировало прогрессивные идеи, творчески их осваивая и приспособлявая к вкусам и потребностям феодальной верхушки. Зарождение вотчинного ремесла Б. А. Рыбаков относит к IX—X вв. С этого времени главной фигурой ремесленного производства в городах становится не свободный посадский мастер, а зависимый, работавший на своего господина. Будучи включенным в хозяйственную структуру феодальной вотчины, он был лишен права собственности на орудия и результаты труда, работая с материалом заказчика из расчета на ограниченный сбыт в границах усадьбы феодала. Не исключена возможность “артелей” мастеров, в течение определенного срока работавших на феодала по найму. Наличие артелей сближало социальные позиции вотчинного и посадского ремесла.

В XII—XIII вв., с развитием товарных отношений, вотчинные ремесленники перешли к работе на рынок, хотя и оставались в зависимости от своих господ (Толочко 1988, С. 149).

Следует заметить, что в рассматриваемый период деревообделочное производство, как специализированная отрасль, не входило в рамки вотчинного ремесла, к которому в первую очередь относились ювелирное дело, стеклоделие, резьба по кости и камню, кузнечество. Лишь в одной своей отрасли — строительной — оно приняло форму ремесла, которую П. П. Толочко квалифицировал как “государственную” (Толочко 1988, С. 150). П. А. Раппопорт, например, прямо указывает на строительные артели 1-й пол. XI в., одна из которых возводила вначале Черниговский Спас, а затем — Софию Киевскую (Раппопорт 1986, С. 23; Шевченко 1991, С. 1041, 1042).

Организатором сооружения городских построек, храмов, оборонительных укреплений выступала княжеская власть, поэтому по

форме это ремесло близко стояло к вотчинному, т. к. в его сферу входили зависимые или нанимаемые ремесленники. Таким образом приходится констатировать, что в IX—XIII вв. основная масса отраслей деревообделочных ремесел — плотничного, столярного и существовавшего в рамках последнего бондарного и токарного дела — находились в руках свободных посадских мастеров.

Гораздо меньше объем информации, касающейся деревенского, вписанного в натуральное хозяйство, домашнего ремесла. Более того, образцов древнерусской посуды в IX—XIII вв. из памятников сельского типа почти неизвестно, за исключением некоторого количества курганных фрагментов, по которым трудно реконструировать форму утвари, однако можно предполагать, что деревенские умельцы владели такими приемами, как долбление и бондарное производство. Среди остатков деревянной посуды есть ведра с железными обручами и ручками, чашки, ковши, корыта и ложки. Археологический материал свидетельствует, что уже с VI—VIII вв. были известны и стоечный, и пластинчатый способы изготовления долбленной посуды в сельской среде (Левашева 1959, С. 83). При раскопках последней в большом количестве находят такие предметы домашнего обихода, как лопаточки, мутовки, скалки, мешалки и т. п., техника выделки которых проста — их выстругивали ножом из обрубленной топором болванки или из готового отрезка тонкого ствола. Токарное производство в деревне, очевидно, не практиковалось: нигде не найдено остатков токарного станка. Интересен тот факт, что единственная курганная находка точеной чашки имеет трещину, старательно сшитую медной проволокой, что, по мнению В. П. Левашевой, заставляет считать ее ценным для деревни предметом (Левашева 1959, С. 81).

Из отраслей, которые могли превратиться в деревне в самостоятельный промысел, можно назвать лишь бондарство. Б. А. Рыбаков предполагал, что бондарное дело, как и гончарное, совмещало заготовку и обработку сырья и было сезонным, дополнительным к земледелию занятием. Указав на то, что рынок сбыта у бондарей был примерно таким же, как и у гончаров, он определил его масштаб в радиусе отдельного поселка или группы поселков, объединенных общим кладбищем (Рыбаков 1948, С. 482). Мастера передавали свое умение по наследству. Основным итогом развития ремесла в IX—XIII вв. была интеграция между городским и деревенским ремеслом, выход на широкий рынок городских мастеров. Свободное городское ремесло, развивавшееся с X в. параллельно с вотчинным, со временем отеснило последнее на второй план, и в результате бурного развития рыночных отношений в XII—XIII вв. вотчинное ремесло частично превратилось в товарное производство. Все эти процессы и подготовили качественный перелом в древнерусском ремесле в сер. XII в., который

характеризуется не столько изменением внутреннего соотношения свободного и вотчинного ремесла, сколько увеличением объема производства (Голочко 1988, С. 151).

В таком состоянии находилось древнерусское ремесло, когда в XIII в. Русь приняла на себя удар монголо-татарского нашествия, надолго затормозившего ее развитие (Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. I). Особенно разрушительным было воздействие иноземного ига на городское ремесло: деревенские формы ремесла вследствие прекращения технической подпитки из города надолго законсервировались. Вместе с тем работа русских мастеров на чужбине — в Каракоруме, при дворе золотоордынского хана в Сарае, причем совместно с китайскими, индийскими, западноевропейскими мастерами, несомненно, была оплодотворяющей (Путешествие в восточные страны..., 1957). Для территории Украины такое взаимодействие оказалось крайне недолговременным — около полстолетия. Как следует из анализа летописных известий к. XIII — нач. XIV вв., в это время здесь уже распространяется литовское господство. Оно окончательно закрепилось после Южного похода Ольгерда и устройства литовской администрации в Киеве и Чернигове (1356—1358 гг.). В смысле межрегиональных и межэтнических контактов переселение, проведенное Витовтом в конце XIV— начале XV вв., также не могло не сказаться на ремесле. Так, гончарные баклажки и кружки, характерные для народов, населявших Хазарский каганат (в т. ч. территорию Левобережной Украины) и Предкавказье, вновь появляются на Украине вслед за переселением предкавказских черкесов и караимов Крыма на территорию Великого княжества Литовского, на территорию Среднего Поднепровья. Такие материалы XV в. были раскопаны в 1993 г. в Чернигове (ныне они выставлены в экспозиции Черниговского исторического музея), аналогичная посуда находится в экспозиции Музея караимов в Тракае (Литва). Не менее значительным было влияние карпатских бойков, переселенных в Среднее Поднепровье, на территорию современной Полтавской обл. (Стрижак 1967, С. 107—110). Время распространения бойков на Днепровском левобережье остается неясным, однако к XVII в. здесь наблюдается “треугольник” максимальной концентрации топонимии и фамилий с корнем “бойк”, что исследователи связывают с переселением карпатских бойков Витовтом в период накануне битвы с ханом Эдигеем в 1399 г. (Стрижак 1967, С. 111). Не исключено привнесение бойками, как и другими переселенцами, хозяйственной, и в том числе ремесленной, многоукладности. Благодаря этому культурному импульсу на территории Левобережья реанимируются формы керамики и технологии, забытые здесь в течение 400—600 лет. В частности, исчезнувшая к XIII в. форма одноручного опуклобокого тонкогорлого кувшина, бытующего в древностях северян VIII—X вв. под воздействием салтовской куль-

туры территорий Хазарского каганата, появляется на левобережье Днепра вновь и дублирует форму западноукраинской “банки” (Матейко 1959, Табл. XXII-2, XXV-2). Распространенные в период Киевской Руси XII в. подсвечники в сер. XIII в. также исчезают из керамического набора Среднего Поднепровья, сохраняясь в культуре западноукраинских земель, в частности в наборе косовских гончарных изделий (Гуцульщина 1987, цв. илл. 100, С. 248, 249). Аналогичная форма деревянного точеного подсвечника встречена нами в полевых условиях в 1988 г. в с. Самчики Староконовского р-на Хмельницкой обл. Возобновление существования данной формы подсвечника на Левобережной Украине в позднем средневековье документировано раскопками в Ильинском монастыре Чернигова в 1995 г. (фонды ЧГАИЗ).

Возобновление более ранних форм связано не только с их сохранением на иных территориях (например, в Предкавказье), но и с последовавшим культурным импульсом из этих территорий, способствовавшим вторичному их появлению на рассматриваемой территории. Недавно Р. С. Минасяном² была предложена остроумная версия существования целого ряда категорий вещей в культурах отдаленных эпох, не сохранившихся в результате нестойкости материала. Это значит, что при исследовании артефактов палеокультуры, нельзя отбрасывать возможность существования некоторых видов посуды, особенно если она имеется в древностях предшествующего и последующего времени. На промежуточном этапе ее могли готовить из дерева, и ее остатки могут не фиксироваться археологически. Но существование такой формы до и после исследуемого временного интервала, скорее всего, свидетельствует о сохранении традиции, но в материале, сохранность которого проблематична (например, дерева). Такова, видимо, ситуация с формой подсвечника, существовавшая в древнерусское время XI—XIII вв. в керамическом исполнении, в XIV—XVII вв. — в деревянном и с XVII в. — вновь в керамическом.

Западный импульс сблизил процессы на территории Восточной Украины с процессами в ее западных областях, находившихся под влиянием западного католического мира, что проявилось на левобережье Днепра и в Приднепровье в требованиях и последующем установлении Магдебургского права и становлении цеховых организаций.

¹ Этот термин С. Б. Бахрушина кажется наиболее удачным.

² Доклад Р. С. Минасяна прозвучал на II Международном симпозиуме «Хозяйственно-культурные типы и этнический менталитет» в Кунсткамере в октябре 1997 г. (сборник Трудов симпозиума готовится к печати).

2. Цеховая организация и деревообрабатывающие ремесла на Украине

Одной из наиболее трудноразрешимых проблем в исследовании древнерусского ремесла является вопрос о генезисе цеховой организации. Мнения в литературе на этот счет очень разноречивы. Древние и средневековые письменные источники не содержат информации об организационных формах городского ремесла; археологических артефактов недостаточно для далеко идущих выводов, а аналогии с западноевропейскими ремесленными объединениями этого периода спорны. Дело в том, что общественное устройство древнерусского средневекового города в значительной степени отличалось от западноевропейского. Если на Западе бюргерство в некоторых городах было относительно независимым и само развивало городское хозяйство и управленческие структуры, то в древнерусских городах, находившихся под властью феодалов, организационные начала в деятельности ремесленников ограничивались рамками феодального хозяйства. Но если учесть, что даже в средневековой Западной Европе первые цехи появляются только в конце XI в., то предполагать наличие каких-либо обособленных организаций ремесленников древнерусского города в это время не приходится, хотя возможность их зарождения в виде совместной заготовки материала, а затем сбыта готовой продукции, нельзя отрицать. Лишь с развитием свободного ремесла и широким выходом его на рынок появляются предпосылки для сложения корпораций ремесленников. Это также может относиться к тем категориям ремесленников, труд которых требовал объединенных усилий (строители, каменщики, рыбаки), или тем, продукция которых находила массовый спрос и, следовательно, широкий рынок сбыта (ткачи, сапожники). Это относится не только к упомянутым выше строительным артелям «каменщиков».

По мнению П. П. Толочко, «При отсутствии прямых указаний на корпоративность ремесла русских городов большое значение приобретают косвенные. К ним относятся в первую очередь исторические названия городских районов, урочищ, улиц, в которых могли отразиться процессы концентрации ремесленников по производственному признаку» (Толочко 1988, С. 152). Так, в посадской части Киева, на Подоле, существовали урочища «Кожемяки», «Гончары» (так же, как и в Вышгороде), в Новгороде были Гончарный и Плотницкий концы (Колчин 1982, С. 122). Таким образом, подспудное внутреннее течение консолидационных процессов в древнерусском ремесле отрицать невозможно, они могли коснуться как территориальных, так и организационных его структур.

Увеличение удельного веса ремесленников в обществе требовало оформления их статуса законодательно. Как видно из событий «соляного бунта» в Киеве в 1113 г., среди возмущенных горожан

были и ремесленники, которым создали конкуренцию иудейские купцы товаром более экзотичным (импортные изделия) или более дешевым. Последнее было возможно при скупке товара у ремесленников окрестных или не очень далеких селений и продаже его на крупном рынке Киева. Положение, имевшее место в 1113 г., было изменено княжеским эдиктом, а в Берестовских статьях «Русской правды» был принят ряд законов, регламентирующих ростовщичество, холопство и закупничество (Фроянов: 1995, С. 224). Если первые две категории населения ассоциируются с непосредственными виновниками и общей массой участников «соляного бунта», то участие в событиях закупов содержит намек на правовой статус ремесленного населения Киева начала XII в.

Проникновение цехового устройства в города, в частности Левобережной Украины, исследователи относят к XIV—XVII вв., связывая его с получением ими Магдебургского права (История Украинской ССР. Т. 2. 1982. С. 101, 102). Процесс сложения цеховой организации на этой территории издавна является предметом еще не законченной дискуссии. В конце XIX — н. XX вв. в ней приняли участие такие известные ученые, как В. Б. Антонович, А. Я. Ефименко, Д. И. Багалей, М. Владимирский-Буданов, К. Василенко, Ф. Кудринский, Н. Сумцов, Е. Сецинский, а в 20-х—30-х гг. М. Крачковский, Е. Лазаревская, Ф. Клименко, Д. Щербаковский, М. Грушевский, А. Бакушинский и др. Одни ученые считали, что цеховая организация заимствована из Западной Европы, через Германию и Польшу; другие были убеждены в ее глубоко местных корнях, получивших стимул к росту под влиянием западноевропейского права. Эта дилемма не разрешена и поныне ввиду ее сложности и многоаспектности.

Итак, исследователи фиксируют в домонгольской Руси наличие определенной корпоративности ремесла или ее зачатков в более развитых и тесно связанных с рынком отраслях, к которым деревообделочные производства не относились. Но в данном контексте обращает на себя внимание факт массового наличия бондарной продукции — ведер — в курганах Руси X в. (Рыбаков 1949, С. 17—45) и уже упомянутое выше массовое производство деревянной посуды на токарных станках в Старой Ладоге и Новгороде. Многочисленна в этом центре и деревянная резьба, связанная с территорией Северо-Западной Руси. Это, в свою очередь, наводит на размышления о пути «продвижения цеховой организации» через Новгород из торгового Ганзейского союза северогерманских городов. Этот путь продвижения самой формы ремесленных корпораций почему-то ускользал от внимания исследователей. Хотя такие номенклатуры ремесленных корпораций, как «Монетный двор», «Пушечный двор» и т. п., должны были бы привести к новгородской параллели: «Готский двор». Характер феодальной республики вечевое Новгорода не способствовал со-

средоточенности ремесленных корпораций во владении князей, что также способствовало корпоративности ремесленных объединений Новгородской земли.

Распространение подобной идеи из Новгорода не исключается не только в период феодальной раздробленности XII—XIII вв., когда в Новгороде княжат представители княжеских ветвей Рюриковичей из Южной Руси (в частности, из Чернигова). Связи Киева и Новгорода не прерывались и в XIV в., когда в Новгород из Киева прибыл известный основоположник ереси — Схария. Связи Новгорода с северогерманскими городами могут объясняться предшествующим притоком западнославянских переселенцев из земель, становящихся германскими еще в X—XI вв. (Славяне и скандинавы, 1986, С. 396). После юридического оформления союза северогерманских городов — создания Ганзейского союза в 1370 г. — в Великом Новгороде существовала его контора. Ганза стимулировала развитие горнорудного дела, текстильного производства и ремесел. Новгородское представительство Ганзы было закрыто в 1494 г. («Немецкий двор»). Восточная Европа получала от Ганзы через Новгород продукцию для металлообрабатывающего и ювелирного ремесел, а Государь Великий Новгород более века напрямую был связан с бюргерскими центрами Северной Германии (Samsonowicz 1968).

Средневековый русский город XIII в. в принципе был «готов» к возникновению или принятию цехового устройства в силу корпоративности его социальной структуры, хотя и не в такой степени как на Западе, где люди являлись одновременно членами различных сообществ: от семейно-родовых до ремесленных и религиозных. Западные формы цеховых организаций достигли к этому времени высокой степени консолидации и самоуправления, превратившись в замкнутые сословно-иерархические институты «самый характер профессионального становления которых надолго вырывал индивида из-под контроля семейной группы...» (Балушок 1987, С. 43). Цеховая регламентация охватывала весь жизненный цикл членов цеха, контролировала систему получения знаний и их совершенствование, финансовые отношения, градации производителей в зависимости от квалификации, разработку технологических норм и контроль за их соблюдением, цены на продукцию и в целом — рынок сбыта, включая защиту членов цеха от конкуренции. Цехи имели свой устав (статут), святых покровителей, знамя, печать, кассу, собственные праздники и т. д. (Балушок 1988: Балушок 1990, С. 54—75; Клименко 1929, Т. 1. Вып. 1). Уже в XIII—XIV вв. такой западноевропейский вариант цехового устройства в чистом виде проник на территорию Правобережной Украины, в Карпаты, в то время принадлежавшие Венгрии, с приходом немцев и голландцев, которые были здесь первыми вольными людьми, занимавшимися ремеслом (Мицюк 1936, С. 172, 173).

Синхронное пребывание в Крыму представителей итальянской торговой Генуи, их постоянные торговые связи с центрами Великого княжества Литовского (в том числе на территории левобережья Днестра) также способствовали процессам профессиональной консолидации. Рост числа западных переселенцев (особенно — германского происхождения) продолжался до XVI в. — немецкие колонисты группировались в городах и местечках Карпат и Прикарпатья и по уровню своего мастерства ничуть не уступали ремесленникам своей метрополии. Уже с XV в. по их примеру в этих местах начали создаваться цехи, включавшие представителей и других национальностей. Последний факт приобретает особую важность в связи с тем, что цехи являлись не только ремесленными, но и религиозными корпорациями, поэтому, например, православные не могли быть приняты в цех католиков. Необходимость объединения в условиях жесточайшей конкуренции как с изделиями немецких ремесленников, так и с большим количеством ввозимых из-за границы товаров, заставляла ремесленников различного вероисповедания создавать свои цехи. Помимо конфессиональных разграничений, немецкие цеховики по традиции не принимали к себе тех, кто происходил не от немецких родителей, а также был родом “от пастухов и крепостных”, поэтому украинцы, в тот период в своем большинстве утратившие свободу, в ремесленных цехах практически не состояли. Только законом 1608 г. венграм и славянам были даны равные городские и цеховые права с немцами (там же, С. 179).

Влияние немецких ремесленников сказывалось и восточнее — на тех землях Украины, которые в XIV—XVI вв. принадлежали Речи Посполитой. В частности, Ипатьевская летопись упоминает об их проживании в городах Волины — в Холме и Новограде-Волинском — еще в XIII в. (Ефименко 1905. Т. I, С. 302). Именно к этому периоду, когда по приглашению польских королей немецкие ремесленники появились в крупных городах, относится появление здесь цехового устройства. В целях развития городов их старались строить по немецкому образцу, распространяя на них действие Магдебургского права, которое среди прочего предусматривало объединение ремесленников в цеха. Таким образом цеховое устройство в XIII—XIV вв. распространилось на Подолию (Сецинский 1904, С. 417). В Киеве установление Магдебургского права датируется началом XV в. — с этого времени здесь также начинают возникать цехи. Предоставляемое Магдебургским правом самоуправление давало возможность городским ремесленникам составлять уставы цехов, которые посылались на утверждение королям или другим сюзеренам и затем в виде жалованных грамот и привилегий составляли юридическую основу для существования цехов. Необходимо отметить, что польское правительство ущемляло права ремесленников-украинцев, т. к. было заинтересо-

вано в сбыте предметов обрабатывающей промышленности из Средней Польши. В XVI в. украинцам было запрещено заниматься ремеслами и организовывать цехи, т. к. последние, устанавливая свои цены, подрывали доходы помещиков. Это обстоятельство сдерживало рост цехов и во многом обусловило их существование под эгидой церкви в виде братств. Особенно типично такое явление для Левобережной Украины, где православные члены цехов всячески ущемлялись — украинцам закон запрещал быть мастерами, т. е. оставлял для них лишь низшие ступени цеховой иерархии. Более того, характеризуя особенности цехового законодательства, М. Е. Слабченко писал: “Самое появление на Украине (Левобережной. — Т. Б.) со II пол. XVII в. цеховой организации обуславливалось отделением ремесленников от братств” (Слабченко 1922. Ч. I. С. 17), ибо только с этого времени левобережные города получили Магдебургское право.

Автор известной работы “Южнорусские братства” А. Я. Ефименко склонна отмежевывать цехи, существовавшие в крупных городах Литовско-Польского государства и пользовавшиеся привилегиями Магдебургского права, от ремесленных/церковных братств Левобережной Украины. В последних она видела союзы с сильным преобладанием религиозных, нравственных и общественных целей при слабо выраженном экономическом содержании (Ефименко 1905. Т. I. С. 234, 235). Факт слияния во многих случаях религиозных и производственных функций братств А. Я. Ефименко склонна объяснять тем, что после присоединения к России украинцы потеряли инициативу в создании своих церквей, подчиняясь Священному Синоду, и могли реализовать идеи собственно устройства церквей лишь в цеховых братствах и “парубоцких громадах” (Там же. С. 256—258). В отличие от Правобережья, на левом берегу Днепра цехи организовывались не только в городах, но и в сельской местности — в малых селах и деревнях было обычно по одному цеху, в более крупных — от двух-трех до шести. Существовали шевские, кравецкие, шаповальские, перепечайские (занимавшиеся изготовлением выпечных изделий), прасольские ремесленные братства, а также братства кустарей — ткачей, гончаров, гребенщиков и др. (там же). Отвечая на вопрос о том, имеет ли украинское цеховое братство самостоятельное происхождение или это продукт западноевропейского влияния, А. Я. Ефименко склоняется к первому мнению. Обосновывая свой вывод она приводит ряд аргументов, в частности, факт существования в прошлом ремесленных братств не только у украинцев и восточных славян в целом, но и у болгар, сербов, а в пределах России у крымских татар, евреев, горцев Закавказья; известны они также у турок и югославов. Автор подчеркивала, что на появившихся со II пол. XVII в. цеховых структурах могли отразиться немецкие законоположения, однако не нужно забывать, что привилегии на

Магдебургское право, выдаваемое королями русским городам, совсем не всегда предусматривали цеховую организацию. Но даже если и предусматривали, то, по мнению А. Я. Ефименко, трудно предположить, что слабое польское правительство смогло бы настаивать на цеховом устройстве, если бы оно было совершенно чуждо местной ремесленной организации. Такое насильственное заимствование еще могло проникнуть в города, однако в села этому влиянию было бы гораздо сложнее просочиться. И тем не менее существование в украинских селах Левобережья цеховых братств нельзя отрицать. Таким образом, заключает автор: “В основе каждого цеха, наряженного в немецкое платье, лежит свое собственное братство, тем более, что немецкий костюм пристал к ним за 150 лет” (там же. С. 303).

В XVIII в. новые товарно-денежные отношения и появление мануфактур изменило облик цехов Левобережья, превратив в род профессиональных союзов, выполнявших скорее функцию социального страхования. Не имея глубокой экономической основы, они стали быстро сдавать позиции в условиях конкуренции с набирающими силу казенными мануфактурами и вотчинными предприятиями. Сведения о развитии деревообделочных цехов как в Левобережной, так и в Правобережной части Украины, достаточно разрозненны и не вполне отражают картину. Так, например, известно, что в Киеве в 1611 г. существовали четыре цеха — кравецкий, кушнирский, шевский и ковальский, причем документы свидетельствуют, что, несмотря на названия этих цехов, их члены требовали подчинения себе и тех ремесленников, которые, казалось бы, не имеют к ним ни малейшего отношения, — теслей, токарей и бондарей (Крачківський 1931, С. 138—140). Лишь к 1677 г. относится факт выдачи магистратом статуса бондарскому цеху. Он и явился, очевидно, первым в Киеве цехом, объединявшим деревообделочников. По статусу к нему принадлежали “всякого торгового дела мастера” (там же. С. 145, 148). Сведения о численности членов этого цеха имеются только за 1742 г. В это время в него входило 148 чел. (там же). В конце XVIII в. в Киеве было уже 15 цехов, причем из деревообделочных наряду с бондарским существовал отдельный теслярский цех, мастера которого занимались в основном строительством (Бутнік-Сіверський 1958, С. 69). Необходимо отметить, что название цеха совсем не в полной мере охватывало весь спектр входящих в него ремесел. Известно, например, что в 1772 г. Магистрат присоединил к бондарскому цеху мельников и байдачников, но, так как они имели с этим цехом очень мало общего и лишь формально были за ним закреплены, в 1799 г. цех доложил, что мастера этих специальностей “даже не приходят в него”. А в списках оплаты работ бондарского цеха за 1719—1802 гг. помимо чисто бондарной работы перечислены: изготовление баркана (разновидности лодки), починка мостков во

дворе, постройка домов, изготовление окон и др. (Лазаревська 1926, С. 280). Такое объединение представителей различных специальностей объясняется финансовыми соображениями — с целью облегчения налогового бремени. В целом в XVIII в. цехи превращались в род объединений, осуществлявших преимущественно функции социальной защиты.

Развивались цеха и в других городах Правобережной Украины, где еще с XVI в. концентрировались ремесленные объединения. Так, в Каменец-Подольском в 80-е гг. XVI в. было 390 ремесленников, в Староконстантинове — около 120-ти, а в Сатанове — 57 (Михайлина 1968, С. 5). Уже в это время ремесла были специализированы: среди ремесленников, занятых деревообработкой, были бондари, столяры, тесляры, колесники, токари, каретники и др. До нас дошел уникальный документ “Цехова книга бондарів, колодіїв, столярів міста Кам'янця-Подільського від 1601 до 1803 р.”, в котором отразилось все многообразие функций цеха как в производственной, так и в других сферах его деятельности. Книга включает сведения о принятии учеников, цеховые решения и соглашения, данные о предоставлении цехом кредитов своим членам, результаты выборов цехмистров, распределения оружия между мастерами, сведения о вступлении в цех и уплате вступительных взносов, сообщения о побегах и провинностях подмастерьев и учеников, данные о суммах дополнительных плат подмастерьям (на выпивку), цеховых расходах в целом и т. д. (Клименко, 1932).

Крупнейшим ремесленным центром, который оказывал влияние на многие города не только Подолии, но и всего Правобережья, был Львов. В 1579 г. здесь функционировало 20 цехов, зарождение которых явно относится к более раннему времени (Кісь 1968, С. 53—55). Так, П. М. Жолтовский в соответствии с присяжной королевской грамотой Ягайло приводит названия десяти львовских цехов, существовавших уже в 1425 г. (Жолтовський 1975, С. 104). Бурный рост цехов наблюдается с конца XVI в. Люди разных национальностей, населявших Львов, были объединены в более 100 ремесленных специальностей. В частности, среди деревообделочников в этот период в документах упоминаются тесляры, бондари, колесники, стельмахи (мастера, изготовлявшие деревянные части воза), столяры, токари, каретники, а также кошикари (занимающиеся корзиноплетением), резчики, гонтари (изготавливавшие *гонт* — род драпки) и ситники. Еще в сер. XVI в. бондари объединились в отдельный цех, который считался сеньором бондарей Подолии и Покутья. Позднее этот цех включил в свои члены также столяров, колесников и стельмахов.

Чрезвычайно важным является тот факт, что львовский бондарный цех монопольно контролировал качество и стандарты бондарных изделий, сработанных как львовскими, так и провин-

циальными ремесленниками. В распоряжении по Львовской земле от 1664 г. относительно цен на изготовленные товары и меры говорится: “Все меры сыпучих тел должны быть стандартными, быть проверены и опечатаны тремя печатками: воеводской, шляхетской и магистратской” (Гошко 1991, С. 205). Таким образом, львовские мастера, держа в подчинении ремесленников Подолии, Волыни и Покутья, распространяли на эту территорию свои технические приемы и типы изделий (Білецький 1957, С. 17). Естественно, что высокие требования к точности объема утвари вообще и бондарной в частности могли предъявляться лишь в условиях существования четко определенных стандартов, которые не могли быть установлены разрозненными сельскими бондарями. Именно деревообделочные цеха крупных городов, в первую очередь Львова, а также Дрогобыча, Мукачева и др. выполняли эти функции. Е. Сецинский писал: “В отношении ремесел город Львов был как бы некоей академией, куда приходили ремесленники с разных мест Польского государства для получения дипломов в том, что они усовершенствовались в ремесле” (Сецинский 1904, С. 424). Подмастерья украинских цехов, так же как и западноевропейских, должны были *вендровать* (странствовать), т. е. пройти дополнительное обучение в других городах, чтобы совершенствовать свои профессиональные навыки. В конце пребывания у иногороднего мастера такой подмастерье получал документ, удостоверяющий его успехи в овладении мастерством. К львовским столярам, в частности, с целью получения такого документа приходили подмастерья не только из Подолии, но и из всей Украины (там же). В целом Львов играл роль образца для городского устройства Польского государства, где даже происходили коронации польских королей.

Необходимо отметить, что наряду с цехами в городах активно, хотя до определенного времени в конфликте с цеховиками, развивалось нецеховое ремесло, причем бондарством, причисляемым к малоприбыльным ремеслам, занималось особенно много внецеховых мастеров. Вступление в цех требовало немалых средств, кроме того предпочтение при вступлении отдавалось лицам немецкой и польской национальности, поэтому именно украинские мастера по деревообработке обычно и оказывались за пределами цехов, составляя категорию так называемых “партачей” (от франц. “a part” — отдельно). Им приходилось работать почти нелегально ввиду преследования цеховыми, городскими, государственными и административно-судебными органами.

Ремеслами занимались также небогатые мещане Львова — мастера малоприбыльных ремесел, к которым, как уже говорилось, относились и бондари. В отличие от не обладавших правами нецеховых ремесленников они пользовались определенными привилегиями — имели хозяйство, собственную мастерскую, где работали

с помощью членов своей семьи, нередко лавку в городе (Білецький 1960, С. 10).

Такая структура городского ремесла во Львове сохранялась до сер. XVII в., а потом положение стало постепенно меняться. Наряду с продолжением роста количества цехов, увеличивалось и количество нецеховых ремесленников. Цехи старались привлекать их к себе, однако значительные затраты, связанные с этим, а также потеря самостоятельности отталкивали “партачей” от вступления в цеха. Они скорее предпочитали платить квартальные взносы в кассу соответствующего цеха и беспрепятственно продолжать свою работу, чем опутывать себя сложной системой цеховых отношений. Именно такой процесс своеобразного откупа от цехов был характерен для Львова во II пол. XVIII в. (Яценко 1957, С. 69).

Другим мощным центром деревообделочного производства, в том числе и бондарства, в Правобережной Украине стал Дрогобыч, чему способствовало развитие здесь соледобычи и солеварения, в результате чего требовалось большое количество бочек. В 30-е — 60-е гг. XVIII в. Дрогобыч превратился в солеваренный центр, снабжавший солью Подолию, Подкарпатье, часть Волыни, Белоруссии и Покутье (Исаевич 1960, С. 31—33).

Рост товарно-денежных отношений, усиление конкуренции между цехами, а также между ними и нецеховыми ремесленниками и другие социально-экономические факторы привели в к. XVII — н. XVIII вв. к разложению цеховой системы. Строжайшая регламентация всех производственных процессов внутри цехов и их монополии — ограничение мастеров в размерах производства, в количестве рабочих рук, в области специализации, диктат цен — стали со временем тормозом технического прогресса. К началу XVIII в. роль цехов в общем объеме ремесленного производства значительно уменьшилась. Хотя цеховая система и продолжала существовать до начала XX в., функции ее трансформировались, прежние строгие цеховые установления перестали действовать, а вне их цех как ремесленное объединение в XVIII в. не мог конкурировать с нарождающимися капиталистическими предприятиями. По сути цех изжил себя как институт, определявший все стороны жизнедеятельности своих членов, а чисто производственные задачи в новых условиях гораздо лучше выполняли частные ремесленные предприятия капиталистического типа.

Необходимо признать, что период цехового развития ремесел в городе и отчасти в деревне оставил значительный след как в комплексе технических навыков, так и в наборе инструментов и способствовал стабилизации и сохранению ремесленной терминологии. В полной мере это коснулось и деревообделочного производства. Как известно, часть бондарных терминов относится лингвистами к праславянскому периоду, например, утор, обруч,

клепка (праслав.), коновка (старослав.), дежа (старослав.) (Фасмер 1986—1987. Т. I. С. 494. Т. II. С. 247, 311. Т. III. С. 108. Т. IV. С. 175; Этимологический словарь славянских языков 1974—1984. Вып. 1—11). Становление данной терминологии относится как к “доурбанистическому” периоду существования специализированных ремесел, так и ко времени их дальнейшего развития в период становления раннегородских центров VIII—IX вв. (Славяне и скандинавы 1986, С. 23—30, 83—89, 105—110, 115—122).

С другой стороны, неоспорима специфика украинской бондарной терминологии. Наряду с упомянутым пластом, в украинской бондарной лексике имеется ряд специфических названий собственно украинского и иностранного происхождения. Еще Ф. К. Волков писал: “Украинская терминология бондарства очень старинна, но, несмотря на это, в ней чрезвычайно мало общего с великорусскою. За исключением немногих изделий, названия которых одинаковы на обоих языках, как, например, ведро, бочка, обруч и другие, все прочие бондарские изделия называются по-украински совсем иначе: барило, балія, діжа, діжка, жлукто, зрізок, коновка, мазниця, ряжка, цебер и т. д., между ними, разумеется, есть и несколько иностранных” (Волков 1916. Т. II. С. 490).

В списке имущества нескольких прикарпатских сел (ныне — территория современной Ивано-Франковской обл.) 1586 г. названия инструментов по обработке дерева в целом соответствуют древнерусским: *сокіра, топір, вісний ніж, долото, теслиця, скоблиця, свердло* и *лопатень* (Крип'якевич 1950, С. 45). С другой стороны, в нем отсутствуют многие инструменты, используемые позднее, в частности, специфически бондарные. В этом же списке упоминаются изделия с названиями большей частью славянского происхождения (Етимологічний словник української мови 1984—1989. Т. 1—3): *прикадок, гелета, конва, станва, станвця, бочка* и *боклаг* (Крип'якевич, 1950). Вместе с тем известно, что в настоящее время в бондарной лексике украинцев (а отчасти и русских) помимо праславянского и старославянского присутствует мощный слой лексики иностранного происхождения, причем в первую очередь это касается названий инструментов. К таковым относятся широко известные и повсеместно применяемые на Украине: *циркуль* (польск. *cyrkiel*), *гембель* (польск. *hebel*), *верстат* (польск. *wersztat*, также сопоставимое с немецким *Werkstatt*). Явно немецкие корни у таких терминов, обозначающих такие инструменты, как *рубанок* (*Ruhebank*), *фуганок* (*Fygebank*), *стамеска* (*Steimmeisen*) (Трубачев 1966, С. 167). Правомерным представляется вывод известного лингвиста О. Н. Трубачева: “... более оснащенная обработка дерева широко обслуживается у славян в новое время терминологией немецкого происхождения”, и далее: “Бондарное производство почти повсеместно оказывается отно-

сительным нововведением, причем не без внешних импульсов” (там же). Более точной датировки О. Н. Трубочев не дает, но логично сделать вывод — появление у украинцев (и других восточных славян) бондарной лексики иностранного происхождения связано с цеховым периодом развития деревообрабатывающих ремесел, по крайней мере, в период его наивысшего расцвета в XVII в. Цеховой период развития деревообрабатывающего ремесла стал результатом немецкого влияния как в плане организации, так и в плане технического оснащения самой цеховой структуры. И если значение первого, организационного, аспекта еще можно оспаривать, т. к. есть основания думать, что, по крайней мере, в Левобережной Украине цеховое устройство было наложено на сложившиеся ранее производственные структуры, то роль немецкого влияния на техническую сторону производства отрицать невозможно. Технология производства начала складываться в Германии еще в период прогрессивного развития цехов. Там же происходил многовековой отбор наиболее эффективного инструментария, высоко специализированного и приспособленного к четко регламентированному и находящемуся в строгих рамках стандартов цехового производства. В условиях конкурентной борьбы, прежде всего с немецкими ремесленниками, украинские производители деревянных изделий вынуждены были постепенно перенимать немецкие технические приемы и инструменты и осваивать навыки работы с ними. В частности, львовские цехи были выстроены по немецкому образцу, также как и цехи всей той части Украины, которая находилась под властью Польши, — Подолии, Покутья, части Волыни и Белоруссии и т. д.

Описанный процесс распространялся на технологию не только бондарного дела. Под крышей бондарных цехов обычно объединялись все деревообрабатывающие специальности. Универсальный инструментарий по обработке дерева, известный со времен Древней Руси, в этих условиях совершенствовался, дополнялся новыми, более приспособленными к конкретным отраслям элементами. Обусловленное немецким влиянием проникновение в столярное дело верстака и системы рубанков (укр. — *гембель, тафельний гебель, кид гебель, шерхебель, шутит гебель, допель, фуганок* и др.), которое также четко фиксируется в XVII в., заменило архаичный местный *вісний стілець* (приспособление для фиксации обрабатываемых заготовок) и набор деревообрабатывающих инструментов, вызвало новый рывок производительности труда, создало возможность для постепенного распространения этих инструментов среди сельских ремесленников (ПМА. № 1638. С. Розгирче Стрыйского р-на Львовской обл.). Таким образом, цехи сыграли важную роль в распространении прогрессивных трудовых навыков. Однако в условиях земледельческого хозяйства Украины они все же не являлись основными производителями ре-

месленной продукции, по крайней мере изготавливающейся из дерева. Преобладание натуральных форм хозяйства, слабое развитие товарно-денежных отношений, а следовательно, и невысокая покупательная способность населения, узость рынка — вот комплекс тех причин, которые привели к положению, наиболее точно выраженному М. Е. Слабченко: "...цеховая организация на Украине не являлась для ремесленного класса обязательной и являлась факультативной" (Слабченко 1922, Ч. I, С. 30).

Однако если в России XV—XVII вв. факультативность цехов объяснялась господством государственной мануфактуры (когда государство по сути дела монополизировало цеховые артели: «Монетный двор», «Пушечный двор»), то на Левобережной Украине преобладало мелкое и вотчинное производство. Одиночные мастера, несмотря на серьезную конкуренцию со стороны цехов, смогли удержать свои позиции как производителей, став элементом хозяйственной структуры вотчины и поместья. Заинтересованные в панской протекции, они попадали в зависимость к землевладельцу, однако приобретали возможность обучения и средства производства. С началом кризиса цеховой системы к рубежу XVII—XVIII вв. их роль стала расти. Однако недифференцированное земледельческое хозяйство, органично включавшее в свою структуру разнообразные промыслы, оказалось чрезвычайно устойчивым и гибким, приспособляемым как к условиям феодального строя, так и к нарождающимся капиталистическим отношениям. Домашнее производство успешно сосуществовало наряду с крупным, чему способствовали следующие факторы: доступность сырья (дерева), возможность его неограниченного использования до конца XVIII в. (до появления системы лесопильных заводов, сплава и т. п.) (там же. С. 17), независимость производителя от услуг посредников при реализации своих изделий — он работал или на заказ, или на ближайший рынок, куда их самостоятельно вывозил. В этом отношении справедливо замечание М. Е. Слабченко: "...домашнее производство не имело дело с рынком (внутренним. — Т. Б.), оно заменяло его" (там же. С. 113). Сырье (дерево) было доступно вплоть до становления государственных лесничеств к сер. XIX в., которые в полной мере оформились не ранее реформ Александра II.

Вместе с тем в крупных хозяйствах, где производитель был зависим от помещика, а организация производства и вовсе была отделена от личности производителя, проявлялась тенденция превращения отдельных промыслов в самостоятельную отрасль хозяйства. Помещики старались специализировать кустарный и домашний труд и локализовали его по определенным местностям, что нередко приводило, как мы увидим ниже, к возникновению центров тех или иных промыслов. Мелкое хозяйство продолжало сохранять недифференцированный характер производства, т. е.

целью его было не получение прибыли, а удовлетворение многообразных нужд домашнего хозяйства. При этом бедность Украины капиталами определила неразвитость кустарничества на Украине по сравнению с Россией (там же. С. 114).

Цеховая организация ремесленного труда, находившаяся вплоть до конца XVIII в. в авангарде обрабатывающей промышленности и являвшаяся аккумулятором технических новаций, вытесняется мануфактурами и предприятиями капиталистического типа. Одновременно на новую ступень поднимается весь комплекс внеземледельческой производственной деятельности крестьян, а также мелких и городских ремесленников. Последняя категория еще в дореволюционной литературе получила название “кустарной промышленности”, в рамках которой в к. XIX — н. XX вв. продолжало развиваться большинство деревообрабатывающих отраслей, в том числе и производство деревянной утвари.

3. Кустарно-ремесленное производство крестьянского хозяйства к. XIX — н. XX вв.

Пореформенная эпоха вызвала бурный рост кустарной промышленности в Российской Империи. Это время и тема привлекли внимание ученых. Так сложилось, что в первую очередь ими оказались экономисты, пытавшиеся исследовать природу явлений этого времени со своей точки зрения. Первым, кто поставил перед собой задачу размежевания “домашних и мануфактурных форм промышленности”, был А. Корсак, известная книга которого вышла в 1861 г. (Корсак 1861). Наряду со сбором фактического материала начали выходить работы, продолжающие и развивающие линию А. Корсака, причем разные авторы называли разные причины обращения крестьянина к кустарным промыслам: малоплодородная земля, недостаточная доходность земледелия, наличие зимой свободного от сельскохозяйственных работ времени (Андреев 1882; Исаев 1880, XI; Погрузов 1901; Прилежаев 1882; Харизоменов 1883). Однако с накоплением фактических данных, которое особенно активно велось на рубеже XIX—XX вв., с выходом в этот период “Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России” и “Отчетов и исследований по кустарной промышленности в России” односторонность такого подхода к природе этой формы производства становилась очевидной. Первым, кто комплексно рассмотрел данную проблему на российском материале, был Н. Цытович, который специфической чертой кустарных промыслов назвал соединение мелкой обрабатывающей промышленности с земледелием, но объяснил это особыми климатическими условиями, определяющими периодичность активной занятости земледельцев и “огромным числом мелких земледельцев” (Цытович 1884, С. 50). Несомненным достоинством

суждений Н. Цытовича являлось и то, что он четко разделял “семейное производство”, направленное на удовлетворение собственных потребностей в определенных условиях, и производство, имеющее ремесленный характер (продукция которого предназначена для рынка).

Условиями, благоприятствующими последнему, он считал обилие сырья, удобство сбыта и “возможность научиться приготовлению более совершенных изделий” (там же. С. 67). Однако автор указывал на вовлечение ремесленника в рыночные отношения не только на этапе сбыта изделий, а также на то, что *кустарь не бросает земледелия*, даже если оно приносит небольшой доход (там же. С. 139). Таким образом, уже Н. Цытовичем были раскрыты *особенности* развития кустарной промышленности в России.

Нельзя не отметить, что значительный вклад в выяснение вопроса о формах кустарной промышленности в России внес В. И. Ленин. В статье “Кустарная перепись 1884/85 г. в Пермской губ. и общие вопросы “кустарной” промышленности” он впервые указал на расплывчатость самого понятия “кустарь” в современной ему литературе (Ленин, ПСС. Т. 2. С. 321). Однако «классовый характер анализа» привел В. И. Ленина к тому, что, по его классификации, к кустарным промыслам оказались причисленными лишь те ограниченные формы ремесленной деятельности на селе, которые на рубеже XIX—XX вв. были активно вовлечены в капиталистическое производство. По понятным причинам в советской этнографии (а отчасти и в искусствоведении) долгое время наблюдалась парадоксальная ситуация — в целом ряде работ советского периода при обращении к теме кустарных промыслов и при определении последних практически повсеместно следовала цитата из определенных работ В. И. Ленина и на этом вопрос о том, что, собственно, понимает сам автор под тем или иным промыслом, считался закрытым. Далее шел разбор конкретных промыслов с их подробным описанием, анализом и т. д., однако парадокс состоит в том, что в большинстве случаев этому анализу подвергались совсем не те формы ремесленной деятельности, которые В. И. Ленин действительно понимал под кустарными промыслами.

Такое положение привело к тому, что целый раздел в восточнославянской этнографии уже на уровне дефиниции был сведен даже не к социально-экономическому, а политэкономическому пониманию кустарных промыслов (причем в узколенинской трактовке, которая к этнографии не имеет отношения хотя бы потому, что В. И. Ленин просто не был этнографом). Причины такого явления ясны, и здесь не место на них останавливаться, но автору хотелось бы быть правильно понятой в своем желании попытаться разобраться в этом вопросе (Бетехтина 1993).

Современное понимание хозяйства пореформенной России, и в частности кустарных промыслов, позволяет с учетом определенных критериев объективно взглянуть на всю территорию России. Материалы для этого содержатся в анализе П. Г. Рындзюнского, сделанного на основе экономико-географических материалов, собранных в связи с подготовкой реформы промыслового налогообложения 1863—1865 гг. и учитывающих данные по отдельным уездам и городам. Им были проанализированы все пять классов местностей, выделенных податной статистикой того времени. Внимание П. Г. Рындзюнского, справедливо указавшего на сложность выделения критериев кустарной промышленности, привлекла одна из наиболее скромных податных дотаций — мелочный торг с половинной уплатой пошлины, которому подлежали самые мелкие промышленники — держатели “фабрик” и “заводов” “без машин и без лавок и с числом наемных рабочих не более четырех, извозчики, владельцы мельниц в черте города с одним поставом”. П. Г. Рындзюнский учитывает, что эти мелкие промышленники хоть и в минимальном объеме, но все-таки использовали наемную рабочую силу, т. е. “находились на несколько повышенном экономическом уровне”, однако он справедливо замечает: “Действуя по одному неизменному способу, одна выделенная часть производителей покажет в основных чертах изменения численности всей массы промыслового крестьянства: пути их движения в какой-то мере не могли не совпадать” (Рындзюнский 1966. С. 88, 89).

В соответствии с разделением местностей на пять классов первые два охватывали только городские пункты, третий — уезды, в которых была развита мануфактурная промышленность. Для нас особый интерес представляют IV и V классы. В «Объяснительной записке к проекту распространения местностей по классам для патентного сбора» они определены следующим образом: IV класс — “...все населенные местности... уездов, в коих достаточно развиты крестьянские промыслы, а вследствие этого существует и некоторое торговое движение, или при неразвитости промышленности есть избыток сельских (земледельческих) произведений”, если им обеспечен сбыт в виде развитых путей сообщения. В этот класс вошли уезды с городами. В V класс входили все остальные уезды, где не то что мануфактурные, но даже и крестьянские промыслы развиты слабо, при этом или полностью отсутствуют, или вследствие неразвитости путей сообщения не могут иметь сбыта излишки сельскохозяйственного производства (там же). Данные об обложении имеются с 1883 по 1885 г. На их основании П. Г. Рындзюнский картографировал названные классы местностей (см. карту 1 и таблицы 1, 2 Приложения). Несмотря на всю расплывчатость и нечеткость формулировок экономического содержания классов местностей, хорошо видно, что

большая часть территории украинских губерний входила в IV и V классы и, следовательно, невозможно рассматривать промыслы в этом регионе в отрыве от всей структуры крестьянского хозяйства, тем более что большинство городов Украины относились к этим же классам.

Незадолго перед первой мировой войной в Российском государстве сформировалось целое направление комплексного изучения крестьянского хозяйства, которое представляли А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Минин и Г. А. Студенский (Макаров 1920; Студенский 1925; Студенский 1925а; Студенский 1926; Студенский 1927; Челинцев 1914; Челинцев 1919; Чаянов 1911; Чаянов 1929). Оно носило название “организационно-производственного”. Его представители впервые отказались от социально-экономического уклона в многолетней дискуссии марксистов и народников о формах развития земледелия, выставлявшей на первый план вопросы развития капитализма в земледелии, вопросы дифференциации и пролетаризации крестьянства. Главным печатным органом этого научного направления стал «Агрономический журнал», издававшийся в 20-х гг. XX в. в Харькове под редакцией К. А. Мацевича.

Ход исследования шел по двум линиям. Во-первых, собирался массовый эмпирический материал по вопросам организации крестьянского хозяйства, получаемый из земской, государственной статистики, бюджетных данных. Во-вторых, шло обобщение этой информации, что и позволило выработать учение об основах организации частнохозяйственного предприятия в целом по-новому трактующее природу крестьянского хозяйства (Чаянов 1989. С. 196—199).

Мы не будем останавливаться здесь подробно на теории семейного трудового хозяйства А. В. Чаянова, т. к. хотя и не так давно, но она уже введена в научный оборот. Для нас важно, что ядром крестьянского хозяйства он считал его организационный план, важнейшими пунктами которого являлись баланс труда, вложенного или в земледелие, или в промыслы, баланс средств производства, определяемый соотношением между имеющимся в хозяйстве скотом и инвентарем, и, наконец, баланс денежного бюджета (Чаянов 1989, С. 120). Этим специфическим равновесием между уровнем удовлетворения потребностей и обременительностью труда А. В. Чаянов определял степень “самоэксплуатации” крестьянского хозяйства. Среди факторов, влияющих на момент наступления такого равновесия А. В. Чаянов называет, во-первых, конкретные условия функционирования каждого хозяйства (рыночная конъюнктура, удаленность от рынка и др.); во-вторых, размер и состав семьи и структура ее потребностей, обуславливающих уровень оценки потребления. Благодаря определенному, ориентированному на трудопотребительский баланс аппарату, крестьянское

хозяйство может реагировать на колебания цен, плодородие земли, на изменение техники производства и другие рентообразующие факторы, а также восстанавливать, накапливать и оборачивать капитал, приспособляясь таким образом к "товарному строю народного хозяйства" (Чаянов 1989, С. 391).

Чрезвычайно важным в теории А. В. Чаянова представляется понятие о едином трудовом доходе семейного крестьянского хозяйства, когда всем потребностям семья противопоставляет весь свой суммарный сельскохозяйственный и промысловый доход, т. е. единый трудовой доход семьи. Для нас очень важно следующее заключение автора — не располагающий необходимыми средствами производства для своего полного размещения в земледелии труд переливается в промыслы, причем процесс разделения труда между земледелием и промыслами зависит не от абсолютных размеров семьи, а от местных народнохозяйственных условий. Дело в том, что в качестве измерителя объема сельскохозяйственной деятельности А. В. Чаянов использовал размер посевной площади, установив зависимость между размером семьи и размером площади землепользования в условиях передельной общины и сделав вывод о том, что крестьянское хозяйство постоянно меняет свой объем, следуя фазам развития семьи.

Определив сумму факторов, конституирующих объем семейного крестьянского хозяйства в целом и его сельскохозяйственной части в частности, А. В. Чаянов называет следующие факторы, количественно определяющие разделение крестьянского труда между промысловыми заработками и сельскохозяйственными работами: малоземелье; значительная густота населения; сезонность сельскохозяйственного труда; более высокая степень конъюнктуры промысловой работы в смысле оплаты труда по сравнению с оплатой земледелия (там же. С. 270). Из последнего логично вытекает вывод о том, что непостоянство рыночной конъюнктуры двух отраслей в рамках крестьянского хозяйства влечет за собой и непостоянство в затратах труда, распределяемых между сельским хозяйством и промыслами. Так, в случае неурожая на рынок труда выбрасывалось огромное количество рабочих рук, ищущих промыслового заработка (там же. С. 373).

Столь длительный экскурс в вопрос о характере функционирования крестьянского хозяйства нам пришлось предпринять с единственной целью — уточнить, в каком именно значении мы будем употреблять понятие "кустарные промыслы" в данной работе. Этот вопрос представляется чрезвычайно важным, во-первых, потому, что проблема определения этнографических понятий в принципе очень актуальна, а во-вторых, потому, что и экономическое, и семантическое значение этого понятия как в дореволюционной, так и в советской литературе расплывчато и неопределенно. Как известно, в советской научной литературе было "принято

называть производство изделий силами крестьянской семьи для собственных нужд — домашней промышленностью, на заказ — ремеслом, на рынок — кустарным промыслом” (Рождественская 1987, С. 342). Данный подход, использующий в качестве основного признака кустарных промыслов фактор потребления, имеет в своей основе ленинское понимание кустарных промыслов, о котором уже сказано выше и которое долгое время господствовало в советской литературе. Однако мы склонны в качестве такового признака использовать фактор включенности (или выключенности) производящего индивида (кустаря) в семейное трудовое крестьянское хозяйство, учета его неземледельческой доли участия в нем. При всей неудачности термина «кустарничество», столь многообразно и разноречиво толковавшемся долгое время, он исторически сложился, поэтому вводить новый термин вряд ли имеет смысл.

Очень важно установить соотношение термина “кустарничество” с термином “ремесло”, т. к. именно эти два понятия зачастую смешивались и пересекались. Подчеркнем еще раз, что мы не ставим перед собой задачи специального рассмотрения этой проблемы, а пытаемся определить понятие “кустарничество” и “ремесло” прежде всего для целей данного исследования. На наш взгляд, “ремесло” следует понимать как мелкое ручное производство, возникшее вместе с началом производственной деятельности человека как таковой и развивавшееся на протяжении определенных стадий исторического развития в разнообразных формах — домашнего ремесла, ремесла на заказ и ремесла на рынок. С другой стороны, оно исторически эволюционировало и принимало различные организационные и социальные формы, в которых по-разному складывались соотношения между домашним, заказным и рыночным ремеслами (например: «странствующие» ремесленники и их первичные объединения — свободные нанимаемые артели, мастерские в вотчинных хозяйствах, ремесленные корпорации при братствах и цехи и т. д.). Кустарные промыслы, развившиеся в XIX в. в деревне, относятся к позднему виду ремесленной формы производства. Причем их нельзя отождествлять с *кустарным производством* вообще, которое, как известно, часто представляло по форме децентрализованную мануфактуру.

Таким образом, под “*кустарными промыслами*” мы понимаем ремесленную деятельность крестьянина с разной социохозяйственной ориентацией — на себя, на заказ, на рынок (или в их сочетании) при условии включенности его труда в структуру семейного хозяйства. *Кустарные промыслы* необходимо, по нашему мнению, отличать от *кустарного производства*, которое являлось единственным источником средств существования производителя и было характерным для начальной стадии развития капитализма в промышленности. Именно в последнем качестве в XIX в. выступало в

России городское ремесло, характеризующееся ростом применения наемного труда и образованием капиталистических мастерских и мануфактур.

Нам потребовалось уделить столь значительное внимание экономическим концепциям кустарного производства в связи с тем, что период конца XIX — начала XX вв., в отличие от предыдущих эпох (домонгольского периода развития ремесленного производства и цеховой его стадии) не может быть достаточно полно проанализирован лишь на историческом или этнографическом уровне. Комплексность районирования, заявленная нами в начале работы, неизбежно влечет за собой необходимость учета, в частности, и природно-географических факторов, которые в культурном плане в наиболее значительной степени сказываются именно на хозяйственных/экономических связях и отношениях. Представляется, что упорядочение рассмотренных форм ремесла наиболее целесообразно именно в социально-экономическом контексте. Такое упорядочение есть способ достижения одной из поставленных в работе задач — районировать кустарные деревообрабатывающие промыслы Украины на период к. XIX — н. XX вв.

ГЛАВА II

КУСТАРНЫЕ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ В СТРУКТУРЕ ХОЗЯЙСТВА УКРАИНЦЕВ В К. XIX — н. XX вв.

§ 1. Историография

До середины XIX в. данные о кустарных промыслах различных губерний России отрывочны. Они публиковались в основном в изданиях Вольного экономического общества, Российского географического общества, а также в “Губернских ведомостях”. Первый опыт систематического изучения кустарной промышленности был предпринят в начале 50-х гг. XIX в., когда Министерство государственных имуществ опубликовало “Материалы для статистики России”. Более подробные сведения содержали статистические описания губерний Европейской России, подготовленные офицерами Главного штаба, выходившие в свет в 50-х гг. XIX в., а также временники “Центрального статистического ведомства” (Пономарев 1903, С. XXI). И только в конце XIX в. началась целенаправленная работа по сбору сведений о кустарной промышленности. При Совете торговли и мануфактур, находившемся в Петербурге, была создана комиссия по исследованию кустарной промышленности, активно начавшая как методико-собираТЕЛЬСКОЮ, так и издательскую деятельность: составление и рассылку анкет, организацию экспедиций в различные части России, анализ полученных сведений. Результатом ее работы стала многотомная серия изданий — “Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности России” (1879—1887 гг., вып. 1—17), “Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России” (1892—1915 гг., вып. 1—16), “Кустарная промышленность России” (1913. Т. I—III). В 1894 г. Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ. В нем существовал отдел сельской экономики и статистики, при котором на совещательных правах функциони-

ровал кустарный комитет. Это подразделение также внесло свой вклад в изучение кустарных промыслов. Конкретными же исполнителями на местах были в основном работники статистических бюро земств. Их усилиями был выполнен огромный объем исследований, в результате чего наряду с указанными изданиями в свет вышел ряд работ по отдельным губерниям и даже по уездам. Нередко такие обзоры содержали сведения по одной или нескольким отраслям кустарной промышленности.

Много данных о кустарных промыслах публиковалось в “Земских сборниках”, “Губернских ведомостях”, а также в других местных изданиях. Обследование кустарной промышленности в целом, а также сельских кустарных промыслов, в частности, велось по двум основным направлениям. С одной стороны, обследовалось организационно-экономическое положение промысла — формы производства, источники сырья, способы сбыта, доля наемного труда в промысле, расходы и доходы кустарей, сезонность их работы и т. п. С другой стороны, подробнейшим образом описывались техника производства, виды изделий, средства производства, материалы и сырье (Федоров 1903). Собственно этнографического изучения промысла практически не велось — за редким исключением, мы не встречаем данных о промысловых традициях, обычаях, верованиях, о календарной приуроченности ремесленного труда, о половозрастных и социальных характеристиках кустарей и членов их семей. Однако имеющиеся данные ввиду их многоплановости и детальности, высокого статистического уровня делают их важнейшим источником для этнографов, в первую очередь по материальной части промыслов. Подготовленные в основном на базе единой программы, они обладают определенной степенью сопоставимости, хотя таковая существует скорее на отраслевом, чем на региональном уровне. Это в большой степени затрудняет создание целостной картины развития кустарных промыслов на всей территории украинских губерний, поэтому изложенный ниже материал нельзя считать достаточно полным, он неизбежно будет иметь лакуны, связанные со спецификой имеющихся в нашем распоряжении источников. Особых оговорок требуют источники, используемые при рассмотрении западных районов Украины, но их будет уместно сделать по ходу дела.

* * *

Основываясь на изложенном выше понимании кустарных промыслов как формы ремесленной деятельности крестьянина, включенной в структуру семейного хозяйства, напомним вкратце те из факторов, которые влияют на его объем и определяют конкретные условия производства. К ним относятся производительность труда, природные условия (плодородие почвы для земледелия и до-

ступность сырья для ремесленника: глин, древесины и т. п.), текущая рыночная конъюнктура, выгодность расположения хозяйства относительно рынка и формы его местной организации, местные земельные отношения, а также характер проникновения элементов торгового и финансового капитала в крестьянскую среду. Немаловажным является также и наличие технических средств производства (Чаянов 1989, С. 235).

Остановимся теперь на тех факторах, которые относятся непосредственно к кустарным деревообрабатывающим промыслам.

К природным условиям, которые в первую очередь следует учитывать при анализе деревообрабатывающих промыслов, относятся лесные ресурсы, их количественные и качественные характеристики. Причем такой учет должен опираться не только на экологическую характеристику территории, но и на соотношение числа кустарей данной отрасли со степенью обеспеченности исходным сырьем. Такие данные имеются у Н. А. Филиппова (см. таблицу 3 Приложения). Эти материалы свидетельствуют об отсутствии непосредственной зависимости между количеством леса и количеством кустарей-дереводелов. Более того, в частности в Полтавской и Харьковской губ., складывается неожиданная, на первый взгляд, ситуация — при суммарном количестве леса всего 13,6 % от территории губернии на них приходится почти половина всех кустарей украинских губерний. С другой стороны, одна из наиболее лесистых губерний — Волынская — имела всего 2,42 % кустарей-дереводелов. Это еще раз говорит о том, что развитие и закономерности функционирования кустарных промыслов, даже столь тесно увязанных с сырьевыми ресурсами, как деревообрабатывающие промыслы, требуют рассмотрения их в общем контексте хозяйственного комплекса, а не в качестве индикатора природной среды обитания.

Необходимо отметить, что в данных Н. А. Филиппова учтены не все территории. Здесь нет самых западных территорий расселения украинцев, которые в то время не входили в состав Российской Империи. В остальном данные надежны, поскольку в категорию кустарей-деревообработчиков не включены лесорубы, пильщики и лесосплавщики, имевшие отношение к подготовке исходного сырья, но не участвовавшие в изготовлении изделий. Впрочем, в приведенных данных отсутствуют цифры по кустарям-отходникам.

Нужно также учитывать, что до революции лесной фонд России был рассредоточен между несколькими категориями лесовладельцев. Так, в 1914 г. из общего количества лесных фондов всей европейской части страны 66 % составляли казенные леса, 22 % — частновладельческие, 8 % — крестьянские, 3% — удельные и 1% — прочие. Интенсификация лесопользования вела к истреблению леса, особенно в наиболее доступных районах, к которым от-

носились и украинские губернии. Здесь, в частности в Полтавской и Харьковской губ., с конца XVII в. до 1914 г. лесистость снизилась на 11,6%, а в Черниговской и Киевской — на 22% (БСЭ. Т. 14. С. 360).

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на отличную от вышеприведенной в целом по европейскому региону структуру лесовладения в украинских губерниях (см. таблицу 4 Приложения) — здесь, несмотря на преобладание казенных лесов (как на севере России и в Сибири), частное владение лесами составляло значительную часть (1/3 от казенных), что не могло не сказаться на особенностях его использования. Постараемся проследить эту специфику на конкретном материале по кустарным деревообрабатывающим промыслам украинцев.

§ 2. Регионы и ареалы распространения деревообрабатывающих промыслов на Украине

Необходимо отметить, что определение хозяйственной ориентации и источников денежных поступлений — вопрос, который в каждом конкретном микромире, формирующемся порой в радиусе буквально нескольких сел, решается по-разному, образуя чрезвычайную пестроту этнографических и экономических реалий. Наряду с общими факторами — естественно-географическими условиями, культурным влиянием и т. п., — большую роль играют и рыночная конъюнктура, положение относительно путей сообщения и рынков сбыта, местные земельные отношения. Поэтому сразу необходимо оговориться, что мы не можем останавливаться на всех деталях, встречающихся в анализируемых нами крупных регионах, а будем стараться обозначить лишь преобладающие тенденции.

Характер материала, который имеется в нашем распоряжении, заставляет исходить из административно-территориального деления территории расселения украинцев в к. XIX — н. XX вв. Однако на основе этого анализа можно будет выделить и ряд зон наибольшего проявления природно-географических, историко-этнографических (в том числе и социально-экономических) факторов, влиявших на функционирование исследуемых промыслов. Начнем такое рассмотрение с севера Украины, с ее лесной полосы.

Как известно, территория Полесья распространялась на несколько губерний, однако ориентация на административно-территориальное деление по отношению к Полесью признана несостоятельной в силу многообразия этнографических и диалектных реалий этого региона (Наулко 1983, С. 36, 37). Наиболее удачным представляется деление украинского Полесья, предложенное Н. К. Гаврилюк на материалах родильной обрядности, которые она сопоставляет с районированием типов жилища, орудий убор-

ки зерновых, а также с местными названиями некоторых явлений духовной и материальной культуры. В соответствии с этим районированием **Украинское Полесье** делится на Волынское, Киевское, Северо-Черниговское, Южно-Черниговское. Южную границу этих подзон Н. К. Гаврилюк проводит с запада на восток приблизительно по линии Владимир-Волынский—Новоград-Волынский—Киев—Путивль (Гаврилюк 1983, С. 37). Мы будем ориентироваться на это деление, однако начнем рассмотрение Полесья с восточных районов, по которым имеется более солидный документальный материал, а именно — с **Черниговской губернии**.

Река Десна делила территорию губернии на два различных в природном отношении района. Если северная ее часть имела малоплодородные, подзолистые почвы, поросшие лесом, с большим количеством болот, то левый берег Десны, наоборот, был гораздо более плодороден (юг губернии составляли черноземы), но леса на нем произрастали лишь местами. Такая обстановка обусловила высокое развитие лесных промыслов в северной части губернии и преобладание сельскохозяйственных занятий на юге (Мицевич. 1851. С. 76). В северных частях Глуховского, Кролевецкого, Сосницкого, а также Новгород-Северского уездов хлебопашество давало лишь необходимый минимум для пропитания местного населения и в условиях отсутствия удобрений было малоэффективно. И хотя значительная часть помещиков занималась винокурением из покупного зерна, значительный доход и крестьянам, и помещикам, в руках которых находилась большая часть лесных богатств, давали добыча древесины, первичная ее обработка и сплав. Большая часть крестьян была занята на рубке леса, на водяных лесопилках, на изготовлении клепки, заготовке колод, драни и гонта. Как названные, так и лесохимические (пережигание древесины для выработки поташа) промыслы обычно носили капиталистический характер, принося помещикам значительные прибыли, а крестьянам — дополнительные денежные доходы.

В северных уездах, где малоплодородный грунт легок, пахали сохой, а на юге губернии — плугом. Средний урожай зерновых по губернии составлял сам-3 в семи северных уездах и сам-6 — в южных. Однако, несмотря на то, что урожай на севере был в среднем в 1,5—2 раза меньше, ниже были здесь и затраты на средства производства, и степень самоэксплуатации. Сельское хозяйство, будучи само по себе менее доходным, вследствие относительно низкой его трудоинтенсивности оставляло крестьянину возможность переливать свой труд в доступные в этом регионе промыслы, среди которых важную роль играло древоделие.

С другой стороны, низкие урожаи превращали хлеб на севере губернии в малотоварный продукт, который в основном удовлетворял личные потребности семьи. Это определило малоденежность местного крестьянского хозяйства. Максимум собственных

потребностей крестьянин пытался удовлетворить своими силами. Кустарное изготовление деревянных изделий преимущественно носило характер домашнего производства, а его продукция в большинстве случаев выходила лишь на узкий внутренний рынок.

Кроме того, лесные ресурсы в Черниговской губ. на 68,42% принадлежали частным владельцам и лишь на 14,9% — крестьянам. В условиях дефицита денежных средств и при недостатке средств жизнеобеспечения крестьяне вынуждены были наниматься на работу к лесовладельцам — на заготовку леса и к лесопромышленникам, которые в широких масштабах заготавливали и вывозили из губернии лес и древесное сырье.

Необходимо подчеркнуть, что Черниговская губ. вследствие малого экономического значения р. Десны находилась в условиях относительной изоляции. Будучи окружена хлебопроизводящими, но малолесными губерниями, Черниговщина занимала важнейшее место в продаже леса, древесного сырья и в определенной мере — деревянных изделий. Древесные промыслы, наряду с разведением свеклы, табака и конопли, а также развитым в северной части губернии гончарством, являлись для части местного населения источником дополнительного заработка. Дешевизна местных деревянных изделий делала выгодными их вывоз и продажу в Полтавскую и Харьковскую губ., принося доход местным чумакам (так на Украине называли людей, занимающихся извозом, в основном соли). Главные ярмарки Черниговской губ. находились в Кролевце, Нежине, Ромнах и Густыни; они снабжали главным образом Полтавскую и Харьковскую губ. (Домонтович 1865, С. 383).

Наибольшее развитие лесная промышленность и древесные промыслы получили в богатых лесом, но малоурожайных уездах — Суражском, Сосницком, Новгород-Северском, Остерском, Городнянском и Мглинском. Для этих уездов характерен и наибольший коэффициент обеспеченности лесом на одного жителя (Миклашевский 1887. С. 165, 166; Русов 1898. С. 319). Высоки показатели развития древесных промыслов и для Новозыбковского, а также Кролевецкого уездов. Из-за трудностей со сплавом леса здесь преобладали промыслы, не требующие перевозок сырья, — лесохимические, судостроение, заготовка строевого и дровяного леса для местных фабрик и заводов. Лишь из пограничного с Харьковской губ. Глуховского уезда осуществлялась поставка досок, клепок и бревен в Харьковскую и Полтавскую губ.

Первичной обработкой лесных материалов — распилом, изготовлением колод, досок, очисткой бревен для последующей продажи — занимались в широком масштабе в Сосницком уезде. Здесь же, а также в Остерском уезде были сконцентрированы санно-тележный промысел, а также промыслы по изготовлению деревянной посуды. Последними особенно славилась следующие села уез-

да: Тихановичи, Перемоба, Шишка, Буда, Охрамеевичи, Наумовка, Радомка и Козиловка, причем преобладала выделка бондарной посуды. Из одного только села Тихановичи по торгам и ярмаркам в Черниговской и в Полтавской губ. ежегодно вывозилось около 1 тыс. возов деревянной посуды (Домонтович 1865, С. 307).

“Краткий обзор кустарных промыслов Черниговской губернии” не содержит точных данных именно по деревообрабатывающим промыслам — они включены в крупный раздел промыслов по обработке растительных продуктов. Однако сведения по этому разделу в целом не могут не отображать общие тенденции в исследуемой отрасли. Поэтому представляется возможным привести следующие данные: в 1914 г. 49% крестьянских дворов губернии, занимающихся кустарными промыслами, обрабатывали растительное сырье. Из них на заказчика-потребителя работали 18,5%, на фабрики и магазины — 9,8%, а на продажу и на заказ — 71,7%, т. е. более 2/3 кустарей работали на широкий рынок (Краткий обзор кустарных промыслов Черниговской... 1914, С. 17). Из отраслей, связанных непосредственно с производством деревянной утвари, наиболее развиты были бондарный промысел и производство изделий из прута, соответственно 43,4% и 43,5% кустарей (см. табл. 5 Приложения).

При отсутствии упорядоченных данных о всех промыслах, включенных в таблицу, достаточно сведений имеется о поездем распространении бондарного производства и о производстве изделий из прута. Так, наибольшее количество крестьянских дворов, занятых бондарным промыслом, находилось в Сосницком (851 двор), Новгород-Северском (350 дворов), Городнянском (155 дворов) и Суражском (130 дворов) уездах (там же. С. 23). Наиболее значительными бондарными центрами являлись с. Радомка Сосницкого у. (310 дворов с 517 работниками) и с. Чернацкое Новгород-Северского у. (280 дворов при 447 работниках). Такие центры кустарного производства формировались в тех местах, где была возможность собирать бочки из готовых клепок. В условиях, когда покупать лес на корню было все труднее, бондарные центры оставались лишь в тех местах, где было организовано крупное капиталистическое производство клепок на экспорт и где выбракованные ее партии шли на продажу местным мастерам (там же. С. 46, 47). Кроме того, вплоть до 20-х гг. XX в. сохранялась практика заготовки клепок в арендованных для этих целей лесах особой категорией кустарей-отходников (*беляри*), которые занимались своим промыслом не только в Черниговской и Волынской губерниях, но и в других местах Украины (ПМА, № 1677, — с. Пеньки Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.; Морачевич 1853, С. 308). Однако уже с начала XX в., в связи

с широким распространением железных обручей, значительно продлевающих срок службы бондарных изделий, спрос на сами изделия стал снижаться, что вызвало упадок кустарных центров описанного типа.

По производству изделий из прута Черниговская губ. занимала первое место в России, оставив позади даже славившуюся плетеными изделиями Костромскую губернию. Причем интересно то обстоятельство, что во многом развитие здесь корзиноплетения было обусловлено деятельностью земства по внедрению этого промысла. Так, Лесной департамент в 1902 г. выпустил брошюру “Как устроить корзиночную мастерскую”, после чего в том же году была открыта такая учебная земская мастерская в Сосницком уезде. Мастеров для него присылала Голицынская учебная корзиночная мастерская Московского губернского земства. С 1903 по 1907 г. было открыто еще пять таких мастерских — в городах Сураже, Новозыбкове, Глухове, а также Пакульская и Вербенская мастерские в Черниговском и Кролевецком уездах. При них были заложены крупные плантации «кустарника» — лесопосадки для заготовки саженцев 3—5 лет (лозы и вербы), с целью получения прута. По сути именно последнее обстоятельство — необходимость “облесения песков” — и подвинуло земство на комплекс мероприятий по развитию корзиноплетения (Аргаматов 1910, С. 310—312; Махаев 1910, С. 326).

Характер распространения корзиночного промысла в Черниговской губернии объясняет высокую концентрацию его очагов. Так, 74% дворов и 83% занятых в этом промысле работников находились в Остерском уезде, где максимально широко пойма р. Десны была освобождена от леса под луговые пастбища, а передвижение стад нарушало дерновые покровы и интенсифицировался процесс дюнообразования. Значительное число кустарей-корзиноплетеночников работало в Суражском, Черниговском, Сосницком и Нежинском уездах, где была подобная ситуация. В Новгород-Северском, Борзенском и Конотопском уездах плетеночники корзин совершенно отсутствовали, поскольку в лесном Новгород-Северском уезде подобных проблем не существовало, как не было их на залесенных болотистых низинах в районе Борзны.

Ориентированность в основном на городского потребителя, неравномерность территориального распространения и концентрации очагов промысла свидетельствуют о том, что возникновение его в этих местах имеет вторичный характер и связано преимущественно с деятельностью земства. Большинство изделий этого промысла поступали на кустарные склады или прямо на рынки и в магазины Чернигова, Киева и других крупных городов (Краткий обзор кустарных промыслов Черниговской губернии... 1914, С. 46, 47).

Граничащая с Черниговской губернией на западе **Киевская губерния** в природном отношении также неоднородна. Значительную часть ее территории составляет Припятское Полесье, где в северных уездах губернии функционировало знаменитое Ворзельское лесничество. Все уезды, прилегающие к Днепру (Каневский, Черкасский, Чигиринский) по береговым возвышенностям были покрыты лесами. В Бердичевском, Звенигородском и Таращанском уездах леса встречались пятнами. Особенно богат лесом был Радомысльский уезд.

Остальная часть губернии была покрыта плодородными пахотными землями, особенно богатые урожаи собирали в Сквирском, Васильковском, Каневском и Уманском уездах. Рожь, овес, ячмень, пшеница, просо и гречиха являлись здесь основными сельскохозяйственными культурами. Местные тяжелые почвы требовали вспашки плугом, в который впрягались 3 пары волов. Удобрения земля практически не требовала, поскольку значительное ее количество давало возможность длительного «отдыха» пашни. В целом пахотные земли составляли около половины территории губернии. Высокая урожайность позволяла продавать излишки хлеба — отправлять на юг Украины (в Одессу), а также использовать для винокурения. При доминировании хлебопашества были развиты некоторые отрасли промышленности, в первую очередь свеклосахарная, винокуренная. Среди основных дополнительных занятий населения губернии следует назвать деревообработку, ткачество, обработку кож, а также чумакование. В случае неурожая крестьяне отходили на заработки в Екатеринославскую и Херсонскую губернии.

Что касается лесной промышленности, то наиболее развита она была в Радомысльском и в северной части Киевского уезда, располагавшихся непосредственно в Полесье. Богатые купцы, скупая у помещиков право на лесоразработки, выбирали самый лучший материал, а затем перепродавали их “второстепенным промышленникам”. Рабочих для лесоповала, распила и изготовления клепки, а также выделывания других лесоматериалов нанимали в окрестных селах среди крестьян, в основном на пристанях рек Гетерева и Ужа. С ранней осени до начала июня треть трудоспособного мужского населения жила в лесах, работая на промышленников (Меньков 1848, С. 283). Кроме первичной обработки древесины наемные работники выделывали и различные деревянные изделия, развозя их по соседним населенным пунктам и продавая небогатым торговцам. Таким образом, лесной промысел здесь скорее носил характер капиталистического производства.

Значительное развитие промышленности в Киевском Полесье относительно остальных украинских губерний обусловило наличие здесь особой социальной прослойки наемных ремесленников, состоящих при предприятиях, — токарей, столяров (например, на

суконной фабрике), бондарей (в основном на винокуренных заводах), каретников. Заработки дифференцировались в зависимости от квалификации работника, вида выполняемых работ, причем как на постоянной, так и на поденной работе (Фундуклей 1852, С. 304). Обычно на таких работах были заняты отходники.

Киевское Полесье, богатое лесом, имело речные системы, обеспечивающие сплав леса к Днепру, к Киевским пристаням и далее — к Днепровскому устью (Лиману), в Херсонскую и Екатеринославскую губернии. Значительное количество лесных товаров поступало в степные области и сухопутным путем, с обозами. Среди лесного товара, сплаваемого в сер. XIX в. на плотках по Днепру, И. Фундуклей называл колеса, ободья, дубовую клепку, лесные материалы (корабельный, строительный, дровяной лес, дубильный и красильный материалы), продукты лесохимического производства, а также обручи, бондарные изделия и другую деревянную посуду (там же. С. 480).

Значительная доля заготовки и обработки дерева в Киевской губ. к рубежу XIX—XX вв. приходилась на наемных рабочих. Однако наряду с ними здесь продолжал сохраняться значительный слой кустарей-древделов — они составляли 23% от всех занимающихся кустарными промыслами на Киевщине (Родзевич-Белевич 1912, С. V, XIX). Процент крестьян среди кустарей данной отрасли колеблется, по разным данным, от 78,6 до 99,5% (там же. С. XXVIII).

Существуют интереснейшие данные об экономическом состоянии кустарей-древделов в Киевской губ. — для 30% из них занятие промыслом являлось почти единственным источником существования, а для 69,7% — подсобным. Из 961 дворов, где был зарегистрирован какой-либо древодельный промысел, 9% были безземельны и работали круглый год, 40,2% малоземельных, работавших 8—10 месяцев, 25% дворов — около полугода, 17,8% дворов — 3—4 месяца и 8% — 1—2 месяца в году (Грабовский 1912, С. 122—139; Варзар 1880, С. 501).

Неуклонное вздорожание леса лишало кустарей возможности иметь свой материал, что вело к попаданию их в зависимость от скупщиков-лесопромышленников, к необходимости работать за сдельную плату. Это рано или поздно заставляло кустаря совершенно отрывать от хозяйства и все больше и больше рабочего времени отдавать труду на скупщика, в то время как последний получал от 1/10 до 1/3 от стоимости изделия. Это делало промысел почти бездоходным для непосредственного производителя. И тем не менее для них основным занятием являлось земледелие, которое лишь дополнялось подсобным кустарным промыслом. Для безземельных кустарей промысел служил практически единственным источником существования. Особенно много таковых бы-

ло в Черкасском, Чигиринском и Каневском уездах, откуда они нередко вынуждены были отходить на заработки к помещикам в Липовецкий, Уманский и Бердичевский уезды, а также в Херсонскую и Екатеринославскую губернии.

Рынком сбыта для кустарей-древделов служили ближайшие городки и местечки, расположенные в радиусе 30—40 верст. В более удаленных пунктах имели возможность сбывать свои изделия только мастера из крупных кустарных центров, способные производить крупные партии товара. Такие партии отправлялись в Киев, Фастов, Сквиру и в с. Думанец Черкасского уезда. Из этого села, бывшего крупным перевалочным пунктом, товары шли в Черкассы, а также в Полтавскую губ. — в города Золотоношу, Богодухов и в с. Яблоновка. Территориально все эти пункты отстояли от места отправления на 55—100 верст. И, наконец, самые дальние поставки готовых изделий, на юг Украины — в Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губ., осуществляли скупщики, которые для этих целей закупали преимущественно колесно-повозочные изделия, что превращало колесный промысел в самый выгодный из всех, после традиционно считавшегося самым прибыльным сапожного промысла.

Соотношение между основными древдельными промыслами в Киевской губ. в самом общем виде представлено в табл. 6. В отличие от других губерний Украины на Киевщине кустарные промыслы изучались не только в целом, но и поуездно (см. табл. 7 Приложения). Необходимо отметить, что процентные данные по некоторым уездам об общем количестве кустарей следует рассматривать с учетом наличия или отсутствия в уезде крупных центров какого-либо из промыслов. Так, существование в с. Тептиевка Каневского уезда крупного центра ложкарного производства выдвигает его по этому показателю на первый план, в то время как остальные промыслы развиты в нем средне. Так же и в Черкасском уезде, где из 380 кустарей-древделов почти половина занята была исключительно корзиноплетением.

Наиболее адекватно отражающими структуру распределения промыслов по обработке дерева в губернии можно считать древдельную и бондарную отрасли — здесь ведущими являются наиболее богатые лесом Киевский, Радомысльский, Каневский и Черкасский уезды. Значительное развитие этих отраслей наблюдается также в Звенигородском и Тарашанском уездах.

Говоря о центрах деревообработки Киевской губ., следует упомянуть с. Мирча Киевского уезда, где в большом количестве изготавливалась долблено-резная утварь — ночвы и ложки и где зафиксирована редкая для данного региона форма организации промысла — артельная. В 31 дворе 37 кустарей занимались здесь производством ночв, а примерно половина всех домохозяев в небольших масштабах для собственных потребностей выделывала

ложки. В с. Злодиевка того же уезда в 144 дворах занимались бондарным промыслом. В селах Шибенное, Майдановка, Качалы и Голая кроме деревянной посуды занимались производством колес, полозьев, лопат, а также земледельческих орудий (Грабовский 1912, С. 120, 123).

В Радомысльском уезде, главную массу кустарей которого составляли древоделы, славились производством изделий колесно-повозочного промысла села Рожев, Ситняки и Красиловка. А в селах Русановка, Заньки, Котовка и Леоновка в широком масштабе делали бондарную посуду. Так, в с. Русановка бондарством занимались в 130 дворах 150 работников, в с. Рожев — 114 дворов практиковали экипажный промысел, а в с. Леоновка бондарное производство можно было встретить в 120 дворах (Там же, С. 135).

В Каневском у. кроме уже упомянутой Тептиевки, где свыше 270 работников в 150 дворах были заняты ложкарным промыслом, лишь в с. Гута отмечалась определенная концентрация дереводелочников-ложкарей, работающих по найму у скупщиков-лесопромышленников (Варзар 1880, С. 521).

В Черкасском уезде наряду с наличием бондарных центров в селах Свидовка и Рахновка существовал и центр корзиноплетения в с. Головатин, в котором плетением кошелок из рогозы занималось 85 человек в 35 дворах. Здесь же еще на рубеже XIX—XX вв. был сконцентрирован промысел по производству обручей из лещины, однако со временем, по мере уничтожения зарослей орешника, промысел сошел на нет (Пономарев 1892, С. 350). Корзиноплетение из прута в этом селе, как и в других его центрах, не было традиционным занятием, а возникло лишь в 1909 г. Но еще до этих мероприятий селяне, используя наличие большого количества рогоза по берегам р. Тясьмина, научились плести кошелки с помощью примитивного вертикального стана.

В окрестностях Киева, как и в нем самом, было развито плетение из ивовой лозы, которое в к. XIX в. вошло в моду. Произраставший на днепровских островах лозняк, являясь общественным достоянием, доставлял для кустарей-корзинщиков достаточное количество бесплатного сырья. Со временем, с появлением конкуренции возникла и практика аренды прибрежных зарослей ивняка.

Итак, Киевская губерния демонстрирует нам разнообразие форм древодельного ремесленного производства. С одной стороны, в условиях обилия древесного сырья здесь развивается капиталистическая лесная промышленность, все в большей мере втягивающая в свой круг местного безземельного или малоземельного крестьянина-кустаря в качестве наемной рабочей силы. С другой стороны, здесь продолжают функционировать и кустарные древодельные промыслы, носящие архаичный семейный характер, где

кустары работают самостоятельно, почти не прибегая к взаимопомощи и организации артелей, за исключением редких случаев совместной закупки материала. Элементы артельной организации наблюдались лишь в случаях работы за сдельную плату на скупщика, производимую в лесах Минской и Харьковской губ., куда отходили на заработки некоторые кустары. В отличие от Черниговской губ., в Киевской губ. древоделение практически вышло за рамки домашнего производства вследствие значительного сокращения доли крестьянского лесовладения.

Волынская губерния, состоящая из двенадцати уездов, как в природно-географическом, так и в культурном отношении делится на две зоны. Северная равнинная зона располагается в Полесье, являясь природным соответствием историко-этнографической области, издревле называемой Волянью. Южная возвышенная часть Волынской губ., образуемая отрогами Карпатских гор, в культурном отношении ближе к Подольскому региону.

Основной характер местности северной Волини типичен для всего Полесья — обильное количество болот, высокая степень лесистости, недостаток пахотной земли. Наиболее заболоченные пространства находились в пределах Владимирского, Луцкого, Ровенского, Овручского, а также Ковельского уездов, где они сочетались с сосновым по преимуществу лесом. В отличие от Черниговского, Волынское Полесье богато сплавными реками, что имеет большое значение для развития лесной промышленности. Дефицит пахотных земель на севере губернии приводил к тому, что, в частности, в Луцком и Овручском уездах крестьяне переходили с трехпольной на двухпольную систему земледелия (Фритче 1850, С. 79). Бедность почв делала удобрение их необходимым условием для получения даже небольшого урожая в сам-3 — сам-4. Специфика природных условий обусловила возделывание в лесных уездах большого количества картофеля наряду с традиционным набором культивируемых на Украине злаков и овощей. На юге губернии даже при отсутствии удобрений качество почв позволяло получать урожаи в сам-6 — сам-8 и в отличие от северной зоны применять для вспашки не соху, а плуг и рало.

В Волынской губ., как и по всей Украине, преобладало частное лесовладение. Здесь, так же как и в Киевской губ., в к. XIX—н. XX вв. большую роль в разработке лесных богатств играло предпринимательство капиталистического типа, привлекающее местных крестьян на наемную работу по заготовке и сплаву леса, изготовлению клепки и гонта, гонке смолы, дегтя, выделыванию поташа и т. п. Определенный доход лесопромышленники имели и за счет привлечения местных кустарей для производства деревянной утвари.

В целом в условиях малой эффективности сельского хозяйства кустарные промыслы занимали важное место в жизни волынского

крестьянина, причем деревообделочные промыслы по количеству занятых в них кустарей и по объему производства занимали второе место в губернии после промыслов, связанных с обработкой кожи. Всего в к. XIX в. обработкой дерева на Волыни занималось 400 кустарей, что составляло около 13% от всех кустарей губернии, причем большая их часть (288 работников) были заняты изготовлением деревянной утвари — бондарной посуды, сит и решет, ложек, ночв, а также плетеных изделий. Последняя отрасль играла на Волыни важную роль — наряду с распространенной повсюду на Украине техникой корзиноплетения из прута деревьев и кустарников, здесь широко применяли такие материалы для плетения, как сосновые и можжевеловые корни, рогоз, солому, бересту, липовое и вербовое лыко и т. д. Техника изготовления, а также формы плетеных предметов на Волыни отличаются широким разнообразием и высокими художественными достоинствами.

Имеющихся статистических материалов о кустарных древодельных промыслах Волынской губернии явно недостаточно для полного и всестороннего их анализа, что заставляет ограничиться самыми общими сведениями по этому вопросу (см. табл. 8 Приложения). Имеющиеся приблизительные цифровые данные дают возможность в определенной мере судить о территориальном их распространении. В основном они были сконцентрированы на Волынском Полесье. Главную роль среди них играл тележный промысел, особенно значительный в Почаевской волости Кременецкого уезда, — приселок Бобровицы и урочище Сниток (Пономарев 1898). На втором месте по степени распространенности был бондарный промысел, равномерно представленный по всем уездам губернии. В Новоград-Волынском, Луцком и Овручском уездах существовало производство сит и решет, которым занималось 36 кустарей, а мастеров других отраслей было совсем немного (Варзар 1880, С. 503).

Среди кустарных древодельных центров губернии особенно выделялись следующие: с. Дорогоща Хоровской вол. Острожского уезда, с развитым производством повозок и тарантасов; с. Жабь Искостоской вол. Овручского у., где изготавливали гребни; с. Хотовицы Кременецкого у., знаменитое своими плетеными кошелками, и местечко Почаев, известное своими токарными изделиями. Столярный промысел преобладал в Житомирском, Новоград-Волынском, Овручском и Острожском уездах (Там же). Необходимо отметить, что в южных уездах губернии древодельные кустарные промыслы практически отсутствовали, они снабжались изделиями из северной части Волыни.

Итак, мы рассмотрели состояние деревообделочных ремесел в Украинском Полесье, наиболее богатом древесным сырьем. Проанализированный статистический и этнографический материал позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее развитой отраслью, связанной с деревообработкой, являлась здесь в к. XIX—н. XX вв. лесная промышленность, представлявшая собой производство капиталистического типа и основной своей целью имевшая заготовку и первичную обработку древесины для последующего сплава или вывоза в южные безлесные районы Украины, а также за границу (в первую очередь в Австро-Венгрию). Наемную рабочую силу на лесозаготовительных предприятиях составляли местные крестьяне, сезонно или поденно занятые на лесоразработках. Кроме того, значительное место среди занятий полесского крестьянства имели кустарные древодельные промыслы, служившие дополнением их сельскохозяйственной деятельности и обнимавшие ряд отраслей древодельного производства, в первую очередь бондарную, столярную, токарную, корзиноплетение и др. Их продукция выходила не только на местный рынок, но и в другие губернии. Организация этих промыслов носила самый примитивный характер, за исключением тех случаев, когда кустари работали на скупщика или в созданных крупными предпринимателями мастерских.

Наряду с кустарным здесь продолжало сохраняться домашнее производство деревянных изделий, в частности, утвари, которая в значительной мере удовлетворяла потребности в ней крестьянской семьи. В рамках домашнего производства изготавливались преимущественно долблено-резная утварь, а также плетеные изделия, в меньшей степени — бондарная посуда. Такое разнообразие форм деревообделочных ремесел не могло, как увидим, не сказаться на широте и разветвленности комплекса используемой в Полесье деревянной утвари.

* * *

Пограничья природно-географических регионов обычно становятся центрами притяжения промыслов, базирующихся на употреблении того или иного вида природного сырья, в частности, дерева. К югу от этой границы, в остепненных местах, повышен спрос на дерево и изделия из него. К северу, в лесной зоне, где дерево недорого и доступно, как правило, наблюдается размещение рыночных центров и фиксируется повышенная концентрация умельцев, работающих на широкий рынок, имеющих мастерские, наемных рабочих, ту или иную степень кооперированности в сфере снабжения и сбыта. Особенно яркий пример такой “переходной зоны” от лесных территорий к степи являет собой **Полтавская губерния**, где помимо названных природно-географических факторов на концентрации промыслов сказывался еще и комплекс народнохозяйственных причин.

По сведениям Левассёра Г. де Боплана (1596 г.), обширные территории по берегам рек Ворсклы, Сулы, Псла, Днепра, Альты

и Трубежа, позже вошедшие в Полтавскую губ., были покрыты густыми лесами. Однако уже в 1848 г. в соответствующем разделе “Военно-статистического обозрения Российской Империи” говорилось о значительном сокращении здесь лесных площадей, существенно изменившем характер ландшафта (Облеухов 1848, С. 52). Даже учитывая, что Боплан наблюдал азональные ландшафты речных пойм в лесостепной зоне, сокращение лесов и увеличение луговых пастбищ представляется очевидным в силу увеличения народонаселения и развития хозяйства. С сокращением лесных ресурсов и ростом за их счет количества пахотных земель в этом плодородном и благоприятном во всех отношениях для хлебопашества регионе, губерния уже не могла удовлетворить нарастающие потребности в древесном сырье за счет собственных ресурсов и снабжалась древесиной из Полесья.

В результате процесса аграрного перенаселения, охватившего в XIX в. наиболее плодородные уезды Полтавской губернии, в особенности черноземные (Зеньковский, Полтавский, Лубенский и др.), кустарные промыслы оказались в особом положении: в ремесленное производство перетекали невостребованные в сфере земледелия трудовые ресурсы. Зона концентрации кустарных промыслов в губернии начинается в приднепровской полосе, далее отклоняется к востоку, разрастаясь в центральных уездах, и доходит до максимума в прилегающих к Харьковской губернии территориях (Василенко 1885, С. 5). Примерно такую же картину распространения имеют и древодельные промыслы, которые, естественно, в первую очередь сгруппированы в наиболее лесистых уездах: в Зеньковском, Полтавском и Миргородском уездах, где лесные площади занимают соответственно 14,4, 11,7 и 10,1% территории (Там же, С. 9). На Полтавщине, как и по всей Украине, древодельные кустарные промыслы находились на втором месте после обработки кожи по масштабу распространения, причем ведущее место среди древодельных занимал колесный промысел, традиционно дающий высокие доходы.

Характеристика земле- и скотовладения лиц, занимающихся деревообрабатывающими промыслами, данная В. И. Василенко для всех групп землевладельцев в Полтавской губ., показала, что максимальное их число (52% хозяйств) находилось в группе, в которой кустари не имели ни пахотной земли, ни рабочего скота, а минимальное (1,9% хозяйств) — находящихся в V группе землевладения — самой зажиточной. При этом максимальное число рабочих привлекали первые, а минимальное — последние (Там же, С. 44). Найм, как видно из статистики, производили безземельные кустари, занимавшиеся своим промыслом профессионально, а не крестьяне-землевладельцы. Это документально подтверждает тот факт, что в структуре крестьянского хозяйства к. XIX—н. XX вв. кустарные промыслы играли компенсаторную роль. Они позволя-

ли в условиях малоземелья и отсутствия скота, сводившего к нулю и возможность аренды земли, не только удовлетворять нужды в конкретных производимых в сфере данного промысла предметах потребления, но и являться для определенной части населения важнейшим источником существования. И именно такой механизм “отрыва от земли”, а не вовлечение крестьян в промысловую деятельность путем найма к наиболее обеспеченным землей селянам, действовал в пореформенной деревне.

Кустарные промыслы Полтавской губ. наиболее подробно и систематически изучены, в чем немалая заслуга В. И. Василенко и С. И. Лисенко, собравших и проанализировавших огромный фактический материал. Особенно ценны эти сведения тем, что они учитывали не только кустарей, работающих на рынок или на заказ, но и занимающихся ремеслом для своих нужд, т. е. в сфере домашнего производства (Кустари и ремесленники Полтавской... 1901; Лисенко 1900) (см. табл. 9 Приложения). Единственный недостаток методики, примененной ими в их кустарной переписи, состоит в том, что они не разделили сельских и городских ремесленников, что несколько завышает количество кустарей (в том понимании, которое мы оговорили ранее), работающих на рынок и не занимающихся земледелием.

Большинство кустарей, занятых выделкой утвари в Полтавской губ., составляли бондари: 76,23%. Значительное количество было занято корзиноплетением из различных древесных и растительных материалов: 13%; 6,9% кустарей совмещали несколько способов обработки дерева и изготавливали достаточно широкий ассортимент изделий, начиная с утвари и сельскохозяйственных орудий и кончая принадлежностями ткачества. При этом 82,05% деревянных изделий Полтавской губ., изготавливаемых в рамках названного ассортимента, производились на заказ, обслуживая местные потребности, и лишь 17,95% изделий вырабатывалось для продажи на рынок. Наибольшая доля работы на заказ отличала бондарное дело: 92,82%. Кустари, занимающиеся корзиноплетением, были ориентированы в отношении сбыта следующим образом: 52,75% работали на скупщиков (что в конечном итоге также означало поступление на рынок), 25,12% — на заказ и всего 11,47% — непосредственно для рынка. Однако если в бондарном деле процент работы на рынок и процент кустарей, не занимающихся земледелием, представляют собой близкие величины (4,17 и 6,15%), то среди плетущих корзины 20,15% не занимались земледелием, причем большинство из последних (75,58%) сбывали свои изделия на рынок и скупщикам. Таким образом, корзиноплетение в Полтавской губернии, как и в других частях Украины, в исследуемый период имело форму кустарного промысла, к которому обращались обычно в селах, где в достаточном количестве было сырье. При его наличии, а также при условии налаженного сбыта, к плетению

обращались большинство жителей села, что определило высокую степень концентрации промысла. Неравномерность распределения его по уездам еще раз подтверждает это: 39,7 и 32,12% в Лохвицком и Лубенском уездах, 7,59 и 8,05% в Пирятинском и Полтавском, от 1,51 до 3,96% в Прилукском, Золотоношском и Переяславском, при совсем незначительной доле или полном отсутствии промысла во всех остальных уездах. Последний факт в значительной мере объясняется тем, что уже с конца XIX в. земства начали предпринимать значительные усилия для поддержания и дальнейшего развития кустарных промыслов в губернии, для чего создавались школы и мастерские, присылали мастеров из других губерний, способствовали организации снабжения и сбыта (Ханко 1990, С. 61—66).

Главный очаг кустарных древодельных промыслов в Полтавской губернии находился в Зеньковском у., где в большом количестве изготавливали сани, колеса, телеги, ярма, а также деревянную утварь. Все это производилось преимущественно для продажи не только в самой Полтавской губ., но также на востоке и на юге — в Харьковской губ. и в Новороссии (Арандаренко 1852, С. 26; Богданович 1877, С. 84). Центром этих промыслов в уезде было с. Грунь, находящееся на границе с Харьковской губ., где работало около 500 кустарей этого профиля (Русов 1905, С. 60—73). Значительным центром по производству деревянных курительных трубок было с. Великая Павловка, откуда они расходились далеко за пределы Полтавской губ. (Каталей 1892, С. 288).

Особое значение для всей губернии имел Кременчугский уезд, являвшийся центром сбыта товаров Полтавщины, с одной стороны, и адресатом поступления древесного сырья — с другой. Именно сюда, в г. Кременчуг, приходило большое количество сплавляемого по Днепру леса и деревянных изделий из северных губерний Украины — Черниговской и Киевской (Полесья) в первую очередь. Кременчуг превратился в центр средоточения лесных складов, снабжавших лесом практически все пространство южнее Кременчуга, где лесные ресурсы отсутствовали. Одним из важнейших занятий местных крестьян было участие в разгрузке, распиле и перевозке леса по всей Полтавщине. С другой стороны, в Кременчуг стекалось огромное количество деревянных изделий, предназначенных для сбыта далее вниз по Днепру, в Новороссийский край (Павловский 1906, С. 104).

Несмотря на значительный приток деревянных изделий в Харьковскую губернию из Черниговской и Полтавской губ., значительную долю потребностей в них удовлетворяли местные кустарные промыслы. Однако преобладание здесь земледельческих ориентаций в хозяйствовании, отсутствие доступного и недорогого леса наложили свой отпечаток на характер их функционирования. Как писал еще в середине XIX в. Мочульский, осуществляв-

ший статистическое описание губернии, "...крестьяне имеют мало времени для посторонних занятий, которые могли бы дать им средства в случае неурожая, заменить недостаток произведений земли" (Мочульский 1850, С. 84). В отличие от Полтавской губ., где малолесье было обусловлено антропогенным воздействием, территория Харьковской губ. гораздо ранее лишилась имевшихся некогда лесных массивов, что и определило отсутствие здесь преемственной традиции в навыках деревообработки. Большинство ремесленников, которые производили здесь деревянные изделия, были или отходниками из русских губерний, или потомками переселенцев из Черниговской, Полтавской и других губерний на территории Украины. Однако сложность процессов формирования хозяйственной структуры края сказалась на том, что кустарные промыслы в условиях аграрного перенаселения не могли вобрать в себя все свободные рабочие руки. Как и все черноземные степные зоны Украины, Харьковщина испытывала разнонаправленные процессы: массовое отходничество на земельельческие работы, с одной стороны, и аккумуляция массового прихода отходников-ремесленников из других губерний — с другой. Необходимость сбыта земледельческой продукции и притока сюда ремесленных изделий и вызвала значительное развитие в этом регионе чумацкого промысла (извоза), возникновение большого количества ярмарок и торговых центров.

Плодородие почв Харьковской губ., возможность выгодного занятия винокурением и другими обрабатывающими отраслями сельскохозяйственной промышленности определили высокое развитие здесь помещичьего хозяйства, специализацию его на выращивании хлеба. Вбирая в себя значительное количество рабочих рук, экстенсивное капиталистическое земледелие вызвало преобладание здесь промышленной организации тех отраслей, которые в других частях Украины функционировали в рамках кустарных промыслов. Это, в свою очередь, обусловило высокоспециализированную товарную форму ремесла, сконцентрированного преимущественно не в селах, а в городах. Как было сказано, вплоть до 1902 г. городское ремесло Левобережной Украины формально продолжало сохранять цеховое устройство — при органах городского управления существовали специальные цеховые управы. Однако в к. XIX—н. XX вв. они по сути представляли собой чисто традиционные структуры, в известной мере ставшие условностью. В городах преобладали ремесленные мастерские капиталистического типа, во главе которых стояли не выборные цехмистры, а собственники средств производства, сами нанимавшие рабочую силу, снабжавшие себя сырьем и обеспечивавшие сбыт.

Большинство кустарей, занимающихся деревообработкой, были сконцентрированы на севере губернии, в Сумском и Ахтырском уездах, где имелись собственные сырьевые ресурсы. Так, зна-

чительным центром по производству бондарных изделий являлось с. Битица Чернетчанской вол. Нужно отметить, что все поселения, где жили кустари этой волости, принадлежали ранее князьям Голицыным, которые приложили особые усилия для развития ремесел в своих владениях (Ефименко 1882, С. 11). В Ахтырском у. деревообрабатывающие промыслы были сосредоточены в с. Баромля (Текущая статистика... 1895, С. 447). Кустари бондарного промысла были рассредоточены по 3—5 семей по различным населенным пунктам губернии. Общее количество бондарей в Харьковской губ. составляло по переписи 1897 г. 1506 чел. (Краткий очерк местных и отхожих... 1905, С. 11), работавших там, где было доступно местное сырье или куда доставлялось привозное. Некоторая часть материала — готовой клепки — приобреталась, минуя местные рынки в Черниговской и Курской губ. Значительное количество бондарей работало в Лебединском, Змиевском уездах — от 100 до 150 семей бондарей в каждом. Главные бондарные центры размещались в Межиричье Лебединского у. — 60 семей, Котельве Ахтырского у. — 50 семей и Комаровке Харьковского у. — 60 семей (Там же, С. 16). Отсутствие местных лесных материалов, необходимость закупки первично обработанных заготовок (клепки), привезенных из северных губерний, значительно повышали стоимость изделий, требовали определенных вложений капитала в промысел. Будучи таким образом вовлеченным в оборот внутреннего рынка губернии, бондарный промысел здесь по сути дела нельзя считать кустарным — оторванный от земледелия мастер, зависимый от скупщика как на этапе закупки сырья, так и на этапе сбыта готовой продукции, скорее являлся субъектом простого товарного производства. Кроме того, существовал ряд мастерских капиталистического типа, особенно при винокуренных и сахароваренных предприятиях (Беседовский 1872, С. 153).

Заслуживает упоминания корзиночный промысел, распространенный преимущественно в Купянском (500 семей), Харьковском (300 семей), Старобельском и Изюмском (по 50 семей) уездах, где в условиях доступности сырья была возможность выгодно сбывать изделия. Начало корзиноплетению в 80-е гг. XIX в. было положено известным центром — с. Заосколье Купянского у., откуда оно распространилось по окружающим селам. Причины его появления достаточно спорадичны, однако, как и в Черниговской губ., развитие здесь корзиноплетения связано с необходимостью “облесения” песков (Краткий очерк местных и отхожих... 1905, С. 32—33; Лозовский 1900, С. 344; Соколовский 1883, С. 2—9).

Наиболее распространенным деревообрабатывающим промыслом в Харьковской губ. было производство колес, дуг и телег. В условиях развитого отходничества, чумакования, обилия ярмарок и торговых центров на Харьковщине, спрос на изделия этих промыслов был велик, и, несмотря на значительные поступле-

ния товара этой группы из Черниговской и Полтавской губ., местные мастера находили сбыт своим изделиям.

Аналогичная ситуация в деревообделочных промыслах наблюдалась и в остальных степных, черноземных по преимуществу, губерниях Украины — **Екатеринославской, Херсонской, Таврической**. Здесь ремесло по преимуществу носило городской характер и было сориентировано на городского потребителя. Деревянные изделия в основном завозились или производились пришлыми ремесленниками. Значительная часть ремесленных изделий вырабатывалась немецкими колонистами, что ставило в сложные конкурентные условия украинских ремесленников-кустарей, которые вынуждены были постепенно все меньше внимания уделять земледелию, ориентируясь в основном на ремесленные заработки. Статус ремесленника в селах этих губерний, в отличие от северной Украины, был очень высок — ремесло считалось выгодным, престижным занятием, освобождавшим от необходимости поденной сельскохозяйственной работы у помещиков. Во время поездки в современную Кировоградскую обл. (бывш. Елисаветградская губ.) информаторы неоднократно рассказывали о том, что еще и в 20-е гг. заботливые родители старались отдать своих детей в ученики мастеровым, причем работали они совершенно бесплатно, только бы получить возможность овладеть какими-либо ремесленными навыками (ПМА. № 1677).

Кроме местных ремесленников и мастеров-отходников из других губерний Украины значительную долю составляли мастера старообрядческих слобод, которые по уровню организации дела могли конкурировать с немецкими мастерами (Альмединген 1886, С. 67—86; Бабенко 1905, С. 82—85; Драчевский 1850, С. 135; Павлович 1862, С. 303—318; Рогалев, Фон-Витте, Пестов 1849, С. 147—149; Шмидт 1863, С. 499. Ч. II. С. 166; Гомилевский 1882, С. 1480, 1626—1634; Осадчий 1891, С. 84; Арнольд 1892. Т. 1, С. 149—153, 157—162; Кустарные промыслы и ремесла в селениях Херсонской... 1905, С. 509—511; Герсиванов 1849. Ч. II. С. 184).

В целом потребности в деревянных изделиях Екатеринославской, Херсонской и Таврической губ. во многом удовлетворялись собственной продукцией, однако кустарные промыслы в этом отношении занимали скромное место. В их сфере функционировала лишь небольшая доля бондарного производства и основная часть корзиноплетения, которое в силу высокой потребности в таре для фруктов и других сельскохозяйственных продуктов и в условиях обилия сырья получило здесь широкое распространение. Основная масса продукции деревообрабатывающих ремесел производилась в южных губерниях ремесленниками, полностью порвавшими с земледелием. Домашнее производство деревянных изделий практически отсутствовало.

Состояние промыслов по производству деревянной утвари на **Правобережной Украине** во многом определялось наличием фундаментальных сырьевых баз — Киевского и Волынского Полесья, с одной стороны, а также лесных массивов Карпат — с другой. Объектом их снабжения являлась в определенной мере Подольская губ., которая и в культурном отношении во многом находилась под влиянием полесской и карпатской историко-этнографических областей.

Природные условия **Подольской губернии** способствовали эффективному земледелию, особенно в наиболее остепненной ее части — Ольгопольском, Балтском уездах, а также по берегам р. Днестр. Прочие уезды — Каменецкий, Проскуровский, Литинский, Летический, Винницкий, Брацлавский, Гайсинский, Ушицкий, Могилевский и Ямпольский — принадлежали к лесостепной зоне. Этот регион был поделен водоразделом бассейнов Южного Буга и Днестра на две различные природно-географические составные — северо-восточная тяготела к Полесью, а юго-западная составляла Приднестровье. Особенно плодороден был левый берег Буга, где наличие лесных полос предохраняло почву от выветривания и засухи, от которых страдали степные уезды губернии. Урожай в сам-5 озимого хлеба и в сам-4 ярового полностью обеспечивал местные потребности в зерне, а также давал возможность продавать его излишки в менее плодородные губернии и заниматься винокурением (Тверитинов 1849, С. 104). Лесные уголья губернии, близкие буковинским «кодрам», были сосредоточены в Брацлавском, Гайсинском и частично — Ольгопольском у., где их площадь составляла в середине XIX в. от 13,5 до 17,6 % (Там же, С. 110).

Таким образом, губерния имела достаточные сырьевые ресурсы в поделочной древесине и зависела от Карпат лишь в поставках строевого леса, сплаваемого по Днестру. Так же, как и в Украинском Полесье, местные лесовладельцы не только продавали лес, но и занимались производством деревянной утвари, в основном бондарных изделий, и заготовкой клепки, а также практиковали лесохимические промыслы.

По данным обследования кустарных промыслов, проводившегося на Подолии с 1912 г., в древодельных промыслах было занято 9172 чел. в 8275 дворах — то есть кустари-древodelы составляли всего 0,31% крестьянского населения губернии (Александрович 1916, С. 504). Однако равномерность распределения промыслов, проживание в каждом селе по 1—2 кустаря-древodelа свидетельствует о том, что в Подолии существовали давние традиции этой отрасли, корни которой восходили к существовавшему в средневековье домашнему ремеслу. Как и Полтавская, Подольская губ. ли-

шилась значительной части лесов в результате нерегулируемой их эксплуатации в период XVIII—XIX вв. Однако сохранение индивидуального производства деревянных изделий в каждом населенном пункте, как это имело место во времена высокого средневековья, позволило и в нач. XX в. обеспечивать нужды региона в деревянных изделиях трудом местных кустарей. Здесь были развиты практически все известные на Украине виды деревообработки — бондарство, долблено-резная технология, техника гнутья из луба, плетение из растительного сырья, что и определило существование на Подолии широкого ассортимента изделий из дерева, изготавливаемых в рамках нескольких в достаточной мере специализированных отраслей (см. табл. 10 Приложения).

По уездам древодельные промыслы распределялись достаточно равномерно — от 5—6% в Ольгопольском и Каменецком уездах, до приблизительно 10% в Ушицком, Брацлавском и Гайсинском уездах. Небольшое расхождение обусловлено, на мой взгляд, распространением кустарных древодельных промыслов пропорционально лесным ресурсам, которые в прошлом были приблизительно равны по всей Подолии. Это подтверждают и данные о количестве лесных площадей по уездам, которые в целом сопоставимы с долей кустарных промыслов в каждом уезде (Там же, С. 540). Определенная степень концентрации промыслов наблюдается вблизи границы со степью, в районах повышенного спроса на древесное сырье и сами деревянные изделия.

Автор исследования “Кустарные древодельные промыслы в Подольской губ.” Г. Александрович назвал преобладающей формой сбыта изделий из дерева поставки на рынок и оптовую закупку (Там же, С. 508). Однако современное ему значение понятия «кустарь» предполагало сбыт именно таким образом, поэтому следует отметить, что полное снабжение губернии деревянными изделиями, констатируемое г. Александровичем, было невозможно без значительной доли продукции, сделанной на заказ без посредства рынка, т. е. “кустарями” в нашем понимании. Таким образом, имеющиеся данные не дают возможности точно установить соотношение между кустарями и иными категориями ремесленников, занятыми деревообработкой в Подольской губ., однако ясно, что доля домашней промышленности была здесь очень невелика.

В Подолии не возникло центров деревообрабатывающих промыслов в силу ряда причин: доступность сырья по всей губернии, относительное аграрное равновесие, невысокие цены на сырье, отсутствие трудностей сбыта готовой продукции. Промыслы сосредотачивались вокруг городов, поскольку ремесленники были традиционно организованы в цеха и на этой территории. А городской рынок не требовал подпитки кустарными изделиями сельских мастеров. Были и исключения. В с. Луги Ольгопольского у. более 100 семей было занято бондарным, ложкарным и тележно-

санным промыслами (Давыдова 1903, С. 3); в с. Слобода-Гулевская Ушицкого у. древодельными промыслами занималось 42 хозяйства; в с. Теремовцы Летичевского у. — 66 семей; в селах Яцковцы, Вонячин и Стасов-Майдан в Литинском у. — от 34 до 50 семей; в с. Мизяков Винницкого и селах Поташня и Рахновка Ольгопольского уездов — по 70 семей; в с. Хорпачки Гайсинского у. — 57, а в местечковом поселке Ладыжин того же уезда — 28 семей (Александрович 1916, С. 507).

В северо-восточной части губернии, где в большом количестве произрастал камыш (рогоз), был распространен промысел плетения кошелок из рогоза; им занимались жители с. Матвейковцы Проскуровского у., сел Ярославка, Мытковцы и Маломолинцы Летичевского у. и в селах Щитки, Писаревка и Сокирницы Винницкого у. (Прусевич 1916, С. 618). Как обычно, этот промысел развивался в местах наличия большого количества сырья для плетения. В частности, в обследованном нами в 1989 г. с. Ярославка Летичевского р-на Хмельницкой обл. информаторы напрямую связывали существование у них в селе рогозоплетения с наличием обширных зарослей камыша на берегах местного озера и сетовали, что плели бы значительно больше кошелок, если бы обеспечен был удобный и выгодный их сбыт (ПМА. № 1677).

К сожалению, автору недоступны источники по кустарным промыслам других регионов Украины, не входивших в Российскую Империю: западная часть Подолии, Карпаты и Прикарпатье. Поэтому исследование строится на сведениях из опубликованных источников и на полевых материалах собственных изысканий автора, постаравшегося, таким образом, заполнить информационную лауну.

Как уже отмечалось в главе 1, на западе Украины кустарные промыслы по обработке дерева достигли высокого уровня и в технологии, и в декорировке изделий, и в их ассортименте. В Карпатах этому взлету способствовал природный фактор, который в других регионах не был столь явным: наличие разнородных древесных материалов для изготовления функциональных аналогов глиняной утвари. Украина является уникальным регионом, где развитие гончарного производства достигло высокого уровня при буквально повсеместном его распространении, особенно в Полтавской обл., в Подолии, а также на юге Украины, где доля глиняных изделий в комплексе утвари очень высока по сравнению, например, с северной частью Полесья (Ионов 1912, С. 1—77; Гончарный кустарный промысел в Киевской... 1908; Королев 1892, С. 404—428; Королев 1892а, С. 429—439; Твердохлебов 1885; Прусевич 1916, С. 9—119; Зарецкий 1894; Могильченко 1896, С. 55—67; Русов 1905, С. 41—59; Шульгина 1929, С. 111—200; Матейко 1954, С. 16—31; Матейко 1955; Матейко 1959; Лашук 1956;

Лашук 1966; Симоненко 1956, С. 33—45 и др.). Однако в Карпатах этот фактор приобрел особое значение. Дело в том, что основное производство глиняной утвари во всем Прикарпатье было сконцентрировано в трех пунктах — Косове, Кутах и Пистыне, причем и в них гончарством занимались преимущественно поляки (Falkowski 1938, S. 63). Видный исследователь карпатской культуры В. Шухевич объяснил неразвитость поместного гончарства тем, что вывозить глиняную посуду на продажу из-за неудобства горных путей сообщения и отдаленности горных сел от мест сбыта невозможно. Однако главным мотивом, очевидно, является отсутствие традиции изготовления глиняной посуды у горных украинцев: “Гончары — не гуцулы”, — писал тот же автор (Шухевич 1901, С. 271). Еще одним доказательством этого является наличие в быту горцев деревянных аналогов глиняной утвари — именно здесь, как мы увидим ниже, бытовал наиболее разнообразный ассортимент утвари из дерева (подсвечники, посуда), включавший все функциональные ее подкомплексы. Глиняные же изделия не столько служили в обиходе, сколько считались престижными предметами и использовались в основном для украшения жилища и для обрядовых целей.

Разреженность населения и ослабленность коммуникаций в условиях горных дорог препятствовали широкому распространению изделий гончарных промыслов. Наличие разнообразного сырья — легкого и прочного бука, превосходящего во влажной среде даже липу, исключительного по твердости кизила — давало возможность местным мастерам производить деревянную утварь, заменяющую керамику. Относительная разобщенность населения в горных условиях, сходная с относительной разреженностью населения, приводила к тому, что здесь преобладали домашние древодельные промыслы¹. Не исключено, что отдельные деревянные предметы «престижной» утвари, заменявшей керамическую, декорировались. Однако уже к началу XX в. в Карпатах, в частности на Гуцульщине, богато декорированные деревянные изделия — точеные, украшенные выжиганием и резьбой, инкрустированные — изготавливались не для домашнего обихода, а исключительно на продажу. Как писал видный польский ученый-карпатовед Ян Фальковский, «эти предметы народного изготовления, известные под названием “гуцульские”, ни гуцулам, ни вообще народу для собственного пользования никогда не служили» (Falkowski 1938, С. 61). И хотя терминологически эти вещи имеют прямое отношение к традиционному народному производству, их функциональный статус трансформировался — они превратились в род сувенирной продукции, производимой исключительно на экспорт или для продажи туристам. Причем это явление типично уже и для к. XIX—н. XX в., когда в Карпатах было нема-

ло туристов и отдыхающих как из Австро-Венгрии, так и из других европейских стран. Это относится в первую очередь к точеным изделиям, украшенным резьбой, в которых соединились традиционные орнаментальные мотивы гуцулов с новой технологией изготовления предметов из дерева — точением на усовершенствованном токарном станке. Это новаторство и украшение изделий инкрустацией деревом и бисером приписывают знаменитому гуцульскому резчику Ю. Шкрибляку, который тем самым создал свою школу декоративно-прикладного искусства (Шухевич 1901. Т. IV, С. 302). Широкую известность получили также резные изделия М. Мегденюка и бондарная посуда, украшенная “выпалюваньям” (выжиганием) работы И. Грималюка. Отметим сразу, что данный круг явлений требует отдельного детального исследования, ориентированного главным образом на искусствоведческий аспект.

Итак, деревообрабатывающие промыслы в Карпатах и Прикарпатье занимали важное место, будучи субъектом и домашней промышленности, и кустарных промыслов. С развитием капиталистического рынка особую роль приобрело здесь бондарное дело, которое не только снабжало утварью местных жителей, но стало и самостоятельной отраслью: большинство многочисленных капиталистических предприятий по изготовлению поташа, смолы и соли имели собственные бондарные мастерские, удовлетворявшие как местный, так и внешний спрос. В начале XX в. на Гуцульщине работало 163 бондаря: 41 — в с. Ричка, 11 — в Рожнятове, 20 — в Криворовне, 10 — в Ясенях и 33 — в Брустурах. Ремесленные мастерские работали обычно силами семей своих владельцев, редко пользуясь помощью наемных рабочих. Большинство мастерских принадлежали семьям, которые имели небольшие земельные наделы. Из 67 мастерских Рички, Жабьего и Криворовни лишь 12 принадлежало безземельным хозяевам, для которых бондарство являлось основным занятием, остальные были кустарями классического типа, дополнявшими ремесленным заработком сельскохозяйственный доход семьи (Гуцульщина 1987, С. 148).

Отдельного рассмотрения требует деятельность бондарей-ремесленников, обслуживавших нужды полонинного хозяйства. Выбравший собственниками скота опытный пастбищный хозяин *vatag*, занимавшийся арендой пастбища и контролировавший работу пастухов, среди других работников по обслуживанию сложного хозяйства полонины нанимал бондаря (*боннар*, *боднар*, *ремисник*) для изготовления комплекса посуды, необходимой для переработки и хранения молока и молочных продуктов. Как и все остальные работники, он уходил летом на полонину, где в «боднарці» — специальной постройке — занимался изготовлением и ремонтом бондарных изделий, заготовки для которых были им припасены

зимой. На своих изделиях бондарь выжигал инициалы, а иногда и дату изготовления. Осенью он спускался в село, получив в качестве вознаграждения свою долю молочных продуктов, в первую очередь брынзы. Не отрываясь окончательно от сельскохозяйственных занятий, он большую часть года посвящал ремесленному труду и пользовался обычно почетом и уважением в своей общине (*громаде*) (Мандибуря 1978, С. 84—85).

Широкое распространение бондарства на рубеже XIX—XX вв. в значительной мере вытеснило другую отрасль деревообрабатывающего производства у гуцулов, бойков и лемков — производство долбленых изделий, в первую очередь посуды. Практически сохранялось и развивалось две отрасли в рамках этой технологии — производство долбленых корыт (*нецьки, тьялки, ополачки*) и ложек. Так, ложки изготавливали для домашних нужд и на продажу почти в каждом селе, а Яворов, Брустури и Проскуров превратились в центры ложкарства. В Проскурове в 20-х гг. XX в. работало 94 ложкаря, а в Косовском повете — 80 (Orzynyna 1937, S. 149).

Большую роль в хозяйстве всех трех групп горных украинцев играли лесные промыслы — рубка леса, заготовка пиломатериалов, гонта, клепки, лесохимические промыслы, а также сплав по Пруту и другим горным рекам леса и лесоматериалов в Западную Европу, в первую очередь — в Австро-Венгрию, в меньшей степени — в южные губернии Российской Империи. Эти занятия были традиционными для большинства местного мужского населения. Избыток рабочих рук заставлял не вовлеченных в эту деятельность украинцев заниматься отходничеством. Особенно это характерно для бойков, ежегодно в большом количестве уходивших в период сенокоса и уборки урожая на сельскохозяйственные работы в Венгрию. Организованные по типу артелей группы гуцулов сезонно занимались строительством как по одну, так и по другую сторону Карпат.

Аналогичная ситуация складывалась и на **Буковине**, также богатой лесными ресурсами. И здесь продукция деревообрабатывающих промыслов помимо удовлетворения собственных нужд была важнейшим источником заработка для жителей Буковины, основная масса которых была земледельцами. Среди дополнительных занятий местного населения, ориентированных на деревообработку, можно назвать сплав леса по Днестру, кустарное производство долбленых, бондарных, столярных, точеных и плетеных изделий (Нестеровский 1905, С. 78). Крупным потребителем этой продукции была и Россия. Так, в 1891 г. 26% бондарных изделий поступило туда (Грищенко 1959, С. 91). В конце XIX в. в Черновцах функционировало два предприятия фабричного типа для производства бочек и клепки. В данном случае, на наш взгляд, важна концентрация ремесленников-бондарей как показатель ка-

питализации, а не общее их количество, или процент от численности населения. На 1900 г. в деревообрабатывающей промышленности края было занято 1119 хозяйств, 1465 работников и 532 поденщика, что свидетельствует о неуклонной тенденции превращения деревообработки здесь в отрасль капиталистического производства (Кукурудзяк 1973, С. 45).

¹ Не исключено, что сходный «механизм» действовал и в других случаях. В период относительной разреженности населения в Поднепровье в XIV—XVI вв. (Шенников 1971) вследствие относительного ослабления коммуникаций между позднесредневековыми поселениями-хуторами керамический набор утвари заменялся его деревянными аналогами. Керамические изделия были престижной вещью: археологи находят их в комплексах административных центров, как, например, уже упомянутый в главе I набор посуды из раскопок 1993 г. в Чернигове. При последовавшей концентрации населения с XVII в. вновь стали появляться гончарные изделия, в свою очередь замещающие предметы домашнего ремесла из дерева.

Г Л А В А III

ОТРАСЛИ ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИХ КРЕСТЬЯНСКИХ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ

§ 1. Принципы классификации отраслей деревообрабатывающих промыслов и типологии деревянной утвари

В процессе массового сбора материала по всем отраслям кустарной промышленности встал вопрос об их классификации, поскольку классификация по виду используемого сырья (дерево, глина, металл и т. д.) была явно недостаточной. Главные направления, классифицированные по виду сырья, не дифференцировали многообразие изделий из дерева.

Здесь необходимо достаточно подробно остановиться на освещении вопросов классификации деревообрабатывающих промыслов в к. XIX—н. XX вв. — иначе невозможно сориентироваться в литературе тех лет по проблемам кустарных промыслов, особенно в статистических материалах, где, как правило, употреблялись самые общие названия промыслов. Эти названия подчас идентифицировались с названиями производящихся изделий. При всем несовершенстве употреблявшейся в то время классификационной терминологии мы вынуждены ориентироваться на нее, по крайней мере, в части идентификации самих деревообрабатывающих кустарных промыслов.

Наиболее удачными в этом отношении представляются работы Н. А. Филиппова и В. И. Гомилевского, в которых все деревообделочные промыслы разделены по способам обработки дерева. В. И. Гомилевский поделил способы деревообработки на механические и химические. К первым относилось столярное, тележное, бондарное производства, изготовление срубов и построек, судостроение, ложкарный и токарный промыслы, производство щепных изделий, корзиноплетение, производство изделий из бересты и коры, а также мелких предметов из дерева и резных изделий из

его ценных пород и, наконец, частей к сельскохозяйственным орудиям, а также производство спичечной соломы (Гомилевский 1910, С. 271—276). В данной классификации отсутствовал универсальный дифференцирующий признак, поэтому ряд выделенных отраслей нуждаются в комментариях. Так, производство щепных изделий включало в себя изготовление лопат, сачков, корыт, долбленых кадок, рассох, заготовку клепок из осины, широкой и узкой поделочной и строительной драни и гонта.

В мелкое производство В. И. Гомилевский выделил изготовление самопрялок, прядильных станков, гребней для пряжи, ткацких берд, катушек и веретен, колодок для щеток, приспособлений для производства гармоней, обуви и головных уборов, а также “галантерейных” изделий — пудрениц, трубок и т. п., каповый промысел. В мочальное производство автор классификации включил не только заготовку мочала, но и заготовку лыка и плетение из него лаптей, кузовов, корзин и т. п., заготовку лубя и выделку из него лукошек, коробов, корзин и прочих изделий, а также производство рогожных и лыковых решет (Там же, С. 273).

К химическим деревообрабатывающим промыслам тот же автор отнес все отрасли, связанные со смолокурением и перегонкой дегтя, которые остаются за рамками нашего исследования.

К сожалению, при всей дробности и разветвленности, классификация В. И. Гомилевского не всегда последовательно выстроена на принципе технологии обработки, что значительно снижает ее ценность.

Схема Н. А. Филиппова представлена в названиях разделов его книги о кустарных промыслах по обработке дерева: а) производство столярных изделий; б) токарных и резных изделий; в) бондарных и щепных изделий; г) “экипажных изделий”; д) изделий из луба, лыка и бересты; е) производство продуктов сухой перегонки дерева. Данная классификация более последовательна в избранном принципе сочетания способа и техники обработки материалов. Конкретизируем классификационную разработку по Н. А. Филиппову.

К столярному производству он относил мебельный промысел, производство окон и рам, сундуков и каповых изделий. В раздел токарного и резного производства он включил изготовление торговых счет и катушек, игрушек, изготовление самопрялок, а также ложкарный и токарно-посудный промыслы. В раздел щепных изделий вошли производство сит, решет, обечаек, лопат и берд, а также долбленых предметов — ковшей, уполовников, совков, корыт, ночевков и лотков. В «экипажный промысел» автор включил изготовление ободов, колес, саней, телег и упряжных дуг.

В разделе “корзиноплетение” он выделил плетение из прута и из драни, а к производству изделий из луба, лыка и бересты отнес заготовку мочала, луба и лыка, рогожно-кулеткацкий промысел,

а также изготовление лаптей и берестяной промысел (Филиппов 1913, С. 472).

Учитывая круг привлекаемых источников, репрезентативность музейных коллекций, доступные литературные источники, а также характер собственных полевых материалов, можно следующим образом очертить круг промыслов, в рамках которых вырабатывалась деревянная утварь: 1) резное и щепное производство; 2) бондарство; 3) токарное дело; 4) отчасти — столярное дело. Перейдем к их более подробному рассмотрению, используя классификацию утвари, предложенную О. М. Фишман (Фишман 1986). Предложенная ею методика позволяет выявить механизм функционирования утвари как целостного комплекса и проследить его взаимодействие с другими компонентами культуры жизнеобеспечения. Качественные характеристики утвари выявляются О. М. Фишман путем ее идентификации с понятиями «класс», «комплекс», «компонент комплекса» (с внутренней дифференциацией). Так, класс выделяется по виду исходного материала, в данном случае это дерево; подкласс — по технологии изготовления, функциям, месту хранения и т. д. Комплексы формируются по степени стационарности (домашний, дорожный), подкомплексы — в соответствии с местом того или иного набора утвари в хозяйстве этноса или этнографической группы, в данном случае — украинцев.

Для типологизации деревянной утвари О. М. Фишман предлагает следующую схему. Первый порядок составляют: категория — характер древесного материала; раздел — технология изготовления; тип — форма. Внутри типа выделяются подтипы — на основе различий в конструктивных особенностях и функциях, декоративных и семантических признаках. Варианты выделяются по технологической специфике, не изменяющей признака типа или подтипа.

Итак, в украинской деревянной утвари можно выделить шесть категорий: 1) утварь из естественных форм дерева; 2) из колоды; 3) из луба; 4) из лозы; 5) из корня. Рассмотрим первые три более подробно.

§ 2. Утварь из естественных форм дерева, колоды и луба

I. Минимальная технологическая обработка, которая необходима для производства предметов из естественных форм дерева обусловила отсутствие разделов и наличие лишь одного типа — палкообразного, широко распространенного не только у украинцев, но и у всех народов лесной зоны Восточной Европы. Для производства подобных изделий необходима минимальная технологическая обработка универсального древесного сырья — ствола дерева и толстых веток. После снятия коры и обстругивания из

толстых веток получали рукоятки для *рогача* (ухвата) (рис. I—1), *чаплия* (сковородника) (рис. I—2), *коцюбы* (кочерги) (рис. I—3). Рабочие части из металла (железа) изготавливались повсеместно кузнецами. Лишь на юге Подолии, а также в прилегающей части Поднепровья, в лесостепной зоне и южнее, в а зональных перелесках пойм Днепра, где в условиях дефицита древесного топлива печи нередко топили соломой, можно встретить “коцюбы” с деревянной рабочей частью, которая имела форму полукруглой тяпки и была насажена перпендикулярно рукоятке, что позволяло выгребать даже совсем мелкую золу (рис. I—4) (ПМА. № 1639 — с. Пеньки Староконстантиновского р-на Хмельн. обл.). Вместо коцюбы на Подолии иногда употребляли *гожури* — палки для удаления золы из топочной камеры печи (ПМА. № 1639 — с. Ярославка Летичевского р-на Хмельн. обл.) — стволы 3—5-летних деревьев, с изгибом ствола к корню. Из естественных древесных форм изготавливались рукоятки для разных ножей, а также *сікачка* — сечки для капусты, мяса, овощей и корма скоту (рис. I—5) (ПМА. № 1638 — с. Скородинцы Чертковского р-на Терноп. обл.). Тонкие стволы дерева или мощные ветки использовались и для изготовления двух видов палкообразного коромысла — *носидла*, в виде слегка уплощенной пружинящей планки (рис. I—8), либо в виде более массивного сегмента с выдолбленной продолговатой выемкой для плеч (рис. I—9). Эти три подтипа коромысел, характерные для Восточной Европы в целом, распространены на Украине, причем первый безусловно преобладает (Moszynski 1929, Cz. I, S. 618).

Толстые ветки использовались также для изготовления всевозможных пестов — *товкачів*, *макогінів*; скалок и вальков — *качалка*, *качівка*. Стандартную форму не только на Украине, но и на обширной территории Восточной Европы имела *м'ялка*, *колотівка* — мутовка из ошкуренных стволов молодой ели с 5—6 сучками на конце (рис. I—12) (ПМА. № 1638 — с. Иза Хустского р-на Закарп. обл.; с. Верхнее Студеное Межгорского р-на Закарп. обл.; с. Заричево Перечинского р-на Закарп. обл.; ТКМ: ТКМД-142). Кроме того на Украине бытовало множество мутовок, названия которых были связаны с приготовлением того или иного блюда — *баталів* для толокана (ПМА. № 1638 — с. Верхнее Студеное Межгорского р-на Закарп. обл.), *кулешир* — для *кулеши* (ПМА. № 1638 — с. Косовская Поляна Раховского р-на Закарп. обл.), *копистка* — для разведения *опары* в *деже*. Все они имели рабочую часть в виде плоской удлиненной лопаточки, переходящую в округлую рукоятку. К этой же категории можно отнести и мутовки для сбивания масла в маслобойках поршневого типа, представляющие собой палку с насаженным на ее конец кружком, в котором было проделано несколько отверстий. Названия их варьировали — *жбаталів*, *лучко*, *колотювка* (рис. I—14) (ПМА. № 1677 —

с. Широкая Гребля Казатинского р-на Винницк. обл.), но форма была одинакова практически на всей территории Украины.

II. В категории утвари, изготовляемой из колоды, выделяются четыре раздела: долблено-резная утварь, бондарная, токарная и столярная.

1. В разделе долблено-резной утвари выделяются четыре типа утвари: лопатообразная, сферическая, желобчатая, стоечная/цилиндрическая и близкая к ней. В свою очередь в типе лопатообразной утвари выделяются два подтипа: хлебопечные лопаты *хлібні лопати* и рубели (*рубель*, *магівниця*, *райбачка*, *прач*) с вальками (*праник*, *грамач*).

Лопаты бытовали у украинцев и различались в зависимости от видов выпечки — преобладали прямоугольные, но бытовали также веслообразные и круглые (*круги*).

Рубели при всем разнообразии названий, значительно варьирувавших на территории Украины, повсеместно имели одинаковую прямую или выгнутую продолговатую прямоугольную форму с нарубленными “ступеньками” на рабочей части и гладкой обратной стороной (“спинкой”). Большинство рубелей имели короткую цилиндрическую рукоятку (рис. II-A-4), лишь на западе Подолии встречались ручки в виде скобы, а также рубели с упором в виде валика на нерабочей поверхности (рис. II-A-5). Украшенные резьбой рубели встречались лишь в Киевской, Черниговской и Полтавской губ. — они имели трапецевидный торец и были декорированы по торцу и спинке контурной или глубокой (трехгранно-выемчатой) резьбой.

Вальки на Украине преобладали прямоугольной формы (рис. II-A-7), с короткой округлой ручкой, реже встречались полукруглые. Обычно они были плоские, но встречались вальки и с полукруглым профилем нерабочей стороны (рис. II-A-6). В отличие от русских, украинские вальки обычно не декорировались (Бобринский 1910—1911, Вып. IV — табл. 42, 43; вып. V — табл. 63, 64) ¹.

Тип сферической утвари делится на два подтипа: утварь, выдолбленная с торца колоды, и желобчатые емкости. Первый подтип встречается на всей территории Украины. К нему относятся всевозможные чаши, миски и подносы (последние характерны только для Полтавской губ. — простые или расписные масляными красками по монохромному фону). Миски и чашки большого размера использовались, за исключением южных районов Украины, для подачи на стол кушаний (рис. II-B-2). В Карпатах аналогичные емкости круглой формы с двумя горизонтальными короткими ручками по сторонам служили для окончательной формовки хлеба перед помещением его в печь. Они носили названия *тjалька*, *кубай*, *ополачка* (рис. II-B-1).

К типу желобчатой утвари относятся два подтипа: утварь, изготовленная с торца колоды и утварь, изготовленная с боку колоды. К первому подтипу относятся в первую очередь разнообразные ковши. В лесных регионах — Карпатах и Полесье — в обиходе фиксируются долбленные ковши для муки с короткой округлой или вытянутой скобообразной ручкой (рис. II-Б-4). В Карпатах бытовали *спланки* — большие черпаки с длинными ручками, употреблявшиеся для зачерпывания молока и сметаны в процессе обработки молока на полонине (рис. II-Б-5). С ковшами и черпаками типологически сходны круглые или овальные долбленные емкости с небольшой горизонтальной ручкой — салатовки или *ковганки* (рис. II-Б-3), в которых на территории Среднего Поднепровья и Полесья растирали сало, а также идентичные им солонки для хранения соли. У гуцулов в Верховинском и Раховском р-нах Закарпатской обл. бытовали полусферические чашки для питья с горизонтально поставленной прямой или скобообразной (петлеобразной) ручкой — *горнята* или *черпаки* (рис. II-Б-6), а также подобные им солонки. Нередко в отверстие ручки “продето” кольцо из дерева, которое вырезано из цельного куска вместе с самой чашкой. Редкой для Украины XIX в. формой являются широкие известные у русских «утицы» — солонки, вырезанные в форме утки из цельного куска дерева с задвижной крышкой, вращающейся на винте — здесь она называлась *качка*.

К желобчатым емкостям, изготовленным не с торца, а с боку деревянной колоды, относятся в первую очередь корыта *ночви* или *нецьки* (рис. II-В-1, 2), совки, значительная часть “салатовок” и “ковганок”, а также традиционные украинские ложки. По способу изготовления и назначению «желобчатые» предметы делятся на два подтипа: замкнутые, в виде корыта, и незамкнутые, в виде совка. Первый подтип является чрезвычайно архаичным, известным на обширной территории Восточной Европы. «Замкнутые» емкости применялись для различных целей. Так, *ночвы* небольшого размера использовались при просеивании муки и для замешивания теста. Последняя функция *ночв* характерна главным образом для ареала, где полностью или за редкими исключениями не использовали квашню — *пiкну дiжу*, — и где преобладал пресный хлеб, испеченный из ячменной, овсяной, кукурузной и пшеничной муки. Ареал его распространения — Карпаты, Буковина, а также Южная Украина. Кроме того, повсеместно на Украине в *ночвах* замешивалось тесто из пшеничной муки для пирогов, вареников, *бабок*, лапши и других мучных изделий. Крупные *ночвы* служили для замачивания и стирки белья и для купания младенцев. Такие же использовали для водопоя крупного и мелкого рогатого скота «на садиби» (во дворе дома). Небольшие корытца использовались для кормления птицы, рубки мяса, засолки сала, для хранения приправ соли и сыпучих веществ, а также для других домашних нужд.

К замкнутому подтипу относятся и резные украинские обеденные ложки. Они имели овальный или яйцевидный черпак, часто с видимыми следами вырезывания и довольно грубыми краями, переходящими в шейку ложки, в плане имеющую форму разностороннего, но симметричного относительно вертикальной оси многогранника. Далее к черенку грани сглаживались, образуя уплощенный держак (рис. II-B-4). Обычно они не украшались, но нередко метились каждым членом семьи насечками, буквами или треугольниками. В с. Петрозагирье Александрийского р-на Кировоградской обл. информатор Ф. Т. Баюта (1901 г. рождения) следующим образом объяснила вариации угла держак и черпаком: “*Чоловічі ложки — з горбиком, а жіночі — рівні, жінка чоловічу ложку николи не бере*”. Лишь большим размером отличались от обеденных те же формы разливных ложек — *ополоники* и *варіхі* (поварежки). В Карпатах они иногда имели несколько отверстий в черпаке и использовались как дуршлаг для выемки из кипящей воды галушек и вареников.

Нужно отметить, что формы как обеденных ложек, так и поварежек, значительно варьировали на территории Украины, т. к. вплоть до 20-х гг. XX в. ложкарьство в основном не выходило за рамки домашнего производства и мелкого кустарничества, что не могло не вызвать значительные различия в длине черенка ложек, размере угла между черпаком и черенком, степенью изгиба, форме шейки и черенка. Влияло на такие различия и разнообразие исходного материала.

Желобчатые незамкнутые предметы включали в себя в первую очередь разнообразные совки — с округлыми или прямыми стенками (рис. II-B-3). Они применялись в основном для двух целей — для пересыпания зерна и муки, а также для вычерпывания воды из лодок. Последние носили название *шувель* (*шупель*). Основную же массу предметов этого подтипа составляли плоские с невысокими краями или с выгнутой полукругом рабочей частью веялки — *віячки* или *щіклячки*. Они имели горизонтальные округлые, реже петлеобразные рукоятки. К этому подтипу примыкают ковши своеобразной формы — к неглубокой прямоугольной черпающей части под прямым углом прикреплена длинная ручка. С их помощью путник мог напиться прямо из колодца, стоящего где-нибудь в лесу или у дороги.

Последний тип в составе категории утвари из колоды — стоечная утварь — цилиндрической, конической и кубической формы, которая изготавливалась с торца колоды. К подтипам этого типа относится цельная утварь и утварь со вставным днищем.

К первому подтипу относится ступа; *мазниця* — небольшая емкость для колесного дегтя, которую подвешивали обычно к задней части воза; *бодня* — кадка для хранения сала и одноименная кадка иногда еще называемая *кадуб*, которая вплоть до середины

XIX в., а в Полесье и Белоруссии и позже выполняла функцию *скрыни* — емкости для хранения приданого (Богомазова 1998); *лійка* (воронка); *мірка*, *міртук* (мерки для муки); *літівка* и *діжка* (кадки для хранения зерна, муки и сыпучих веществ, а также заготовок) (рис. II-Г-2); бочонки для вина; *улик*, *вулик* — (колода для пчелиного улья); *масничка* (маслобойка), а также *жлукто* — зольник для бучения белья. В изучаемый период доля утвари этого типа была уже невелика, функционально он практически весь был заменен бондарными изделиями.

К подтипу утвари со вставными и цельнодолбленными днищами относятся как *однодонные*, так и *двудонные* сосуды. К однодонным относятся ручные ступы для толчения зерна, широко бытовавшие в маргинальной зоне Украины — Полесье и Карпатах. В Подолии и Среднем Поднепровье они почти не встречались, здесь функции ручных ступ выполняли ножные. В Черниговском Полесье наиболее распространенными были ступы конической формы, сужающиеся к низу, с толстым круглым поддоном, вырезанным вместе со ступой. Аналогичные ступы в Карпатах таких поддонов не имели. Небольшую группу образуют цилиндрические сосуды с цельнодолбленным дном для хранения соли и сыпучих веществ — *колдобець*, *скіпець*, *сільниця*, *кадуб*; а также — *мірка*, *гарнець* — часть мерок для зерна и муки, используемых при расчете с мельником. Обычно эти сосуды имели одно или два невысоких вертикальных ушка (рис. II-Г-1). Примечательны крупные, высотой от одного до двух метров емкости для хранения зерна, бытовавшие в Полесье и Карпатах, в меньшей степени в Среднем Поднепровье, выдолбленные из толстых стволов — *сипанка*, *кадуб*, *літівка* (рис. II-Г-3). И, наконец, сюда же примыкают кубические емкости, в основном солонки гуцульского производства со съёмными крышками и без них, богато украшенные резьбой. Иногда в плане они имели форму многогранника. Близки им и *ковганки* для растирания сала прямоугольной формы, ящички для свеч и для мелочей, ступки для толчения продуктов, а также *лійки* (воронки) со вставленными в цельнодолбленное дно деревянными трубочками (рис. II-Г-4).

Сосуды со вставными, одним или двумя, днищами имеют свои *варианты*. В качестве одного из них выступают емкости, днища которых вставлены в *уторы* (пазы), второго — емкости с примыкающими днищами. В целом они аналогичны вышеперечисленным цельнодолбленным предметам — это воронки, солонки, *гарницы*, *мірки*, *кадобы*, *діжки*, *мазницы*, *бодни*, *ступки* и т. д. *Мазницы* и *боченки* нередко были двудонными, с отверстиями для *квача* (разновидности грубой кисти для дегтя) или для слива напитков. Специфической формой являются характерные для Полесья и Среднего Поднепровья *жлукта* — стволы толстого дерева с выдолбленной серединой, использовавшиеся для золенья белья после

стирки, а также совершенно идентичные им по форме и размеру *бодни* для хранения сала. Дна они не имели, снизу к ним прибивали две параллельные или скрещенные планки и ставили во время бучения на солому или в широкие кадушки.

В целом типы долблено-резных предметов являются универсальными для различных групп украинцев, однако в первую очередь они характерны для Полесского и Карпатского регионов, где в исследуемый период в наибольшей мере наблюдались реминисценции домашних форм производства. Таким образом, архаичная технология и инструменты, применяемые для изготовления долбленых предметов, сохранялись преимущественно в этой столь же архаичной форме ремесла. В основной своей массе на рубеже XIX—XX вв. выполненные в долблено-резной технологии изделия были вытеснены токарными и бондарными, хотя и функционально, и терминологически они представляли из себя их полные аналоги.

2. Самым значительным по объему разделом деревянной утвари украинцев является **бондарная утварь**, выработанная как в сфере домашнего, так и кустарного производства, причем в двух формах последнего — кустарных промыслов, как соединенных с земледелием, так и отделенного от него. В основном бондарные изделия представляют три функциональных подкомплекса — утвари для хранения молока и молочных продуктов, утвари для заготовки продуктов впрок, и утвари для жидкости и напитков, однако присутствуют они и в функционально иных разделах домашнего хозяйства. Так, в подкомплексе для приготовления хлеба и мучных изделий повсеместно на Украине, за исключением Прикарпатья, Карпат и Южной Украины, главное место занимает бондарная квашня — *діжа*. На западе Подолии и в районах проживания горных украинцев бытует *зварка* — бондарный аналог *жлукта* для золенья, а также *путня* (ведро), *цебер* (ушат) и *балія* (ванна) для замачивания и кипячения белья. Там же используют и специальные емкости, в которых носили в церковь освящать пасхальное угощение — *паківники*. Обручи большинства бондарных изделий на Украине были двух типов: 1) из ветки лещины, расколотой надвое и скрепленной с помощью зубцов на концах — *віблі* обручи; 2) из полосы луба ясеня, соединенные замком-петлей, которые, в частности, в гуцульской бондарной практике носили название *ставчеті* обручи (Бетехтіна 1991, С. 18). На рубеже XIX—XX вв. стали широко использоваться железные обручи, постепенно вытеснившие деревянные.

По различиям в технологии изготовления бондарная утварь делится на два подраздела: однодонную обручную и двудонную обручную посуду. В рамках первого подраздела выделяется три типа: цилиндрическая, коническая и выпуклая утварь. Стадиально было бы логично рассматривать их в такой же последовательно-

сти, однако в условиях преобладания в исследуемый период конической утвари мы начнем именно с нее.

Интересно, что форма конуса со стенками, сужающимися к дну, была типична для Северной и Средней Европы лишь до нач. XVI в., а к началу XX в. она сохранилась лишь у финнов, карел, эстонцев и латышей (Фишман 1986, Л. 154). На Украине же мы находим универсальную форму утвари именно такой формы — *цебер*, *ряжка* (ушат) (рис. III-Б-1), широко применяющейся для различных хозяйственных нужд. Аналогичную форму имеет *путера* — гуцульская емкость для молока, имевшая важное значение в полонинном хозяйстве, а также бондарная ванна *балія*. Конические, сужающиеся кверху бондарные емкости с ушками и без них из еловой древесины известны на всей территории Украины, в то время как аналогичные емкости с фигурными ручками — *паківники* характерны лишь для гуцулов (Мандибура 1978, С. 72) (рис. III-Б-4). У них, а также в целом в Карпатском регионе и на западе Подолии бытовал бондарный черпак с вертикально поставленной ручкой; подойник с так же вертикально поставленной, но широкой ручкой-ухом, образуемой несколькими более высокими, чем остальные клепками и противоположащим ей мысыком для слива молока — *скіпець* (рис. III-Б-7). Сходная по назначению *дійниця* (подойник), использовавшаяся в других районах Украины, представляла собой коническое ведро с металлической дужкой. Кроме того, в Карпатах и на западе Подолии бытовал жбан для воды с ручкой-петлей сбоку, вырезанной вместе с одной из клепок — *коновка* (*гарчик*) (рис. III-Б-5). Гуцульские коновки были с отлетными, плотно закрывающимися крышками, позволявшими использовать их как дорожную утварь. Такая же емкость меньшего размера, но без крышки, использовалась как *кухлик* (кружка для питья). К этому же типу относится поршневая маслябойка, универсальная для всех групп украинцев, которая носит название *боденька* на западе Украины и *масничка* в Среднем Поднепровье и восточнее (рис. III-Б-2). Она представляет собой высокую узкую чуть расширяющуюся к низу кадку с *вершняком* — маленькой кадочкой с перегородкой посередине, через отверстие в которой продевался поршень — уже описанная выше “колотювка”. В Подолии наряду с бондарными бытовали и точеные маслябойки. На юге Украины встречались и глиняные, кроме того нередко масло здесь сбивали с помощью мутовки в обыкновенной *макитре* — большом горшке с широким горлом и отлогими уплощенными венцами.

Обширную группу конической утвари составляют мерки для муки — *мірки* (такое название распространено на левом берегу Днепра и в поднепровской зоне Правобережья) и *гарніці* или *міртуки* (термины, используемые в Подолии и Карпатах). Эти емкости имели единственную функцию — их использовали для измере-

ния муки, в том числе и при расчете за помол с мельником. Размер мерок варьировал от 600 г до 10 кг, в зависимости от того, за помол какого количества муки нужно было расплатиться. Информатор Палладий Иванович Шамринский (1905 года рождения), в 20-х годах работавший помощником мельника недалеко от Деражни (совр. Хмельницкая обл.), рассказывал, что размер “гарнца” был предметом постоянных споров между мельником и его “клиентами”.

Для засолки огурцов, квашения свеклы и капусты, приготовления кваса, заготовки впрок мяса, сала и творога практически повсеместно на Украине использовалась коническая, чуть сужающаяся кверху кадушка дубовая *дѣжка* (рис. III-Б-3), которая закрывалась деревянной круглой крышкой, сбитой из дощечек, с прибитыми к ней двумя параллельными планками, поперек которых была набита такая же планка-ручка. Наряду с “дижкой” для тех же целей использовались и другие емкости и приспособления, имеющие локальный характер распространения, она же универсальна для данных функций. В Карпатах она носила название *станов* или *гелета*.

Лишь пропорциями отличалась от этих дижек также дубовая *пѣнка дѣжа* — квашня для теста — невысокая широкая кадушка с крышкой (*віко*), обтянутая парой ясеневых, реже ореховых, обручей, единообразная практически на всей территории Украины (рис. III-Б-2). На западе Подолии и в Прикарпатье она бывала на трех ножках, образованных удлиненными клепками корпуса дежи (ПМА. № 1638 — с. Розгирче Стрыйского р-на Львовской обл.). Название “дижа” употреблялось повсеместно, за исключением самых западных районов Украины — Карпат, где, как уже указывалось, она не являлась преобладающей в подкомплексе для приготовления хлеба. Здесь было распространено польское ее название — *фаска*. Особенно характерно оно было для лемков, в то время как у бойков и гуцулов преобладал упомянутый славянский термин.

К этому же типу относится зольник для бучения (*зварка, поливаник, зольниця, гуличок*). Ареал его распространения начинается на рубеже между восточной и западной Подолией, т. е. на границе современных Хмельницкой и Тернопольской областей. Если восточнее повсеместно используется “жлукто”, то западнее названный бондарный его аналог — коническая сужающаяся кверху довольно высокая емкость на трех ножках, стянутая обручами из лещины, с отверстием для слива воды внизу стенок (рис. III-Б-8). В восточной Подолии (Хмельницкая обл.) она носит названия *вулей* или *гуличок* — те же, что обозначают здесь *жлукто* (ПМА. № 1638 — с. Пеньки Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.). Западнее бытуют уже специализированные термины: в Тернопольской обл. — *зольниця*, в Карпатах — *зварка, поливаник*. На

западе Подолии и в Прикарпатье встречались *двійнята* — небольшие кадушечки, соединенные фигурной перегородкой, вырезанной вместе с двумя клепками, использовавшиеся как дорожная утварь. Аналогичный им *куфель*, бытовавший в Карпатах, имел такие же как у «коновок» откидные крышки и служил для хранения и переноски сыпучих веществ. На остальной территории Украины бытовал глиняный аналог “двійнят” с крышкой, вырезанной из одной пластины дерева в виде двух кругов, соединенных между собой двумя перемычками.

К цилиндрической однодонной утвари относятся ведра, маслобойки, “дижки”, “мирки”, “паскивныки”, “гелетки” и “станвы”, функционально совершенно аналогичные конической однодонной утвари и в этом смысле представляющие собой локальные его варианты (рис. III-A-1, 2, 3).

Ареал распространения типа выпуклой бондарной утвари совпадает с ареалом высокоразвитой бондарной технологии, использовавшей метод термической обработки бочек из дубовой клепки. Это в первую очередь Подолия и Карпаты — регионы, где бондарство развивалось под австрийским техническим влиянием и в XVII—XVIII вв. входило в структуру цехового производства, что определило его высокий уровень. Существует множество названий для таких бочек. В частности в Карпатах в разных местностях они носили название *станва, гордів, кадеві, станвець, полубичок* (рис. III-B-1) (ПМА. № 1638 — с. Иваница Тербовлянского р-на Терноп. обл.). Необходимо отметить, что выпуклые однодонные бочки нередко представляли собой вариант вторичного использования двудонных емкостей — у прохудившейся винной бочки снимали одно дно, реставрировали ее и далее использовали для хранения сыпучих веществ, для заготовки капусты и других овощей, а также для сбора дождевой воды во дворе. Они носили название *узріз*.

Подраздел двудонной бондарной посуды сформировался значительно позже однодонной, его формы имеют более выраженный этнолокальный характер, что отметила О. М. Фишман и по отношению к северо-западу Европы (Фишман 1986, Л. 156). Она делит двудонную утварь на три типа: выпуклые бочонки для хранения и переноски жидкости, цилиндрическая двудонная утварь, и коническая двудонная утварь, которая на Украине встречается очень редко (к ней относится, в частности, гуцульский *чубелів* — емкость для пива, известная из описания Шухевича (Шухевич Т. II, С. 251, рис. 1469)). Функционально все три типа относятся к утвари для хранения, перевозки и переноски жидкостей, причем как в составе домашнего, так и дорожного комплексов при превалировании второго.

К типу выпуклых бочонков для хранения и переноски жидкостей относятся бочонки, которые в Среднем Поднепровье и вос-

точнее — в Подолии носят название *барилка*, *ботла*, а в Карпатах — *берівка*, *бербениця*. Названия *бочонок*, *бочівка* известны повсеместно. Все эти емкости служили для перевозки воды в поле, для хранения водки, вина, кваса, меда, вишняку и сливянку (фруктовых браг, приготовляемых прямо в этих сосудах), а в Карпатах употреблялись для перевозки молока с полонин в село.

Наиболее распространенным был тип цилиндрических двудонных емкостей с круглыми, реже овальными днищами (рис. IV-A-2). Они имели два отверстия — или оба рядом на стенке сосуда, или одно в стенке, а другое в дне — для залива и слива содержимого. Отверстия эти затыкались колышками (*чин*). В Карпатах на стенках “бербениц” делали квадратные накладки и уже через них просверливали дырки.

Тип выпуклых бочек и бочонков делится на две части. Одна часть совершенно аналогична по назначению предыдущему типу, а другая имеет гораздо больший размер и степень изгиба стенок и используется для перевозки и хранения воды в поле. Такие бочки имеют квадратные плотно пригнанные откидные крышки в стенке и донные отверстия, закрывающиеся деревянной пробкой. Они и сейчас широко применяются во время полевых работ — их привозят на возу и держат в тени, что позволяет даже в июльскую жару сохранять воду прохладной (рис. IV-A-4) (ПМА. № 1639 — с. Пеньки Староконстантиновского р-на, с. Мыхнов Изяславского р-на Хмельницкой обл.).

Но самую обширную группу выпуклых двудонных бочек образуют бочки для вина. Они имели отверстие в дне, а также в стенке, в которое вставлялась *nina* — точеная затычка-краник (ПМА. № 1638 — с. Старява Старосамборского р-на Львов. обл.). Именно на этих бочках раньше всего, уже с конца XIX в., стали ставить железные обручи. Это объясняется тем, что производство бочек концентрировалось при винных, сахароваренных, солеваренных заводах и других предприятиях, нуждающихся в бондарной таре — рыбных, пивных, нефтеперерабатывающих, лесохимических и т. п. (Гошко 1991, С. 60).

В целом можно выделить четыре перекрывающих друг друга ареала в распространении форм бондарной утвари на Украине. **Первый** — это Полесская зона, где для изготовления клепок использовали в основном еловые породы дерева. Здесь преобладала коническая однодонная утварь, бондарная технология была достаточно примитивна, производство бондарной утвари практически не выходило за рамки кустарного промысла и не носило специализированного характера.

Вторым ареалом является Карпатский регион, где бондарство выступало в двух формах, с одной стороны, специализированного высокоразвитого ориентированного на широкий рынок кустарного производства, вырабатывавшего в основном одно- и двудонные

выпуклые бондарные изделия, и с другой — промысла, обслуживавшего в основном нужды местного полонинного хозяйства в процессе переработки молока, для которого, также как и для Полесья, наиболее характерна была коническая посуда. Бондарные изделия несли различную функциональную и символическую нагрузку, т. е. отличались также и на уровне подтипов и вариантов (декором и некоторыми технологическими особенностями). Так, если в практике молочного хозяйства на полонине преобладала коническая утварь, изготовленная из еловых пород дерева и почти не украшавшаяся, то гуцульские бондарные изделия кустарного производства нередко богато декорировались выжиганием, резными и точеными элементами.

В отличие от Полесской зоны в Карпатах фиксируется наличие не только самодельного бондарного инструментария, преобладавшего на всей территории Украины, но и заводских его образцов — уторников, некоторых видов рубанков, прямых и кривых стругов и т. д. (см. ниже). Более разнообразен и набор поделочных пород дерева — дуб, бук, ясень и др. Отчасти к Карпатскому ареалу примыкает и Подолия, в свое время охваченная цеховой организацией бондарного дела. Однако здесь преобладающими были кустарные промыслы с редкими вкраплениями специализированного ремесла.

Третьим ареалом можно считать Юг Украины, где в силу высокой специализации сельского хозяйства и значительной степени его товарности функционировал класс специализированных ремесленников-бондарей, обслуживающих нужды местных обрабатывающих отраслей промышленности, винокурение и сахароварение в первую очередь. Бондарное производство концентрировалось в мастерских, где наряду с хозяином работали члены его семьи, а также наемные работники и ученики. Это позволяло поставить на поток производство определенных видов бондарных изделий, в первую очередь двудонных выпуклых бочек, использовавшихся в качестве тары, и привело к стандартизации изделий и ограничению круга изготавливаемых емкостей наиболее товарными. Домашнее производство здесь почти не практиковалось, причем не только в бондарном деле, но и в целом в деревообделочных отраслях. Это объясняется отчасти отсутствием соответствующих производственных навыков у местных крестьян, отчасти необходимостью обязательного наличия первоначального капитала для закупки сырья.

И, наконец, в четвертый ареал распространения бондарной утвари входят восточная часть Подолии, Левобережная часть Поднепровья и Слобожанщина. Он характеризуется как типологическим разнообразием бытующей здесь утвари, так и разнообразием форм ее производства, которые варьируют от низших разновидностей домашней промышленности до кустарных производств ману-

фактурного типа с преобладанием средних ступеней между этими крайними точками. Следует отметить, что выделенные ареалы пересекаются и в пограничных зонах в значительной мере накладываются друг на друга, поэтому приходится признать относительность их рубежей.

В настоящее время бондарное дело на Украине практически полностью перешло в разряд фабричного производства. Причем ситуация интересна тем, что почти в каждом селе на вопрос о том, есть ли в данной местности бондарь, можно получить положительный ответ — все знают, где он живет, что умеет делать, либо рассказывают, что был, но умер. Общение с мастерами показывает, что до самого недавнего времени, вплоть до 80-х годов, они занимались производством бондарных изделий не только для себя и по заказу односельчан, но и на продажу на местном рынке. Некоторые работали в колхозных столярных мастерских, а также выполняли единичные заказы на дому. Как правило, у них сохраняется полный набор бондарного инструментария, нередко самодельный. Большинство из них является потомственными мастерами, перенявшими навыки от отца или деда. Однако в настоящее время почти все они крайне редко изготавливают бондарную утварь и то только для себя или для ограниченного круга односельчан, иногда берутся за ремонт старой посуды. На вопрос о том почему они прекратили занятия бондарством обычно следует ответ, что нет подходящего материала, что это слишком трудоемкая работа (последний факт имеет особое значение, т. к. опрошенные нами бондари обычно люди пожилого возраста), что передать мастерство некому — внуки этим заниматься не хотят (ПМА. № 1677 — с. Любомирка Добровеличковского р-на Кировоградск. обл.). Следует отметить, что наряду с названными причинами существует и еще ряд факторов, которые практически свели на нет кустарное бондарное производство. В первую очередь нужно сказать, что примерно с 60-х гг. произошла практически полная функциональная замена бондарной утвари — заготовки на зиму делают путем консервирования овощей и мяса в стеклянных банках с фабричными жестяными крышками, деревянные ведра уже к 30-м гг. были полностью заменены металлическими, вино и фруктовые браги приготавливают в больших стеклянных бутылках и т. д. Ряд функций бондарной утвари просто отпал. За все время полевых исследований нам ни разу не удалось увидеть в быту какое-либо новое бондарное изделие, за исключением стандартных фабричных кадушек с жестяными обручами, которые продаются в сельских магазинах. При этом нужно отметить, что “престиж” бондарных изделий очень высок — многие хозяйки хотели бы иметь, например, дубовые бочки, т. к. считают, что в них соленья гораздо лучше сохраняются и обладают хорошими вкусовыми качествами. Однако с сожалением приходится констатировать, что возрожде-

ния бондарного промысла вряд ли приходится ожидать, ибо традиции и навыки бондарного дела, очевидно, утеряны безвозвратно.

3. **Раздел токарной утвари** делится на два основных типа: цилиндрическая емкость, выточенная с торца; и пластинчатая емкость, выточенная с боку продольного среза колоды. К подтипу первого типа относятся цилиндрические точеные изделия, основная масса функциональных аналогов которых относится к разделу предметов из естественных форм дерева. Это скалки-качалки, *товкачі-макогони* (песты), которые в токарном исполнении обычно сделаны способом кольцевидного точения (рис. V-1, 2, 3, 4). К этому же типу относятся затычки для бочек — *činu (nini)* с поворотным устройством, изготовленные по принципу самоварного краника.

К подтипу стоечных цилиндрических емкостей относятся в первую очередь маслобойки, распространенные на западе Подолии — на территории современной Тернопольской обл. (рис. V-A(2)-3). Они представляют собой локальный вариант широко бытующих на остальной территории Украины бондарных “маснычек” (“боденек”). К этому же подтипу относится также гуцульская *рахва* — невысокая круглая коробочка с крышкой для хранения творога и брынзы в пути (V-A2-1). Совершенно такой же формы емкости, но без крышки, использовались кое-где в качестве солонки.

К подтипу полусферических стоечных емкостей относятся миски, а также солонки и чарки для водки, выточенные в форме рюмки на ножке с круглой подставкой (V-A3-1). Редкой архаичной формой является точеный горщик, по форме совершенно подобный глиняному. В Тернопольском краеведческом музее хранится такой горшок с выпуклыми стенками и расходящимися венцами, он датируется 1856 г. (ТКМД-619) (рис. V-A3-2). Подобную форму при наличии ножки и при значительно меньших размерах имеют судки и ступки для специй — *пушки*, закрывающиеся плотно пригнанными крышками (ТКМД-223) (рис. V-A(3)-3). Последние обычно были орнаментированы резьбой или росписью с геометрическими или растительными мотивами. В целом этот подтип является одним из наиболее вариативных как в плане разнообразия форм изделий, так и в функциях их применения. С развитием токарного промысла при городской ориентации сбыта в начале XX в. появилось множество новых форм внутри данного подтипа — пудрениц, сигаретниц, карманных солонки, шкатулок, табакерок и т. п.

Еще один подтип составляют дисковидные точеные изделия. Это в первую очередь разнообразные тарелки и блюда — для приема пищи, для подачи на стол угощения, хлебные блюда (*стябло*) (рис. V-A4-2), блюда для сбора свадебных даров (гуцуль-

ская *повниця*) (рис. V-A(4)-1), для подачи свадебного каравая (*коровайниця*) и др. К этому же подтипу относятся гуцульские декоративные тарелки, украшенные резьбой и инкрустацией, о которых говорилось выше. Типологически к этому подтипу относится и *баклага* — сосуд для вина или водки, сделанный из двух дисковидных половин и поставленный вертикально на 4 ножки, имеющий узкое округлое горлышко (рис. V-A(4)-3).

К типу пластинчатых изделий относятся в первую очередь точеные ложки. Для украинцев они не типичны, основная их масса доставлялась на местные рынки и ярмарки из крупных русских торговых центров — в первую очередь из с. Семенов Нижегородской губ. Такие ложки на Украине обычно называли “кацапками” (ПМА. № 1638 — с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельн. обл.), они были здесь широко распространены наряду с местными резными ложками, описанными в соответствующем разделе. Точеные ложки на Украине изготавливали лишь городские ремесленники — в МАЭ хранится серия оригинальных ложек с овальным черпаком и вырезанной в форме рыбки ручкой (Бетехтина 1992, рис. 4). В открытый рот рыбки входит округлая точеная шейка ложки. Четыре из них — из Черниговской губ., также как и аналогичный половник (МАЭ, колл. 3547). Очень похожую форму и тот же мотив резьбы на черенке имеют три ложки из Херсонеса. И, наконец, изящные ложки из Киевской губ. имеют яйцевидные черпаки, расписанные черной краской внутри и фигурно вырезанные черенки, покрытые лаком. При таком широком территориальном разбросе сходство форм уже нельзя считать случайностью. На происхождение этой группы предметов бросает свет надпись на нижней части черенка одной из ложек: “БЛАГОСЛОВЕНИЕ КОНЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ” (Бетехтина 1992, С. 127 — рис. 3). Очевидно, такие ложки изготавливались монахами, возможно, часть из них сделана городскими ремесленниками, но говорить о широком бытовании таких ложек и об отношении их к крестьянским кустарным промыслам не приходится.

Токарный раздел сходен с разделом долблено-резной технологии, ибо, как мы уже отмечали, первый типологически вышел из второго. Бытует также ряд предметов, выполненных в комбинированной точено-резной технике (например, некоторые гуцульские «бербеницы»).

4. Раздел утвари, выполненной в столярной технике, делится на два типа: плоскостной и объемный. Оба они имеют в своей основе готовые пиленые доски. К первому типу относятся пряничные доски (*фирмак*), состоящие из двух половин, на округлых выемках внутренних частей которых нанесен резной орнамент (рис. VI-A-1); квадратные и круглые дощечки с ручкой для резания продуктов — кружки или *стільнички* (рис. VI-A-2, 3); подобные им круглые дощечки с отверстиями, используемые также как

дуршлаги (рис. VI-A-4); гнеты для творога, состоящие из двух прямоугольных досок, соединенных кожаными ремешками *лецата* (рис. VI-A-5), и прессы для этих же целей; крышки для глиняных “двійнят”, представляющие собой пару выпиленных из дощечки кругов, соединенных двумя параллельными перекладинами; часть настенных ложечников, представляющих собой дощечку с отверстиями для вставления ложек с планкой, — прилегающей к стене *ліжчик*.

К описанному типу примыкают составные плоскостные предметы — сбитые из досок и окаймленные планкой *стільніці* для раскатывания теста (рис. VI-A-6); круглые крышки для однодонных бондарных емкостей, также сделанные из досок с прибитыми на их поверхность в виде буквы “Н” планками, образующими ручку. Соединялись доски с помощью гвоздей или штырьков — гвоздей без шляпок (рис. VI-A-7).

К объемным предметам, выполненным столярным способом, относится множество предметов домашнего обихода. Утварь представлена в этом типе сундуками для хранения зерна и муки (*засік, усік*) (рис. VI-B-1); ящиками для сала и мяса (*пак*) (рис. VI-B-2); маслобойками-крылатками, представляющими собой 8-гранный ящик, поставленный на одну из граней, с крышкой, внутри которого на металлическом стержне вращаются лопасти; корытами прямоугольной и трапециевидной формы, которые повсеместно на Украине использовались для кормления скота и птицы (*скринька*) (рис. VI-B-4). На западе Подолии такие же трапециевидные *корита* потребляли для замеса пшеничного теста. И, наконец, к этому же типу относятся кубические солонки с откидной крышкой, бытующие на Украине до сих пор (рис. VI-B-3).

Утварь, выполненная в столярной технике, в силу универсальности последней находит широкое применение и в настоящее время. Практически каждый хозяин в состоянии самостоятельно изготовить такие простейшие ее виды, как крышки для бочек, доски для резания продуктов и для раскатывания теста; сусеки, паки, корыта и скрынки для кормления скота и т. п. Все эти предметы непременно встречаются в каждом дворе и до сих пор являются объектами домашнего производства.

III. Категория утвари из луба по сравнению с ранее описанными категориями на Украине менее распространена. Это в основном гнутые из луба листовенных пород дерева предметы, так называемая обечайка (*обічка*). Техника гнутья луба с предварительным распариванием — свидетельство достаточно высокого уровня развития деревообработки. В Восточной Европе лубяные изделия известны давно, в частности, в новгородских землях, где широко бытовали разнообразные короба и лукошки — с XIII в. (Колчин 1973, С. 50). В XIX в. мы находим лубяную утварь в быту у всех народов Северной и Средней Европы — финнов, шведов, эстон-

цев, латышей и др., а также у русских. О. М. Фишман вслед за А. Вийресом склонна возводить происхождение техники гнутья луба листовых пород дерева от технологии обработки древесной коры, что обосновано сопоставлением форм лубяной и берестяной утвари, и технологии её изготовления: способов соединения стенок, днища со стенками и т. д. (Фишман 1986, С. 159—160).

На украинском материале лубяная утварь образует один раздел и один тип — цилиндрическая емкость с круглым или овальным дном. К нему относятся *сита*, *підситки* и *решета* для просеивания зерна и муки; мерки для муки и зерна — *мірки*, *кварти* и *гарніці*, аналогичные долбленным и бондарным; *козуби* — лукошки для ягод; *севалки*, *сіялки*, используемые как для сеяния, так и для сыпки хлеба при веянии, а также являющиеся, в частности, в Полесье, наиболее архаичной формой утвари для освящения пасхального угощения, и др.

Овальные лубяные коробки использовались различно, хотя их форма повсеместно была единой: края согнутых стенок заходили один за другой и были скреплены деревянными гвоздями, дно — вставное. Особенно широко распространены такие коробки на Левобережной Украине, в частности, в Полтавской губ., где находился центр по их производству — с. Груни Зеньковского уезда (Русов 1905, С. 71—73). Совершенно аналогично были сделаны мерки для муки, однако они были меньшего размера и обычно имели типичную для подобных емкостей вертикальную ручку. Коробки, использовавшиеся для освящения пасхи, имели ручку-дужку.

К лубяным изделиям относится группа настенных солонки, представляющих собой прикрепленную к прямоугольной дощечке согнутую полукругом пластину луба со вставным дном, нередко с откидной крышкой. Такая форма широко бытует и до сих пор, в частности, в Тернопольской обл. Обычно их вешали справа от устья печи.

Некоторые предметы из луба в настоящее время изготавливаются фабричным способом: сита с капроновой сеткой, солонки. Домашнее кустарное лубяное производство, судя по всему, исчезло, так как нам не удалось собрать информацию о традиционной технологии гнутья луба.

§ 3. Основной инструментарий и технология деревообработки

1. Универсальные инструменты и приемы

Набор инструментов и технология кустарного деревообрабатывающего производства достаточно просты. Употреблялись следующие инструменты: *сокира* (топор), тесла разных размеров, полукруглое долото, рашпиль, прямой и полукруглый скобель (прямый

струг и кривий струг), ножи нескольких видов, одноручная и двое-ручная пила. Отверстия проделывались с помощью ложкообразного сверла (лопатень) (Moszynsky 1967, Т. I, S. 295—300). Окончательная обработка поверхности производилась пучками хвоща, позднее — шкуркой. Для изготовления ложек помимо перечисленного набора требовался еще и специальный резец — крючок (ложкарь) для выглаживания внутренней части черпака. Практически все эти инструменты были местного изготовления и покупались у производителя, только топоры, пилы и рашпили были привозными — российского или австро-венгерского производства (Филиппов 1913, С. 214).

Основная часть инструментария: ложкообразные сверла по дереву, ложкари, ножи, струги известны на данной территории со времен Киевской Руси (Сорокин 1959, с. 160—161, рис. 13, прим.) и готовились еще два десятилетия назад в сельских кузницах. Наши информаторы — семейство Железняков, занятое гончарным промыслом, из Грибовой Рудни Репкинского р-на в Черниговском Полесье — сообщали, что заказывали подобный инструментарий в местной кузнице.

Перечисленная выше утварь из естественных форм дерева изготавливалась из твердых лиственных пород дерева — дуба, клена, ясеня, рябины, черемухи, вяза, кизила, березы с помощью последовательной обработки палкообразных заготовок топором, ножом и стругом.

Рубеля, вальки, хлебные лопаты, изготавливались в технике пропила с последующим протесыванием топором. Чистовая обработка поверхностей производилась стругом.

Более сложной была технология изготовления желобчатой утвари, в частности, ложкарного производства. Сначала березовый, осиновый, ольховый или липовый кряж распиливали по меркам на чурки, которые раскалывали топором на две, три или более части, в зависимости от их толщины. Каждую часть обтесывали топором на деревянной колодке для придания баклуше будущей формы ложки. В лопасти баклуши с помощью тесла делали углубление черпака, после чего ножом обрабатывали черенок и выпуклую часть ложки. Обрезав ложку при помощи ножа, выглаживали в ней углубление с помощью ложкаря — резца в виде крючка. Окончательное “скобление” ложки производили ножом (Микитчук, Лепа 1989, С. 91—93) или тем же ложкарем. Обтачивание черенка ложки на специальном приспособлении, подобном небольшому токарному станку, характерно в основном для привозных из России семеновских ложек (Филиппов 1913, С. 147). Местные же украинские ложки полностью изготавливались вручную.

Технология производства сферической утвари, так же как и желобчатой, начиналась с заготовки болванок из ясеня, липы, бука, граба, осокори, ольхи: заготовленные кряжи кололи топором

либо на две половины по сердцевине, либо на пластины. Для выравнивания поверхности раскола и наружной поверхности дна пластины протесывали с двух сторон топором, а затем снимали с боков кору и отесывали наружную поверхность боковых стенок, а также ручки. Лучковой пилой опиливали торцы ручек. Следующий этап — выдалбливание углубления теслом. Затем ножом обрезали ручки и верх изделия, а внутреннюю часть ковшей и уполовников — зачищали резцом и кривым стругом (Микитчук, Лепа 1989, С. 95). Окончательная обработка состояла лишь в затирании хвощом или шкуркой, реже — последующей грунтовке постным маслом.

Несколько иначе изготавливалась стоечная утварь. Заготовленные чурки обтесывались и обстругивались снаружи, а изнутри просверливались сначала ложкообразным сверлом, затем — буром. По окружности образовавшегося отверстия полукруглым долотом выдалбливали стенки и выстругивали их начисто резцом и скобелем. Скобелем же обрабатывали стенки и с внешней стороны. Для дна со внутренней стороны, немного отступя от края, прорезывали углубление.

2. Бондарное дело

Традиции в технологии бондарного производства, сложившиеся здесь еще в цеховой период развития деревообрабатывающих ремесел, обусловили высокий уровень исполнения изделий: использование специализированного бондарного инструментария, наличие системы стандартов форм и объемов сосудов, сложных технологических приемов обработки.

Как писал К. Мошинский, “задача бондаря — сделать клепки, уторы, обручи и дно соответствующей величины... и в заключение собрать их” (Moszynsky 1929, Т. 1, С. 29). Украинцы использовали для изготовления бондарных изделий следующие породы дерева — дуб, ель, сосну, реже осину и ольху, в Карпатах еще бук и явор. Причем материал подбирался в соответствии с назначением утвари с учетом различных химических и механических свойств древесины. Так, дуб считался пластичным, устойчивым к солям и кислотам, поэтому из него делали обычно крупные емкости для соления и квашения овощей, хранения мяса и мясных продуктов. Еловая древесина предназначалась для молочной утвари, так как была легкой, не смолистой, легко впитывала влагу (Титов 1976, С. 76—78). Сосну считали устойчивой к коррозии, легко поддающейся обработке, бук и явор — прочными.

Соответственно и технология изготовления бондарных изделий была различна. Мы подробно остановимся на гуцульском варианте, зафиксированном автором в 1988 г. в с. Косовская Поляна Ра-

ховского р-на Закарпатской обл. от информатора В. И. Билимчука — потомственного бондаря (ПМА. № 1638).

Срубленный ствол дуба гуцулы распиливали на чурки длиной 80 см — *тімаки*, а потом специальным топором — *манерою* (у бойков он назывался *плинкач*) (рис. VII-4) раскалывали на заготовки для клепок — *доги*, и складывали штабелями — *в клітку*, чтобы к ним поступал воздух. Сердцевина дуба, имеющая белый цвет — *біліна*, не использовалась. Бойки по тем же причинам не использовали сердцевину ели (Бойківщина 1983, С. 122). Около года древесина выстаивалась, обычно на чердаке. В. Шухевич писал, что гуцулы заготавливали древесину для бондарства зимой, сушили ее 6—12 месяцев, а уже затем раскалывали на клепки (Шухевич, Т. IV, С. 148). Обработывались клепки при помощи специального приспособления — предшественника верстака — *вісний стілець* (рис. VIII-1). У поляков такое приспособление называется *stolek obiruczny* (Falkowsky 1935, S. 36—37), на котором клепка зажималась ножным рычагом с тем, чтобы руки оставались свободными. Это же приспособление использовалось и для столярных работ, и для изготовления гонта. Ф. К. Волков аналогичный станок у украинцев равнины называет *лищина* (Волков 1916, Т. 2, С. 489). Русские делали клепки на колоде с помощью топора, а для фиксации уже собранного изделия служил верстак и скамья, а для вставляющимся брусом (“деревянным гвоздем”), верхом на которой сидел мастер, используя гвоздь в качестве опоры во время выскабливания бочки (Рождественская 1987, С. 345).

Для того, чтобы клепка имела выпуклость с одной стороны и желоб с другой, внутренней, ее обстругивали стругом — прямым или кривым. Зажав догу в “висним стилци”, ее подгоняли кривым стругом — *віснім ножем* (рис. VIII-1а, б), а потом прямым стругом — *прямим ножем* (рис. VII-1в). Толщину доги доводили примерно до 3 см. Подобные инструменты известны еще в Карпатах под названиями *висняк*, *осняк*, *ніж обіручний* (Fisher 1935, S. 87).

Более тщательная обработка внешней и внутренней поверхности клепки производилась рубанком (*гребель*) (ПМА. № 1638 — с. Розгирче Стрыйского р-на Львовской обл.), *heblik* (Falkowsky 1937, S. 38), в том числе специализированным, с полукруглым лезвием — *дягливча* (у гуцулов) (ПМА. № 1638 — с. Перекрестье Воловецкого р-на Закарпатской обл.).

Важным этапом в изготовлении клепки являлась подгонка ее боковой стороны, для чего у гуцулов существовали специальные шаблоны — *модлі* с нанесенными на них рисками — *итихами* (ПМА. № 1638 — с. Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл.). Модли были нескольких видов для посуды разной величины (рис. VII-2а, б, в). Подгонка по этим шаблонам производилась на *лавці* — деревянном бруске со вставленным в его верхней части одинарным или двойным лезвием, который устанавливался

на ножках. Для этой же цели в Закарпатье, а также в Белоруссии использовали фуганок — *спуст* (ПМА. № 1638 — с. Перекрестье Воловецкого р-на Закарпатской обл.; Титов 1976, С. 74—75), который крепился в рабочем положении в верстаке неподвижно лезвием вверх, или, наоборот, особым зажимом фиксировались клепки, а работали спустом. Для каждого вида бондарного изделия нужно было определенное количество клепок, например, для 200-литровой дубовой бочки — 28 штук (ПМА. № 1638 — с. Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл.).

Следующий этап — сборка клепок. Для этого в шаблонный обруч — *складач* вставляли первую клепку, прижимая ее *отримачем* — специальным приспособлением, состоящим из параллельных планок — *вилцят*, соединенных небольшим брусочком — *засувом* (рис. VII-8). Расстояние между вилцятами регулировалось в соответствии с толщиной клепок с помощью клинышка (*клинца*). Вставив в складач все клепки, надевали первый обруч.

Следующая операция необходима только для выпуклых двудонных изделий. В металлический *кошіль* — конструкцию из металлических полос, кладут стружку из-под клепок, поджигают и прогревают бочку в середине, пока не нагреется ее наружная сторона. После этого при помощи троса и винта затягивают бочку, которая в результате принимает выпуклую форму, закрепляют второй обруч, обчищают края клепок и сушат в течение недели (Шухевич Т. IV, С. 249).

Если при сжатии конических изделий технология у восточных славян была повсеместно одинаковой, то, как указывает В. С. Титов, при стягивании выпуклых бочек существовали определенные особенности. В частности, в Белоруссии иногда стягивали бочку с помощью троса (веревки, цепи), один конец которой крепился неподвижно, а другой — к лебедке. В другом случае бочку сжимали специальным обручем, диаметр которого регулировали зажимным винтом (Титов 1976, С. 73). Наиболее древним автор считает способ, широко известный и у русских, и у украинцев — наколачивание на остоу бочки обручей различного диаметра, постепенно сжимающих клепки до их полного соприкосновения (Народы Европейской части СССР. Т. 1. С. 615).

Следующей важной операцией была установка дна. Для этого использовались специальные бондарные инструменты — *уторник* и *циркуль*, у гуцулов — *gaga* (рис. VII-7). Утором называется паз с внутренней стороны бочки, в который вставляли дно. Его делали с помощью уторника — самодельного устройства в виде небольшой 3—5-зубой пилки, закрепленной на конце деревянной ручки с насаженным на нее хомутиком (рис. VIII-2а) (ПМА. № 1638 — с. Розгирче Стрыйского р-на Львовской обл.). Под тем же названием у гуцулов использовались фабричные приспособления австро-венгерского производства, мало чем напоминавшие описан-

ный уторник (рис. VIII-26). У белоруссов самодельный уторник назывался *уторыч, закрой, прудавик* (Титов 1976, С. 75).

Нарезав уторы, вставляли дно. Вот как описывает Ф. К. Волков подготовку к этой операции: "...бондарь берет *розміряч* (циркуль) и раздвигает ножки его приблизительно на расстояние радиуса приготавливаемой посуды, затем намечает какую-нибудь точку в глубине уторов и последовательно накладывает циркуль, который должен обойти окружность шесть раз (это называется *розміряти на шість*). Если «розміряч» не доходит до намеченной точки, от которой было начато откладывание, или переходит ее, тогда оставшееся лишнее пространство измеряется и делится на шесть частей, а потом ножки циркуля или сдвигаются или раздвигаются на 1/6 и начинается новое размерение, пока циркуль не обойдет шесть раз точно" (Волков 1916, С. 489). У гуцулов циркуль носит еще название *шашикірня*, а круг, который им расчерчивается для разметки дна — *обора* (Шухевич Т. IV, С. 250), в Полтавской губ. деревянный циркуль носил название *обчиркач* (РЭМ, N 266—45). Традиционно бондарный циркуль был деревянным (рис. VII-6в), однако в начале XX в. уже существовали металлические циркули заводского производства (рис. VII-6а, б).

Дно выпиливали узкой лучковой пилой из доски или трех клепок, соединенных в торцах гвоздями без шляпок. Край образовавшегося круга обстругивали «вісним ножем» (кривым стругом) до толщины 0,7 см — такова ширина уторного паза. Потом дно вставляли в утор с помощью «гаги». Немного расслабив клепки между ними, как и между клепками дна, в дубовую бочку в нижней ее части до высоты 25 см вставляли *шаши* — высушенные и порубленные на полоски стебли камыша, излишки обдирали (ПМА. № 1638 — с. Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл.). После этого можно было окончательно подбить и закрепить нижний железный обруч. Для этого гуцулы использовали «гагу», а равнинные украинцы натягивали обручи *потягом* (рис. VII-5) (ПМА. № 1638 — с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.), который у белоруссов назывался *натягушем* (Титов 1976, С. 76).

Еще в начале XX в. сельские бондари употребляли в основном деревянные обручи. Гуцулы предпочитали делать их из лещины, раскалывая ровную ветку с сечением около 3 см надвое и надрезая с обеих концов таким образом, что получались паз и подогнанный под него клин — «вибли обручы». Получившийся замок — с одной стороны примерно 1,5 см, а с другой — 10—12 см использовался для сцепления прута в обруч. Образовавшиеся «зубы» сцепляли, согнув обруч на колене, а потом обхватив им бочку — «ставчети обручы». Размер обруча и место «зубов» измеряли с помощью нитки с узелком. Таких округлых «виблх» обручей на бочку ставили по 6—8 на верх и низ. Примерно с рубежа века ши-

роко входят в крестьянскую бондарную практику железные обручи, которые холодным способом на наковальне “били на конус”, придавая им форму, соответствующую профилю бочки, получая *капю-обруч*. Скрепляли их двумя заклепками, размеря отверстия для них традиционным способом, а потом набивали с помощью специального молотка. Заготовки для обручей производства местных кузнецов продавались на ярмарках.

На молочную конусовидную утварь, технология изготовления которой отличалась лишь отсутствием операции нагрева, ставили обычно обручи, для изготовления которых использовали исключительно полевой несучковатый ясень. Бревно, которое имеет обычно толщину 18—20 см, сначала раскалывали на пластины толщиной 1 см потом делали из них ленты шириной 3—4 см и толщиной 0,5 см и далее вырезали в них с одной стороны отверстие, а с другой мысик, который должен заходить в это отверстие. Длина такой ленты для обруча также измерялась шнурком с узелочком, ею обхватывали сосуд и “застегивали”. Чтобы обруч плотно облегал конусовидную посуду, один край ленты делали толще. На утварь небольшого диаметра — “коновки”, “паскивыньки”, “колотивки”, “глевивки”, небольшие “дийныщи” обычно ставили два таких «ставчетых» обруча (Шухевич, Т. IV, С. 250). На крупную посуду из ели — “гелеты”, “цеберы”, “бербеныщи”, “тонагы”, “путары”, “путыны” ставили «вибли» обручи, позже сменившиеся металлическими, так же как и на выпуклые дубовые бочки.

“Ушки” бондарной посуды делали, вставляя в общий ряд клепок одну или две более высокие. В этих клепках “лопатем” или спиральным буравом прорезывали отверстия для палки или руки. Ушко-ручку для коновки делали из более прочной буковой клепки.

Что касается декорировки бондарных изделий, то она присутствует только в Карпатах. Она производилась *писаком* — железной печаткой с деревянной ручкой. Орнамент был геометрическим, часто встречался мотив креста. Таким образом декорировали обычно небольшие изделия — “паскивыньки”, черпаки, “коновки” и т. п. Молочную посуду почти не украшали.

С середины XIX в. приемы резьбы по дереву, традиционные для гуцулов, были перенесены на бондарную утварь, предназначенную в основном для вина и напитков. Часть бондарных изделий стала богато декорироваться резьбой, инкрустацией, комбинироваться с токарными элементами корпуса. Это связано прежде всего с именем замечательного гуцульского мастера Ю. Шкрибляка (Будзан 1960).

Практически вся молочная утварь из дерева имела метрологическое соподчинение, на нижней ступени которой стоял или долблено-резной черпак полоник, или коновка/міртук, объемы кото-

рых колебались в незначительных пределах (Мандибуря 1978, С. 88). В целом технология изготовления каждого сосуда была отработана и стандартизирована. Бондарь Иван Васильевич Билимчук (С. Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл.) предельно точно назвал автору все параметры изготовлявшейся им ранее утвари.

3. Лубяное производство

Технология лубяного производства состояла в первую очередь в производстве *обечек*, для чего сначала изготавливают полосы луба. Для этого сначала из отрубков осины делали плашки толщиной около 10 см. Наколотые плашки распаривали в печи: устье наглухо закрывали заслонкой, иногда еще подмазывая глиной, и парили 2—3 часа. После этого из распаренных плашек драли обечку с помощью особого ножа-дера длиной около 27 см с толстым обухом, расположенным почти под прямым углом к лезвию (Федоров 1993, С. 21). Сначала дер забивают в плашку колотушкой, стараясь попасть в границу годового кольца дерева, затем боковым нажимом на ручку раздвигают раскол, подбивают дер дальше, и постепенно отделяют обечку толщиной около 3 мм. Далее обечку фиксируют в *ослині* (см. ниже) и окончательно доводят прямым стругом, оправляют ножом края. Потом внутреннюю поверхность крупной обечки насекают для большей легкости ее изгибания ножом, проводя по два ряда поперечных борозд, взаимно перекрещивающихся, и сгибают в кольцо. Для сгибания мелкой обечки достаточно минут 20 подогреть в печи или просто перед огнем, держа в руках, а затем с помощью простой круглой колоды, а в более оборудованных мастерских — специального приспособления *воловня*, — согнуть. Сгибание крупной обечки требует еще одного длительного распаривания, а далее ее также сгибают с помощью “воловни”. По виду она напоминает льномялку и состоит из двух параллельных изогнутых брусков, длиной около 90 см, соединенных между собой на одном конце двумя валиками, отстоящими друг от друга на 5 см. Между этими валиками вкладывают конец распаренной обечки и мнут, прижимая ее к полу, загибая конец сверху, и постепенно передвигая. Согнутую и высохшую обечку протыкают по краям с помощью специальной узкой стамески, продевают в отверстия лыко и таким образом сшивают обечку (Folk Crafts 1995, P. 38). Обычно в таком виде последние и поступали в продажу. Далее нужно было просто приделать к ней полотно сита или решета, зафиксировать, надев лыковый обруч, и закрепить его деревянными гвоздями и лыком. Такие обручи изготавливаются точно так же, как и сами обечки, только из узких брусков дерева.

Аналогично изготавливали лукошки, *пасківники*, коробки, севалки и прочие более крупные изделия из луба. Отличие состоит лишь в том, что по краю обечки делали небольшое утолщение, чтобы можно было вырезать ножом донный утор. Днища делали из тонких выструганных досок толщиной в 0,8 см. Днище вставляли в утор, прижимали снизу обручем и иногда поперечной планкой, обруч подшивали лыком в нескольких местах (Филиппов 1913, С. 226).

Полотна сит и решет составляли отдельный промысел. Сита, багтяющие на Украине, традиционно имели волосяные *полотенца*, важнейший центр по производству которых находился в г. Билгорае Люблинской губ. Там этим промыслом занималось постоянно около 1200 человек, а 700 человек сбывали продукцию как в Польшу, так и в России, в первую очередь в ее украинских губерниях. Обеспечением последних занималось 500 из этих 700 коммивояжеров, что ясно указывает на основное направление сбыта (Кустарные промыслы в Царстве Польском 1902, С. 16—17; Folk Crafts 1995, P. 38—39). Учитывая, что в год билгорайские мастера выделяли 3 325 000 полотниц для сит, можно предположить, что существование одного этого центра полностью обеспечивало потребность в них Польши, Украины и даже юга России.

Интересно, что полевой материал дает значительный разброс в соотношении густоты полотниц *сит* и *підситків*, но чаще все-таки более густыми были сита. Типологически более поздними являлись сита с проволочными сетками, которые в начале XX в. почти полностью сменили волосяные.

Решета имели точно такие же обечайки как и у сит, однако полотно на них были иные, двух видов. Если в Полесье и в Карпатах преобладали сплетенные из узких полос липовой коры или луба на специальном горизонтальном станке, то на остальной территории Украины бытовали кожаные полотнища с отверстиями. Для просеивания зерна использовались решета с разным размером отверстий. Так, в с. Сукилка Кобеляцкого р-на Полтавской обл. у информатора Меланьи Яковлевны Яковенко (1904 г. рождения) был зафиксирован набор из пяти решет с различным диаметром отверстий — для просеивания зерна перед толчением в ступе, для просеивания половы, муки, пшена и др.

Обечайки как для сит, так и для решет делали специализированные мастера — решетники или ситники. Обычно это были городские ремесленники, имевшие налаженные связи с поставщиками ситяных и решетных полотниц. По крайней мере в кустарных переписях сведения о сельских мастерах такого рода практически отсутствуют. Информаторы указывают на то, что эти изделия чаще всего покупались на ярмарках и на базарах местечек, либо разносились по хатам самими мастерами. Не исключено, что для этого существовала особая категория торговцев, аналогичная “прасо-

лам". Однако этот вопрос требует еще окончательного разрешения. В любом случае ясно, что ситное и решетное дело за редким исключением не входило в разряд сельского кустарного промысла, а было сконцентрировано в руках городских мастеров.

4. Токарное и столярное производство

Вопрос о времени начала использования токарного станка остается до сих пор открытым в этнографической литературе (см. стр. 18 настоящей работы). Достигнув особого развития в XV—XVII вв. в центральных районах России, на Украине токарное дело не имело широкого распространения, за исключением производства точеных частей возов. Именно из стельмашества с XIX в. стали выделяться категории токарей — веретенщиков, ложечников, мастеров, изготавливающих части ткацкого станка, причем еще и в начале XX в. наряду с точеными встречались резные предметы данного назначения. Это свидетельствует об отсутствии крупных токарных центров на Украине и незавершенности в целом специализации токарного дела. Отдельные вещи домашнего обихода продолжали и в этот период производить токари-колесники, вытачивавшие в основном детали воза — ступицы и спицы. Следует отметить, что экономическое состояние стельмашества и колесничества было самым лучшим среди деревообрабатывающих промыслов на Украине, о чем свидетельствуют многочисленные материалы кустарной статистики. Представители этих специальностей имели устойчивый спрос на свои изделия, в том числе благодаря значительному уровню развития чумачества по всей Украине. Особенно широко оно было распространено в Полтавской и Харьковской губ., которые снабжали своими товарами южные губернии. Колесничество и стельмашество развивались преимущественно как городские формы ремесла, т. к. требовали определенной степени разделения труда в процессе производства, большого количества и высокого качества поделочного материала, мастерскую, комплекс особого инструментария, включающего токарный станок, кооперацию с кузнецами, нередко — употребления наемной рабочей силы. Все это требовало наличия первоначального капитала, налаженного сбыта и снабжения сырьем и т. д., что далеко не всегда было доступным сельскому кустарю. Очевидно в этих особенностях токарного дела на Украине следует искать причины ограниченности ассортимента токарной утвари, высокой степени стандартизации точеных изделий в определенных регионах, наличия среди токарных предметов большого количества нетрадиционных форм, ориентированных на городского потребителя, придания особого значения декоративной стороне точеных предметов. Наиболее ярко все это проявляется в Карпатах, где токарный промысел со II пол. XIX в. сочетался с резьбой, инкрустацией, выжиганием. Именно в такой сложной технике рабо-

тали знаменитые гуцульские мастера Ю. Шкрибляк, М. Мегденюк и др.

Столярная технология по набору инструментов и технологическим приемам существенно отличается от всего описанного выше, так как имеет специализированный столярный инструментарий и сложноструктурную продукцию, что выходит за рамки настоящего исследования.

* * *

Представляется, что все вышеизложенное позволяет заключить: утварь, будучи обслуживающим, периферийным придатком комплекса питания и жилищно-поселенческого комплекса — важнейших составляющих культуры жизнеобеспечения, может быть рассмотрена как целостное, самостоятельное явление традиционной культуры. Это обосновывается тем, что она обладает высокой степенью специализации определенных предметных наборов утвари, их функциональной разграниченностью как на утилитарном, так и на символическом уровне, достаточно развитой сферой культуры первичного производства, в которой создается утварь, в частности, деревянная.

Функции утвари являются главным критерием для выделения комплексов утвари — домашнего и дорожного, внутри которых различаются компоненты комплекса, характеризующиеся функциональной связью определенного набора предметов в рамках домашнего хозяйства (Фишман 1986б, С. 128). Границы этих подкомплексов в отдельных случаях легко переходимы на уровне отдельных их компонентов, однако в рамках каждого хозяйства специфика проявляется достаточно строго, полифункциональность носит в основном односторонний характер и проявляется скорее на типологическом уровне.

Внутри домашнего комплекса деревянной утвари украинцев выделяются следующие подкомплексы.

Подкомплекс для хранения и переработки зерна практически повсеместно на территории Украины состоит из предметов, часть которых относят обычно к сельскохозяйственным орудиям — ножные и ручные ступы, жернова, веялки, а часть непосредственно к утвари — решета, сита и подситки; долбленые, бондарные (“дижки”, бочки, “кадубы”, “гелеты” и др.), сделанные столярным способом (“засеки”, “сусики”), лубяные и плетеные из лозы, корня и соломы (верзуни) емкости для хранения зерна и муки. Сюда же относятся различные приспособления для выбирания и измерения зерна и муки — ковши, совки, “мерки”, “гарнци” и др.

Центральным компонентом подкомплекса для приготовления хлеба и мучных изделий является “пикна дижа”, мутовка для разведения в ней теста — “копыстка”, емкости для замешивания

теста и формирования теста перед его печением — ночвы (“нецьки”), в Прикарпатье и на западе Подолии — конусовидные *солом’яні кошики*. Сажали хлеб в печь с помощью хлебной лопаты. Горные украинцы в связи со спецификой своего хозяйства, ориентированного в большей степени на скотоводство и промыслы, не имели достаточно муки для приготовления кислого теста и пекли преимущественно пресный хлеб, замешиваемый только в “нецьках” и далее формующий в “тяльках” (“ополачках”). В “нецьках” же повсеместно на Украине замешивали тесто для вареников, лапши и т. д. Раскатывали тесто скалкой на столе или на крышке большого сундука — “скрыни”, а также на “стильнице”.

Подкомплекс для переработки и хранения молока и молочных продуктов на Украине сильно варьировал в связи с различной ролью скотоводства у разных групп украинцев. Он состоял как из глиняной, так и из деревянной посуды. К последней относятся долбленые и бондарные подойники — “дийньци” и “скипци”, бондарные емкости для хранения творога — “дижки” и “гелетки”, примитивные прессы для его отжима — праски и лещата, а также долбленые, точеные и бондарные маслобойки (“маснички”, “боденьки”). Особенно богат деревянными предметами данный подкомплекс у гуцулов, полонинное хозяйство которых, как уже неоднократно упоминалось, было во многом ориентировано на обработку молока. Наряду с уже названными предметами у гуцулов в него входили специальные кадушечки для приготовления закваски *глегівки*, крупные бондарные емкости для заквашивания молока — *тонаги*, *путари*, *путини*, черпаки для молока и сметаны — “спыланки” и др.

Подкомплекс утвари для приготовления пищи в печи и на огне состоял преимущественно из глиняной и металлической посуды. Деревянные детали, относящиеся к разделу предметов из естественных форм дерева, были только у “рогачей”, “чаплий” и “коцюб” (последние, как уже упоминалось, на западе Подолии были полностью сделаны из дерева). Этот подкомплекс является устойчивым и универсальным для всей территории Украины.

Подкомплекс для употребления пищи очень обширен и включает в себя в основном глиняные изделия — разнообразные миски. Из деревянной посуды к нему относятся долбленые и точеные миски для еды, более крупные миски и блюда для подачи кушаний на стол — “коровайньци”, “стябла”; резные и точеные ложки и поварежки. Сюда же примыкают настольные солонки разных форм, посуда для приправ и специй, в первую очередь точеные “пушки”.

К подкомплексу для механической обработки пищи во время ее приготовления относятся всевозможные мешалки, мутовки для размешивания и взбивания пищи, поварежки, песты и ступки, емкости для растирания и толчения картошки, мака, других семян,

употребляемых в пищу, лука, чеснока, сала и т. д. — “ковганки”, “салатовки”. Универсальным почти для всей Украины компонентом этого подкомплекса является пест — “макогин”, используемый вместе с глиняной макитрою. Для отделения твердого компонента блюда от жидкого употреблялись деревянные и глиняные *друшляки, цідильники*, а для резания продуктов — дощечки (“стильнички”). В целом формы и названия этих приспособлений в значительной степени варьируют, т. к. связаны нередко с приготовлением определенных местных блюд (например, кулешір для размишивания кулеши).

В подкомплекс для сбора и хранения корнеплодов, фруктов и овощей входили в основном кошики из лозы обоих выделенных типов, а в Полесье помимо них еще и плетеные из щепы короба, гораздо реже — лубяные и берестяные емкости (*слоіки*).

Подкомплекс для квашения и засолки овощей, сала и мяса состоял в первую очередь из бондарной посуды — “дижек”, “гелеток”, бочек. В Прикарпатье и Подолии для хранения мяса использовали ящики — “паки”, а в Полесье бытовал плетеный из расщепленного на ленты луба сальник — эллипсообразный короб с откидной крышкой в его верхней половине. На Волыни для тех же целей использовали плетеные из рогоза плоские “кошели”, состоящие из двух половин, одна из которых надевалась на другую.

В подкомплекс для переноски и хранения воды и напитков входят бондарные ведра, переносимые с помощью коромысел, а также бытовавшие в основном на западе Украины бондарные же “коновки”. Для хранения воды и напитков служили двудонные бондарные емкости разных размеров — от огромных бочек до небольших “барылок”, “бербеньць” и “чверток”. Для переливания жидкостей использовали долбленные деревянные воронки — “лійкы”.

Подкомплекс для стирки, глажения и купания — один из наиболее специализированных. В него входили бондарные ушаты и лохани (“цебры”, “балии”), долбленные корыта для замачивания белья, вальки для стирки на реке (“прачи”, “праныкы”). Емкости для золения и кипячения белья, а также приспособления для глажения были разнообразны — на Левобережье и в среднем Поднепровье для этого служили долбленные “жлукта”, рубели и качалки, а в Подолии и западнее — бондарные “зольники”, “магильницы” и “макогины”.

Подкомплекс для приготовления корма и кормления скота состоял в основном из стационарных приспособлений. Однако нас интересует переносная утварь для этих целей — бондарные ушаты (“цебры”, “ряжки”), долбленные и сбитые из досок корыта, а также всевозможная вышедшая из употребления деревянная и глиняная посуда, в том числе распиленные пополам бочки — “узризы”.

Второй, **дорожный комплекс утвари** в силу высокой степени оседлости украинцев в условиях их земледельческого хозяйства, более компактен. К нему мы относим утварь, используемую не только в дальней дороге, но и для переноски на небольшие расстояния чего бы то ни было вне дома. Наиболее богат этот комплекс у гуцулов, практиковавших отгонное скотоводство, образ жизни которых связан с периодическими дальними переездами на полонины и обратно. В него входят: подкомплекс для переноски пищи и жидкости, состоящий из дорожных вариантов “барылок”, “бербеиц” и “чверток”, а также “двийнят” и “коновок”; подкомплекс для сбора грибов и ягод, включающий в себя различные варианты плетеных корзинок, приспособленных для переноски в одной руке, “кошели”, крепящиеся к поясу и переносные, кое-где в Полесье — берестяные туеса и лукошки; и, наконец, подкомплекс для переноски тяжестей, который состоял из больших плетеных из лозы лент луба корзин, кошелок, матерчатых торб (Павлович 1992, Табл. I—II), а в более поздний период (достоверно — со времен I-й мировой войны) фанерных сундучков — *куфров*. В Полесье этот подкомплекс дополнялся плетеными из щепы прямоугольными коробками на ремне, которые носили за спиной.

Нельзя не упомянуть о том, что существовала и специальная обрядовая утварь, но в основном она была гончарной, т. к. “престиж” глиняной посуды был в большинстве случаев более высок. Из деревянной утвари к чисто обрядовой можно отнести по сути лишь гуцульские бондарные “паскивыники”, а также свадебные блюда для каравая и даров — “коровайныци” и “повныци”.

¹ Перечисленная группа деревянных изделий (лопаты, вальки и, особенно — рубели) встречается и в технике тесового изготовления, что можно расценивать как наиболее раннюю технологию. Так, по авторским наблюдениям, в с. Чернотичи Сосницкого района Черниговской обл. (ПМА, 1996) рубели из наиболее подходящих крупных поленьев вытесывались при помощи одного только топора. Сюда к местному древоделу Федоритенко Степану Савичу съезжались заказчики из лес соседних районов (Менского), некогда входивших в один Сосницкий уезд. По словам самого мастера, даже после Великой Отечественной войны (а до войны — в каждом) во многих селах имелись мастера, тесавшие самые разнообразные деревянные изделия. Отметим, что по словам селян, приходской Дмитровский храм в Чернотичах «срублен без единого гвоздя лет 200-ти тому с «гаком».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объективные данные о характере функционирования обрабатывающих отраслей производства на Украине свидетельствуют, что промыслы невозможно рассматривать в этом регионе в отрыве от всей структуры крестьянского хозяйства, тем более, что большинство городов Украины не было центрами капиталистического производства.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о формах функционирования деревообрабатывающих промыслов по производству утвари в различных регионах Украины.

1. **Черниговская губерния.** Сельское хозяйство, будучи само по себе менее доходным, вследствие относительно низкой его трудоемкости оставляло крестьянину возможность переливать свой труд в доступные в этом регионе промыслы, среди которых важную роль играло древоделение. С другой стороны, низкие урожаи делали хлеб на севере губернии малотоварным продуктом, который в основном удовлетворял личные потребности семьи. Это определило здесь малоденежность крестьянского хозяйства. Максимум собственных потребностей крестьянин пытался удовлетворить собственными силами. Изготовление деревянной утвари, в частности, редко выходило из рамок домашнего производства и она в большинстве случаев выходила лишь на узкий внутренний рынок. Для региона характерно преобладание старых долблено-резной и бондарной технологий, древняя славянская терминология и инструментарий. Из новаций здесь отмечено широко, но неравномерно распространившееся в поздний период лозоплетение — промысел, связанный с деятельностью земств по устройству здесь мастерских.

2. **Киевская губерния.** Высокая урожайность, наличие излишков хлеба обеспечили здесь относительно высокую покупательную способность крестьянского населения. Лесной промысел носил здесь по преимуществу характер капиталистического производства. Значительное развитие промышленности относительно других украинских губерний обеспечило наличие здесь особого класса ремесленников, состоящих при предприятиях — токарей, столяров, бондарей и др. Однако на таких работах были часто заняты и отходники. Ассортимент изготавливаемой продукции таких предприятий в основном был сориентирован на промышленные цели,

поэтому на формы деревянной сельской утвари это не оказывало прямого влияния.

В целом в Киевской губ. наблюдалось разнообразие форм древодельного ремесленного производства, за счет капиталистических предприятий, втягивающих местного безземельного крестьянина — кустаря в наемный труд. На Киевщине продолжали функционировать и кустарные древодельные промыслы, носящие архаичный семейный характер. Но древоделие практически вышло из рамок домашнего производства, несмотря на сохранение здесь значительной доли крестьянского землевладения. Перекресток коммуникационных и транспортных линий, в отличие от условий расположения Черниговской губ., способствовал приобретению деревянными изделиями статуса товара.

3. В **Волынской губ.**, также как и в Киевской губ. в к. XIX—н. XX вв. преобладало частное лесовладение и, потому, большую роль в разработке лесных богатств играло капиталистическое предпринимательство, привлекающее местных крестьян на наемную работу по заготовке, сплаву и частичной обработке леса. Определенный доход лесопромышленники имели и за счет привлечения местных кустарей для производства деревянной утвари. В целом в условиях малой эффективности сельского хозяйства кустарные промыслы занимали важное место в жизни волынского крестьянина.

4. Материал всего **Украинского Полесья**, наиболее богатой древесным сырьем, позволяет сделать следующие выводы. Наиболее развитой отраслью, связанной с деревообработкой, являлась здесь в XIX—н. XX вв. лесная промышленность, с капиталистическими формами организации труда: заготовка и первичная обработка древесины для последующего сплава или вывоза в более южные безлесные районы Украины, а также за границу (в первую очередь в Австро-Венгрию). Наемной рабочей силой на лесозаготовительных предприятиях выступали местные крестьяне, сезонно или поденно занятые на лесоразработках. Кустарные древодельные промыслы занимали значительное место в структуре занятий полесского крестьянства, будучи дополнением к их сельскохозяйственной деятельности. Они разделялись на бондарную, столярную, токарную, корзиноплетение и др., — продукция которых шла не только на местный рынок, но и в другие губернии. Организация этих промыслов носила самый примитивный характер за исключением тех случаев, когда кустари работали на скупщика или в созданных крупными предпринимателями мастерских. Наряду с кустарным здесь продолжало сохраняться домашнее производство деревянных изделий, в частности, утвари, удовлетворявшей потребности крестьянской семьи. В рамках домашнего производства изготавливалась преимущественно долблено-резная утварь, а также плетеные изделия, в меньшей степени — бондар-

ная посуда. Такое разнообразие форм организации и разнообразия технологий деревообделочных ремесел обусловило широкий ассортимент полесской деревянной утвари.

5. **Полтавская губерния.** Пограничные зоны природно-географических регионов, характер которых связан с наличием или отсутствием определенных сырьевых ресурсов, обычно становятся центрами притяжения промыслов, базирующихся на употреблении того или иного вида природного сырья, в частности, дерева. Здесь, вблизи районов повышенного спроса на изделия этих промыслов с одной стороны, и в зоне наличия доступного и недорогого сырья с другой, как правило наблюдается концентрация рыночных центров, фиксируется повышенное количество кустарей, работающих на широкий рынок, имеющих мастерские, наемных рабочих, ту или иную степень кооперированности в сфере снабжения и сбыта. Ярким примером такой “переходной зоны” от лесных территорий к степи является территория Полтавской губернии, где помимо названных внешних факторов концентрации промыслов сказывался еще и комплекс внутренних, о которых уже говорилось. Это подтверждает тот факт, что в структуре крестьянского хозяйства к. XIX—н. XX вв. кустарные промыслы играли компенсаторную роль. Особое значение для всей губернии имел Кременчугский уезд, являвшийся центром сбыта товаров Полтавщины, с одной стороны, и источником поступления древесного сырья — с другой. Одним из важнейших занятий местных крестьян было участие в разгрузке, распиле и перевозке леса по всей Полтавщине. С другой стороны, в Кременчуг стекалось огромное количество деревянных изделий, предназначенных для сбыта далее вниз по Днепру, в Новороссийский край.

6. Территория **Харьковской губернии** в рассматриваемый период изначально не имела мощных лесных массивов, что и определило отсутствие здесь традиции в навыках деревообработки. Большинство ремесленников, которые производили здесь деревянные изделия, были или отходниками из русских губерний, или потомками переселенцев из Черниговской, Полтавской и других губерний. Однако сложность процессов формирования хозяйственной структуры края сказалась на том, что кустарные промыслы даже в условиях аграрного перенаселения не могли вобрать в себя все свободные рабочие руки. Поэтому, как и все черноземные степные части Украины, Харьковщина была источником массового отходничества на сельскохозяйственные работы с одной стороны, и аккумулятором прихода сюда отходников-ремесленников из других губерний, с другой. Необходимость в притоке сюда ремесленных изделий и сбыта сельскохозяйственной продукции вызвало здесь значительное развитие чумачества, возникновение большого количества ярмарок и торговых центров. Привлекая значительное количество рабочих рук, экстенсивное капиталистическое земледелие

вызвало преобладание здесь промышленной организации тех отраслей, которые в других частях Украины функционировали в рамках кустарных промыслов. Это в свою очередь обусловило высоко специализированную товарную форму ремесла, сконцентрированного преимущественно не в селах, а в городах.

7. Аналогичная ситуация в деревообделочных промыслах наблюдалась и в остальных степных черноземных губерниях Украины — **Екатеринославской, Херсонской и Таврической**. Здесь ремесло по преимуществу носило городской характер и было ориентировано на городского потребителя, деревянные изделия в основном завозились или производились пришлыми ремесленниками. Значительная часть ремесленных изделий вырабатывалась немецкими колонистами, что ставило в сложные конкурентные условия украинских ремесленников-кустарей, которые вынуждены были отрываться от земледелия, ориентируясь в основном на ремесленные заработки. Статус сельского ремесленника в селах этих губерний, в отличие от северной Украины, был очень высок — ремесло считалось выгодным, престижным занятием, освобождавшим от необходимости поденной сельскохозяйственной работы у помещиков, придававшим хозяйству стабильность и устойчивость.

При значительном завозе как лесных материалов, так и заготовок для деревообделки, а также готовых изделий, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии во многом удовлетворяли потребности в деревянных изделиях собственными силами, однако кустарные промыслы в этом отношении играли далеко не первую роль. В их сфере функционировала лишь небольшая доля бондарного производства и основная часть корзиноплетения, которое в силу высокой потребности в таре для фруктов и других сельскохозяйственных продуктов и в условиях обилия сырья, получило здесь широкое распространение. В основном же продукцию деревообрабатывающих ремесел здесь производили отделившиеся от земледелия ремесленники, входившие в производство капиталистического типа. Домашнее производство деревянных изделий практически отсутствовало.

Все эти факторы обусловили преобладание здесь высокотехнологичных древодельных производств, в первую очередь токарного и бондарного, а также лозоплетения.

8. **Подольская губерния**. Так же, как и в полесских районах, местные лесовладельцы не только продавали лес натурой, но и занимались производством деревянной утвари, в основном бондарных изделий и заготовкой клепки, а также практиковали лесохимические промыслы. Организация их носила в к. XIX—н. XX вв. капиталистический характер. Равномерность распределения промыслов свидетельствовала о том, что несмотря на среднюю обеспеченность лесом, в Подолии существовали давние традиции в этой отрасли, которые восходили своими корнями к домашней

промышленности. Как и Полтавская, Подольская губ. лишилась значительной части лесов в результате нерегулируемой их эксплуатации в период XVIII—XIX вв., однако сохранение культуры первичного производства деревянных изделий позволило и в нач. XX в. обеспечивать нужды региона в деревянных изделиях, в частности, в утвари, трудом местных кустарей. Здесь были развиты практически все известные на Украине виды деревообработки — бондарство, долблено-резная технология, техника гнутья из луба, плетение из растительного сырья, что и определило существование в Подолии широкого набора типов деревянной утвари, производившихся несколькими специализированными отраслями: доля домашней промышленности была очень невелика.

9. Карпаты и Прикарпатье. Наблюдается существование двух больших групп деревянных изделий. С одной стороны, традиционная утварь с широким набором типов для обслуживания нужд как домашнего, так и местного полонинного хозяйства. С другой стороны, развито производство богато декорированных деревянных изделий — точеных, инкрустированных, украшенных резьбой и выжиганием, ставших сувенирной продукцией. В целом, в Карпатах и Прикарпатье деревообрабатывающие промыслы занимали важное место как субъекты и домашней промышленности, и кустарных промыслов. Особенно важную роль с развитием капиталистического рынка приобрело здесь бондарное дело, которое не только снабжало утварью местных жителей, но стало и отраслью, обслуживающей многочисленные существующие здесь капиталистические предприятия, при большинстве которых функционировали собственные бондарные мастерские. Наряду с производством утвари в хозяйстве всех трех групп горных украинцев большую роль играли лесные промыслы — рубка леса, заготовка пиломатериалов, гонта, клепки, лесохимические промыслы, а также сплав по Пруту и другим горным рекам леса и лесоматериалов в Западную Европу, в первую очередь в Австро-Венгрию, в меньшей степени — на территорию России. В эти занятия было традиционно вовлечено большинство мужского местного населения. Лесные промыслы стимулировали кустарное производство к выпуску продукции на рынок (сувенирное производство).

Рассмотрение перечисленных регионов позволяет выделить **четыре** перекрывающих друг друга ареала в распространении видов деревообработки на Украине.

Первый — это Полесье, где преобладала долблено-резная и низкотехнологичная бондарная утварь, изготавливаемая в рамках домашнего производства и кустарных промыслов, не носивших в большинстве случаев специализированного характера.

Вторым ареалом является Карпатский регион, где изготовление деревянной утвари выступало в двух формах, с одной стороны, специализированного высоко развитого, ориентированного на

широкий рынок кустарного производства, а с другой — промысла, обслуживавшего нужды местного домашнего и полонинного хозяйства в процессе переработки молока. Традиции в технологии, в частности, бондарного производства, сложившиеся здесь еще в цеховой период развития деревообрабатывающих ремесел, обусловили высокий уровень исполнения изделий: использование специализированного бондарного инструментария, наличие системы стандартов форм и объемов сосудов, сложных технологических приемов обработки. К последним в первую очередь относится изгиб клепок с помощью термической обработки. В отличие от Полесья, в Карпатах фиксируется наличие не только самодельного бондарного инструментария, преобладавшего на всей территории Украины, но и заводских его образцов. Более разнообразен и набор поделочных пород дерева. Отчасти к Карпатскому ареалу примыкает и Подолия, в свое время охваченная цеховым устройством бондарного дела, однако здесь преобладающими были кустарные промыслы с редкими вкраплениями специализированного ремесла.

Третьим ареалом можно считать Юг Украины, где в силу высокой специализации сельского хозяйства и значительной степени его товарности функционировали специализированные ремесленники, обслуживающие нужды местных обрабатывающих отраслей промышленности, винокурение и сахароварение в первую очередь и представлявших собой в значительной мере капиталистически организованных производителей. Бондарное, токарное, колесное и др. производства концентрировались в мастерских, где наряду с хозяином работали члены его семьи, а также наемные работники и ученики. Это позволяло поставить на поток производство определенных видов изделий, привело к их стандартизации и ограничению круга изготавливаемых емкостей наиболее товарными. Домашнее производство здесь почти не практиковалось, причем не только в бондарном деле, но и в целом в деревообделочных отраслях. Это объясняется отчасти отсутствием соответствующих производственных навыков у местных крестьян, отчасти необходимостью обязательного наличия первоначального капитала для закупки сырья. Таким образом, в условиях отсутствия леса наблюдается преобладание самых высокотехнологичных производств и самых сложных типов изготавливаемых изделий.

И, наконец, в **четвертый** ареал распространения деревянной утвари входят Среднее Поднепровье (восточная Подолия, южные части Киевской и Черниговской, Полтавская губ.) и Слобожанщина (Харьковская губ.). Он характеризуется как типологическим разнообразием бытующей здесь утвари, так и разнообразием форм ее производства, которые варьируют от низших разновидностей домашней промышленности до кустарных производств мауфактурного типа с преобладанием средних ступеней между эти-

ми крайними точками. Следует отметить, что выделенные ареалы пересекаются и в пограничных зонах в значительной мере накладываются друг на друга, поэтому приходится признать относительность их границ.

Необходимо подчеркнуть, что помимо указанных общих природно-культурных, хозяйственных и этнографических факторов, на зональность распространения деревянной утвари украинцев оказывали влияние не только количественные, но и качественные характеристики древесного сырья. Ввиду динамичности структуры древесных пород, замещающих одна другую в процессе становления природного баланса леса (Богомазова, Шевченко: 1997, С. 110—111), выявляемая картина соответствует исследуемому времени на рубеже XIX—XX вв. Северная часть Украины представляет собой зону смешанных дубово-сосново-грабовых лесов, в местах с песчаными почвами перемежающихся хвойными лесами. Для расположенной южнее зоны лесостепи характерны лиственные леса с преобладанием липы, дуба, ясеня, клена. Сосна здесь растет на песчаных террасах речных долин. Склоны же Карпат до высоты 500—600 м покрыты широколиственными лесами из дуба, граба и клена, выше — леса из бука, ели, пихты, еще выше — еловые и сосновые леса. Всюду на территории Украины имеются перелески молодого леса, состоящие из мелколиственных пород. Таким образом, разнообразие сырья в северной полесской (особенно, Волинь) и на территории горной части Украины не могло не сказаться на вариациях бытующих здесь форм деревообрабатывающего производства и разнообразии типов бытующей утвари.

ПОДВЕДЕМ НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

1. Несмотря на отмечаемое многими исследователями сходство категорий деревянной утвари на территории Восточной, а частично — Западной и Южной Европы, процесс типогенеза деревянной утвари связан со множеством факторов, и в первую очередь — с природно-географическими. В этом смысле показательны даже категории деревянной утвари, различаемые по характеру древесного сырья, что проявляется, в частности, в различном функциональном использовании бондарных изделий, изготавливаемых либо из ели, либо из дуба. Они не являются взаимозаменяемыми в процессе их использования в домашнем хозяйстве. Таким образом, ареальное распространение древесных пород, зависимое от зональных природно-географических условий, влияет на функциональный набор деревянной утвари.

2. Сходство типов утвари, определяемых по самой форме изделий из дерева, в значительной мере определено характером *всеобщего распространения приемов* деревообработки, связанных с *однородностью инструментария*, который известен на всей рассматри-

ваемой территории со времен перехода к высокому средне-всковью.

3. Отмечаемая схожесть типов (форм) деревянной утвари на широких пространствах вне зависимости от природно-географической зональности связана с эволюцией домашнего ремесла и превращением его в течение достаточно длительного времени в ремесло на заказ и ремесло на рынок. Их появление в условиях «сомкнувшихся торговых путей» на исходе раннего средневековья в Восточной Европе в X в. способствовало сложению однородного комплекса производственных навыков и инструментария на широкой территории.

4. Типы деревянной утвари, наблюдаемые в различных историко-этнографических областях, являются проявлением локальной этнографической специфики. Их типогенез может объясняться бытованием традиционных для данной местности предметов и связанной с ними утвари. Так, тип ухвата должен был соответствовать типу сосуда, и т. п. — т. е. они достаточно жестко включены в рамки местных функциональных комплексов и подкомплексов утвари.

5. Наряду с типами утвари более дробные типологические таксоны — подтипы и варианты, выделяющиеся не только на основании форм изделий, но и их названий, как правило, также обусловлены локальной этнографической спецификой.

Картографирование типов деревянной утвари и изучение корреляционных зависимостей и дисперсных характеристик картографированных признаков является перспективным путем дальнейшего исследования. Анализ процесса формообразования деревянной утвари на Украине следует вести именно по последнему направлению, что позволит более детально рассмотреть символические, внеутилитарные функции утвари и проследить механизмы ее соотношения с более широким спектром культурных явлений, выходящих за пределы сферы жизнеобеспечения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Полевые материалы автора (ПМА)

- Архив МАЭ. Бетехтина Т. Г. 1989. К I, оп. 2. № 1638. 54 л.
Архив МАЭ. Бетехтина Т. Г. 1989. К I, оп. 2. № 1639. 51 л.
Архив МАЭ. Бетехтина Т. Г. 1989. К I, оп. 2. № 1640. 6 л.
Архив МАЭ. Бетехтина Т. Г. 1990. К I, оп. 2. № 1677. 95 л.
Архив МАЭ. Бетехтина Т. Г. 1990. К I, оп. 2. № 1678. 1 л.

2. Архивные материалы

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/70, 123—153 арк. — “Калатало”. 1927. Рукописные фонды Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Рылского АН Украины (далее — РФИИФЭ).

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/79, 133 арк. — Про гуральництво.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/81, i—38 арк. — Етнографічний нарис. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/83, 55—69 арк. — Волинь (розвідка). РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/85, 85 арк. — Вода. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/96, 57—81 арк. — Волинь. Науко вий нарис. 1921. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/99 — Ф 15—2/101. — Програма по збиранню матеріалів з етнографії. 1921—1923. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/114 — Програма по збиранню матеріалів про господарчу діяльність: рибальство, мисливство, скотарство, гончарство, косовицю, садівництво, городництво, хмлярство, бджільництво. 1926—1930. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/115, 97 арк. — Прани — програми по вивченню промисловості. 1926—1933. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/116, 98—138 арк. — Програма — детальний опис селянського господарства. 1926. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/136, 23 арк. — Ключі до записів В. Кравченка. РФИИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/122 — Програма по збиранню матеріалів про господарську діяльність: кушнірство, млинарство,

чумацтво, вогонь, народне харчування й пиття, килимарство. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—2/137а, 36 арк. — Лекції з етнографії В. Кравченка. 1921—1924. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/142, 76 арк. — Етнографічні матеріали різних збирачів. 1909—1923. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/145а, 23 арк. — Екскурсія студентів, Житомирських курсантів в отношении исследования по гончарному производству, г. Троянов Житомирской обл. 1924. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/145в, 92—106 арк. — Культ діжі, святкування, весільні обряди, різні вірування, замовляння. Записав Ф. Петрик у Житомирському округі. 1925—1926. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/146, 107 арк. — Етнографические материалы: обследование с. Станішівки учителями Житомирской обл. 1925. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/150 — Етнографические материалы разных собирателей: рождение и воспитание ребенка, найм пастуха, изготовление кошелей, обряды, скотоводство, народные верования, этнографические исторические ведомости с. Кошна Черняховского р-на Волынской обл., “коровай” и др. 1928. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/152б, 7—50 арк. — Етнографическое описание с. Рижани Володарского р-на Житомирской обл. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/156э, 125—151 арк. — Замовляння, народні вірування, родинний побут, повір'я та способи спостереження, культ діжі. 1925. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/232, 84—90 арк. — Куманец. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/24, 12 арк. — Матеріали до складання етнографічної карти Днепропетровщини. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/147, 166 арк. — Обследование г. Коростеня и с. Искорости учителями Коростеньской округи. 1925. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/148, 141 арк. — Обследование с. Денешів учителями Житомирской обл. 1925—1926. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/149, 41 арк. — Обследование предместий Житомира. Етнографическое описание 1927 г. РФІИФЭ.

Фонд В. Г. Кравченко. Ф 15—3/262 — 263, 919 и 873 арк. — Етнографические и фольклорные материалы разных собирателей: хозяйственная деятельность, народная одежда, жилище, народные знания, обряды. РФІИФЭ.

Дученко І. Ф 15—3/222. Народний одяг, немовля, про криниці, обряди. Записала Дученко І. в с. Дідковичі на Волині у 1931—1932 рр. 147—167 арк. РФІИФЭ.

Кучерук П. Ф 15—3/211е. Землеробство, бджільництво с. Казьонна Слобідка Коростинівського р-ну на Волині 1926—1927 рр. 96—123 арк. РФІИФЭ.

Фонд Щербаковского. Ф—9, N 97—99, 103 — фотографії. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. В—257, В—258. Л. 7—18. Алешо О. Г. Етнографічні нотатки та зарисовки. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. Ф—А, В/38—47. Алешо О. Г. Письма к Вовку Ф. К. 1910. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. Ф—А, В/229. Бондарство. Козелецкий уезд Черниговской губ. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. Ф—А, В/231. Обработка дерева, железа, чугуна. 1896. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. Ф—А, В/215. Хаты Белоруссии, Литвы, Польши. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. Ф—А, В/217. Этнографические материалы из архива Городецкого музея. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. Ф—А, В/243. Архів музея с. Цветоха Заславського у. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. N 202/2. Всеукраинская Академия наук. Богуславский музей про работу Просвительского музея. НАИА.

Архів Ф. К. Вовка. N 202/17. Дяченко М. М. Гончарство с. Цвіткі на Шевченковщині. НАИА.

3. Монографії, статті, автореферати

Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках // Труды ИРГО. СПб. 1858. 383 С.

Александрович. Кустарные древодельные промыслы в Подольской губернии // Кустарные промыслы Подольской губернии. Киев. 1916.

Альмединген А. И. Кустарная промышленность в Екатеринославской губернии. // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XV. СПб. 1886. С. 59—88.

Андреев Е. Н. Кустарная промышленность в России. СПб. 1882.

Андреев Е. Обзор исследований кустарной промышленности в России // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. IV. СПб. 1880.

Андріанов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. N 2. С. 3—16.

Антонович В. В. О промышленности Ю.-З. края в XVIII в. // Записки Ю.-З. отделения ИРГО. Т. I. К. 1874. С. 179—193.

- Антонович Е. А., Захарчук-Чугай Р. В., Станкевич М. Е.* Декоративно-прикладно мистецтво. Львів: Світ. 1992. 272 С.
- Арандаренко Н.* Записки о Полтавской губ. Ч. III. Полтава. 1852.
- Аргаммаков А. А.* Облесение песков в связи с расширением корзиночного промысла в Черниговской губернии. // Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в СПб. 1910. Т. II. Ч. 1. С. 307—316.
- Арнольд Ф. К.* Кустарная промышленность Херсонской губернии и древодельные промыслы в северо-востоке России. Исследования 1889—1892 гг. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Исследования 1888—1889 гг. СПб. 1892. Т. I. С. 145—165.
- Артюх Л. Ф.* Народне харчування українців та росіян північно-східних районів в Україні. К. 1982. 112 С.
- Артюх Л. Ф.* Пища и питание украинских крестьян к. XIX—XX вв. (этнографическая характеристика). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Минск. 1981. 25 С.
- Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія. К. 1977. 155 С.
- Артюх Л. Ф., Космина Т. В.* Опыт сравнительного ареального изучения отдельных видов материальной культуры украинцев к. XIX—н. XX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л. 1983. С. 173—181.
- Артюх Л. Ф., Космина Т. В.* Этническое своеобразие символики элементов материальной культуры украинцев в славянском контексте // Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Доповіді X міжнародного з'їзду славістів. К. 1988. С. 228—237.
- Арциховский А. В.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. 1939.
- Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 200—230.
- Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 19—34.
- Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. Грамота N 50. М., 1954.
- Археологія Української РСР. К. Т. I—III. 1971—1975.
- Афанасьев А. Н.* Дерево жизни. М., 1983.
- Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. М., 1994.
- Афанасьев-Чужбинский А.* Быт малорусского крестьянина // Вестник ИРГО. XIII. 1855.
- Афанасьев-Чужбинский А.* Общий взгляд на быт приднепровского крестьянина // Морской сборник. 1856. N 10.

- Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию. СПб. Ч. I. Очерки Днепра. 1861. Ч. II. Очерки Днестра. 1863.
- Бабанская Г. Г.* Изучение и описание музейных предметов из дерева // Изучение и описание памятников материальной культуры. М., 1972. С. 200—234.
- Бабенко В. А.* Из этнографических наблюдений в Екатеринославской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 16. Харьков. С. 337—348.
- Бабенко В. А.* Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края. Екатеринослав. 1905. 144 С.
- Багaley Д. И.* Магдебургское право в городах Левобережной Малороссии // Труды X археологического съезда в Риге. Т. I. М., 1899.
- Багaley Д. И.* Очерки из истории России. Т. II — Краткий исторический очерк торговли (преимущественно ярмарочной) в Слободской Украине в XVII и XVIII вв. Харьков. 1911. 5074 С.
- Багaley Д. И.* Історія України // Збірник історико-філологічного відділу Української академії наук. К. N 72. 1928.
- Багaley Д. И.* Краткий исторический очерк торговли (преимущественно ярмарочной) в Слободской Украине в XVII и XVIII вв. // Багaley Д. И. Очерки из русской истории. Т. II. С. 50—74.
- Багaley Д. И.* Очерки по истории колонизации степей окраины Московского государства. М., 1887.
- Багaley Д. И.* Історія Слобідської України. Харьков. 1918. 308 С.
- Базилевич Г.* Местечко Александровка Черниговской губернии Сосницкого уезда // Этнографический сборник. Вып. 1. СПб. 1853. С. 313—336.
- Байбуриh А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Байбуриh А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб. 1993.
- Байбуриh А. К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ. 1981. Т. 37. С. 215—226.
- Байрак Я. М., Иванова И. Д., Матола Д. Е.* Музей леса и сплава. Путеводитель. Ужгород: Карпати. 1983. — 32 С.
- Балух І. Й.* Дерев'яне будівництво та інтер'єр західних областей України // Львівський державний інститут прикладного та декоративного мистецтва. X наукова конференція, присвячена підсумкам науково-дослідних методів та творчої роботи кафедри за 1968 р. Львів. 1969. С. 116—119.
- Балушок В. Г.* Годовой цикл обрядности украинских городских ремесленников эпохи феодализма // СЭ. 1990. N 4. С. 54—75.
- Балушок В. Г.* Обряды и обычаи цеховых ремесленников в Каменец-Подольском XVI—XVII вв. // Проблемы этнографии Поділля. Тези доповідей наукової конференції. Кам'янець-Подільський. 1986. С. 139—141.

Балушок В. Г. Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI—сер. XVII вв.) // СЭ. 1987. N 2. С. 41—55.

Балушок В. Г. Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. К. 1993. — 120 с.

Балушок В. Г. Цехові організації на Поділлі // Поділля. Історико-етнографічне дослідження. К.: Доля. 1994. С. 125—137.

Балушок В. Г. Характерні риси трудової обрядовості українських цехових ремісників // НТЕ. 1984. N 5. С. 70—73.

Бардина Р. Б. Изделия народных художественных промыслов и сувениры. М., 1990. — 300 С.

Бахрушин С. Б. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII вв. Научные труды. I. М., 1952. 260 С.

Бахтеяров В. Д. и др. Справочник по деревообработке. М., 1975.

Баценко К. С. Назви деяких видів посуду в західноподільських говірках // Тези доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції. Жовтень. 1965. Хмельницький. 1965. С. 121—122.

Баценко К. С. Про деякі терміни обробки дерева в говорах Хмельниччини // Матеріали II Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львов. 1968. С. 215—218.

Бача Ю. Специфіка народної культури Прящівщини // НТЕ. 1993. N 2. С. 40—43.

Безжович О. С. Попередні наслідки вивчення матеріалів етнографічного відрядження 1953 р. в Західні області України // Українська етнографія. Наукові записки. 1958. С. 59—68.

Бельговский К. П. Русский народ в Карпатах. Лемки. К. 1915. 15 С.

Белявский М. Г. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965.

Бенеке. Хозяйственные очерки Могилевской, Минской и Волынской губерний // Журнал Министерства государственных имуществ. 1845. N 17.

Бенни К. Современное состояние кустарной промышленности в Царстве Польском // Кустарная промышленность в России. Разные промыслы. Т. II. СПб. 1913. С. 433—469.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX вв. Л., 1988.

Бернштам Т. А. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры (теория и практика этнографических исследований). К. 1993. 184 С.

Бернштам Т. А. Урочище Чупрово (природно-культурный памятник в Пинежском районе) // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. Л., 1992. С. 165—194.

Беседовский И. Очерк промышленности и промыслов Харьковской губернии с указанием на вызвавшие их исторические события и условия почвенные и климатические // Труды Харьковской губернской статистической комиссии. Вып. 1. Харьков. 1872. С. 121—158.

Бетехтина Т. Г. Деревянная утварь украинцев Карпатского региона (по материалам экспедиции 1987 г.) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985—1987 гг. Л. 1989. С. 39—40.

Бетехтина Т. Г. Деревообрабатывающие ремесла на Украине. Предмет и термин // Етнографічна спадщина і національне відродження. Тези доповідей та повідомлень міжнародної наукової конференції. Київ. 1992. С. 102—104.

Бетехтина Т. Г. Деревянная хозяйственная утварь украинцев Подолии // Материалы полевых этнографических исследований 1988—1989 гг. Санкт-Петербург. 1992. С. 140—151.

Бетехтіна Т. Г. Бондарний посуд жителів Українських Карпат (кін. ХІХ—поч. ХХ ст.) // НТЕ. 1991. № 4. С. 13—20.

Бетехтіна Т. Г. Господарське начиння // Українська минувщина. Ілюстрований етнографічний довідник. К.: Либідь. С. 71—78.

Бетехтіна Т. Г. К вопросу об определении понятия “кустарные промыслы” // Этнос и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса. М.: Восточная литература. 1993. С. 321—328.

Бетехтіна Т. Г. Украинская утварь в коллекциях МАЭ // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сб. МАЭ. Т. XLV. 1992. С. 122—135.

Бетехтіна Т. Г. Про локальні особливості господарського начиння українців Поділля // Тези доповідей та повідомлень І-ї Тернопільської обласної наукової історико-краєзнавчої конференції. Част. III. Секція V. Етнографія, фольклор. Тернопіль. 1990. С. 30—31.

Білецький С. Т. Розвиток ремесла і промисловості у Львові в сер. ХVІІ в. // З історії західноукраїнських земель. К. 1957. Вып. II. С. 3—31.

Білецький С. Т. Соціальна структура населення Львова в сер. ХVІІ в. // Наукові записки Ужгородського університету. К. 1960. IV. С. 3—14.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки восточных славян. М. 1956. Труды Института этнографии. Т. 31. С. 3—454.

Бобринский Л. А. Народные русские деревянные изделия. Т. I—II. СПб. 1910—1914.

Богданович А. В. Сборник сведений о Полтавской губ. Полтава. 1877. 238 С.

Богомазова Т. Г. (Бетехтіна Т. Г.), Шевченко Ю. Ю. «Культуры речных долин» в эпоху великого переселения народов (на примере пограничья Верхнего и Среднего Поднепровья) // Природа и цивилизация: реки и культуры. СПб., 1997. С. 209—213.

Богомазова Т. Г. (Бетехтина Т. Г.) Украинская скриня как предмет женской субкультуры // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Памяти Т. В. Станюкович. Труды Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук. Вып. 49. СПб., 1998 (в печати).

Бодник А. А. Народная техника и терминология мукомольного народного промысла западной части Прикарпатья и Закарпатья-Бойковщины // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1973.

Богатырев П. Г. Проблемы изучения материальной и духовной культуры населения Карпат // СЭ. 1964. N 4. С. 126—135.

Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. К.: Основи. 1994.

Бойко І. Д. Промисли на Україні в XVI—I пол. XVII ст. // Український історичний журнал. N 1. 1962. С. 57—66.

Бойко І. Д. Селянство на Україні во 2 пол. XVI—I пол. XVII ст. К. 1963. 330 С.

Бойківщина. Історико-етнографічне дослідження. К. 1983. 304 С.

Бондарчик В. К. Полесье как ИЭО и проблемность ее границ // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель. 1985. Ч. 2. С. 77—79.

Боплан Г. Л. Опис України. К. 1990. Т. I. 255 С.

Боряк О. О. Матеріали з історії народознавства в Україні. Каталог етнографічних програм (друга половина XVIII—XX ст.). К.: Українознавство. К. 1994. 123 С.

Браим И. Н. Промысловые орудия и ремесленные изделия как памятники материальной культуры. Минск. 1976. 23 С.

Бромлей Ю. В., Грацианекая М. Я. Проблемы этнографического изучения карпатской общности населения Карпат // Карпатский сборник. М., 1976. С. 7—15.

Будзан А. Ф. До історії художньої обробки дерева на Україні (V ст. до н. е. — XII ст. н. е.) // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. К. 1961. Вып. VI. С. 58—66.

Будзан А. Ф. Народні художні промисли Бойківщини // Народні художні промисли України. К. 1979. С. 7—19.

Будзан А. Ф. Різьба по дереву в західних областях України (XIX—XX ст.) К. 1960.

Будзан А. Ф. Українські народні скрині // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. К. 1975. С. 112—117.

Букачевич Н. І. Чумацтво на Україні: Історико-етнографічні нариси. — Одеса. 1928.

Булкин Вас. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка // Культура средневековой Руси. Сборник статей в честь 70-летия М. К. Каргера. Л., 1974.

Буслаев Ф. Памятники древнерусской литературы и народной словесности. М., 1881.

Бутнік-Сіверський Б. С. Будинки київських цеховиків I пол. XIX ст. // Українська етнографія. Наукові записки. 1958.

Бутнік-Сіверський Б. С. Українське народне мистецтво. К. 1966.

Быт малорусского крестьянина, преимущественно Полтавской губернии // Этнографический сборник ИРГО. Вып. III. 1858. С. 19—46.

В. Щ. Пища и питье крестьян-малороссов // Этнографическое обозрение. СПб.-М., 1899. № 1—2. С. 266—322.

Вагилевич І. Бойки, русько-слов'янський люд в Галичині // Жовтень. 1978. № 12. С. 117—131.

Вагилевич І. Гуцулы, карпатские горцы // Сын Отечества. 1842. Кн. 3. С. 3—31.

Вагилевич І. Гуцулы, обитатели восточной отрасли карпатских гор // Пантеон. СПб. 1855. Т. II. С. 17—56.

Вайнхольд Р., Рабинович М. Г. Ремесленники // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 170—178.

Варзар В. Е. Кустарная промышленность в Черниговском, Борзенском, Новозыбковском уездах // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. V. СПб. 1880.

Варзар В. Е. Материалы о кустарной промышленности за 1900 г. (по сведениям, собранным фабричной инспекцией) // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. № 33.

Василевский П. И. Очерки кустарной промышленности СССР. М.—Л. 1930. VII. 294 С.

Василенко В. І. Вжитки селянські на Полтавщині. 1906. 39 С.

Василенко В. И. Кустарные промыслы сельских сословий Полтавской губернии. Вып. 1—2. Полтава. 1885—1887.

Василенко В. И. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 13. Харьков. 1902. С. 145—216.

Василенко В. М. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X—XX вв. М., 1974. 294 с.

Василенко В. М. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XX вв. М., 1960. 181 с.

Василенко К. Остатки братств и цехов в Полтавщине // КС. 1885. № 9. С.

Васильев Ф. В. Материальная культура крестьян Нижегородского Заволжья (середина XIX—начало XX в.). Лекции. М., 1982. С. 226—240.

Вебер К. К. Корзиночное производство и культура корзиночной лозы. СПб. 1911. — 155 с.

Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс-Академия. 1992. 430 С.

Веретельник А. Рубане і виготовлюване дерева // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. III. 1900. Львів. С. 27—32.

Верзбицький Л. Взори промыслу домашнего селяна на Руси. Альбом. Львів. 1882. Серія VI.

Винокур І. С., Телегін Д. Я. Археологія України. К.: Вища школа. 1994.

Владимирский-Буданов М. Німецьке право в Польщі й Литві // Розвідки про міста і міщанство на Україні—Руси в XV—XVIII вв. Ч. 1. Львів. 1903. С. 1—176; Ч. 2. 1904. С. 178—308.

Влияние луны на деревья // Черниговские губернские ведомости, часть неофициальная. Чернигов, 1850, № 6.

Вобль К. Т. Производительные силы Галиции. Статистико-экономический очерк. К. 1915. 29 С.

Вовк Хв. Програма до збирання відомостей дотичних народної побутової техніки // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 1. 1896. С. 1—22.

Вовк Хв. Студії з української етнографії та антропології. К.: Мистецтво. 1995. 336 С.

Волков М. Я. Из истории борьбы за украинский рынок во II четв. XVIII в. // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1961. N 1. С. 43—44.

Волков М. Я., Тихонова Т. А. Ярмарки Украины середины XVIII в. // Историческая география России XVIII в. Ч. 1 — Города, промышленность, торговля. М., 1981. С. 81—145.

Волков Ф. К. О сельских ярмарках и о значении их для изучения кустарной промышленности // Записки Ю.-З. отдела ИРГО. Т. 1. К. 1874. С. 265—290.

Волков Ф. К. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг. 1916. Т. II.

Ворона А. Заняття гуцулів // Подкарпатська Русь (Ужгород).— 1931. Річ. 8. — N 9—10.

Воронцов В. Очерки кустарной промышленности в России. СПб. 1886.

Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. К.: Оберіг. 1993. 560 С.

Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (на материалах родильной обрядности украинцев). К. 1981. 279 С.

Гаврилюк Н. К. Об этнографическом районировании Украинского Полесья и полесско-карапатских параллелях // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М. 1983. С. 37—38.

Гаецкий Ю. Роля братств у культурному відродженні України в XVI—XVIII ст. // Українська культура. № 2. 1995. — С. 32—33.

Герсиванов. Таврическая губерния. // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. II. СПб. 1849. 162 С.

Глушко М. С. Шляхи сполучення і транспортні засоби в Українських Карпатах другої пол. XIX — поч. XX ст. К.: Наукова думка. 1993. 226 С.

Глушко М. Етнографія бойківського лісосплаву // Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Т. CCXXXIII. Праці секції етно-графії та фольклористики. Львів. 1992. — С. 155—171.

Гнатюк В. Народна пожива і способ її приправи у східній Галичині // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 1. Львів. 1896.

Гоberman Д. Н. Искусство гуцулов. М., 1980. 165 илл. 51 С.

Голобуцкий В. А. К вопросу о промышленном предпринимательстве в помещицком хозяйстве Левобережной Украины во второй половине XVIII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 88—95.

Голобуцкий В. А. Про цехове ремесло і зародження капіталістичного виробництва в XVI — першій половині XVII ст. на Україні // Вісник АН УРСР. 1959. № 8. — С. 34—42.

Головацкий Я. Ф. Карпатская Русь: Географо-статистические и историко-этнографические очерки Галичины, С.-В. Угрии и Буковины // Славянский сборник. Т. 1—2. СПб. 1875—1878.

Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси (с этнографическим обзором края, картами, иллюстрациями). М., 1878. Ч. 1 — Карпатская Русь. Географо-статистический и историко-этнографический очерк Галичины, С.-В. Угрии и Буковины.

Головацкий Я. Ф. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галиции и Северо-Восточной Венгрии // Отечественные записки. 1867. № 1. С. 471—503, № 2. С. 810—844.

Гомилевский В. И. Деревообрабатывающая кустарная промышленность и ее нужды в лесных материалах // Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в Петербурге. Т. I. Ч. 1. СПб. 1910. С. 264—305.

Гомилевский В. И. Кустарная промышленность Херсонской губернии // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. VIII. СПб. 1882.

Гонтар Т. О. Народна їжа бойків в к. XIX—початку XX ст. // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1973.

Гонтар Т. О. Народне харчування українців Карпат. К. 1979. 90 С.

Гонтарь Т. А. Народная пища бойков к. XIX—н. XX вв. // Карпатский сборник. 1976. С. 92—97.

Гонтарь Т. А. Народная пища украинцев Карпат. Автореф. канд. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Минск. 1979. 16 С.

Гонтарь Т. А. Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX — первой четверти XX в. // СЭ. 1978. № 4. С. 88—98.

Гонтарь Т. А. Традиционная праздничная и обрядовая пища украинцев Полесья в XIX—XX вв. // СЭ. 1986. № 5. С. 92—98.

Гонтарь Т. А., Молчанова Л. А. Пища и утварь // Полесье. Материальная культура. К. 1988. С. 376—400.

Городцов В. А. Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. Вып. VI. Рязань. 1927. 9 С.

Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С. Народна землеробська техніка українців. К. 1971.

Горленко В. Ф. Ремесла и промыслы // Українознавство. Посібник. Київ: Зодіак-ЕКО. 1994. С. 111—127.

Горленко В. Ф. Становление украинской этнографии к. XVIII — первой пол. XIX ст. К.: Наукова думка. 1988. 214 С.

Горленко В. Ф. Этнографические группы украинского народа // Украинцы. Макет тома серии “Народы и культуры”. Кн. 1. М., 1994. С. 133—153.

Государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР. К. 1976.

Готун А. Реконструкції ремісничих та господарських будівель давньоруського поселення Автуничи // Археологія. 1993. № 4. С. 59—71.

Гошко Ю. Г., Федака П. М. Звичаї та вірування, пов'язані із спорудженням житлових та господарських будівель // Народна архітектура українських Карпат XV—XX ст. К. 1987.

Гошко Ю. Г. Населення Українських Карпат XV—XVIII ст. Заселення. Міграція. Побут. К. 1976.

Гошко Ю. Г. Промисли й торгівля в Українських Карпатах. К.: Наукова думка. 1991. 256 С.

Гошко Ю. Г. Ярмарки, торги як засіб культурного взаємообміну // НТЕ. 1987. № 2. С. 12—17.

Грабовецький В. В. Гуцульщина XIII—XIX століть. — Львів. 1982.

Грабовецький Б. В., Сіреждук П. С. Солеварні промисли Прикарпаття // НТЕ. 1985. № 4. С. 44—47.

Грабовский Н. А. Древодельные промыслы Киевской губернии // Кустарная промышленность в Киевской губернии. К. 1912.

Грамота цеху ковалів, бондарів, римарів, мельників, теслів, пильщиків, та музик м. Літок 1770 р., дана від ігумена Видубицького монастиря // Записки історико-філологічного відділу УАН. К., 1928. Кн. 18.

Гриценко І. А. З історії економічних взаємовідносин Буковини з Росією та Україною в XIX в. // Український історичний журнал. 1959. № 6.

Грищенко І. А. Лісна торгівля Буковини з Росією і Наддніпрянською Україною в ХІХ ст. // Наукові записки / Чернівецький держ. ун-т. Чернівці. 1961. — Т. 54. — Серія істор. наук. — Вип. 3.

Грушевський М. С. Очерк истории украинского народа. СПб. 1904.

Гупало К. М., Толочко П. П. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ. К. 1975. С. 40—80.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гуржій О. І. Еволюція соціальної структури селянства Лівобережної та Слобідської України (друга пол. ХVІІ—ХVІІІ ст.). К. 1994.

Гуслистий К. Г., Горленко В. Ф., Прилишко Я. П. Работа над историко-этнографическим атласом на Украине // СЭ. 1967. N 1. С. 94—98.

Гуцульщина. Історико-етнографічне дослідження. К. 1987. 470 С.

Давидан О. І. О времени появления токарного станка в Старой Ладого // АСГЭ. Вып. 12. Л., 1970. С. 81—89.

Давыдова С. А. Кустарная промышленность Владимирской, Курской, Полтавской, Бессарабской и Воронежской губ., исследование 1889 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. I. СПб. 1892. С. 72—144.

Давыдова С. А. Кустарная промышленность в Подольской губернии. Отчет 1902 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VII. СПб. 1903. С. 1—16.

Давыдова С. А. Очерк промысла соломоплетения в России // Кустарная промышленность в России. Женские промыслы. 1913. С. 343—371.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—III. М., 1978—1980.

Данильченко Н. Этнографические сведения о Подольской губернии. Каменец-Подольский. 1869. 56 С.

Данильченко О. П. Етнічні групи півдня України: економічного соціально-політичне становище на початку 20-х рр. ХХ ст. К. 1993. 58 С.

Данилюк А. Г. Різьба і настінне малювання в оздобленні традиційного житла в Українських Карпатах // Образотворче мистецтво. — 1991. N 5.

Данилюк А. Г. Українська хата. К.: Наукова думка. 1991. — 112 С.

Де-Воллан Г. А. Угро-русские народные песни (с приложением очерка быта угорских русских и этнографической картой Венгрии) // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 13. Вып. I. СПб. 1885. 260 С.

Денисова И. М. Дерево — дом — храм в русском народном искусстве // Советская этнография. 1990. № 6. С. 100—114.

Динцес А. А. Историческая общность русского и украинского народного искусства // СЭ. 1941. N 5. С. 21—58.

Дмитриев В. Н. Метрические представления о производстве деревянной посуды у народов Северного Кавказа // Промыслы и ремесла народов СССР. Л. 1986. С. 88—107.

Добровольска Т. Інтер'єр народного житла Слобожанщини // НТЕ. 1994. N 2. С. 73—79.

Документи про економічні зв'язки північної Буковини з Росією і Україною в ХІХ — на поч. ХХ ст. // Архіви України. 1990. N 5. С. 24—32.

Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Черниговская губ. СПб. 1865. 162 С.

Драчевский. Екатеринославская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 4. СПб. 1850. 186 С.

Древности славян и Руси. М., 1988. 290 С.

Дружинина Е. И. Южная Украина в 1880—1885. М. 1970.

Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма (1825—1860 гг.). М. 1981.

Еган Е. Економічне положення руських селян в Угорщині. — Львів. 1901.

Етимологічний словник української мови. Т. 1—3. К. 1982—1989.

Етнографія Київа та Київщини. Традиції й сучасність. К. 1986. 270 С.

Ефименко А. Я. История украинского народа. К. 1990. 510 С.

Ефименко А. Южно-русские братства (историко-этнографический очерк) // Южная Русь. Т. 1. СПб. 1905. С. 200—309.

Ефименко П. Кустарные и некоторые сельские промыслы в Сумском уезде // Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии. Вып. 1. Харьков. 1882. 111 С.

Живописная Россия. Под общей ред. П. П. Семенова. Малороссия, Подолия и Вольнь (Полтавская, Черниговская, Вольнская, Подольская, Харьковская и Киевская губ.). Т. V. Ч. 1. СПб. 1897.

Живописная Россия. Т. V. Ч. II — Малороссия и Новороссия (Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губ.). СПб.-М., 1898. 187 С.

Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края. Харьков. 1898. Т. I. 1012 С.

Жовковщина. Историчний нарис. Т. 1. Жовква-Львів-Балтимор. 1994. 326 С.

Жолтовський П. М. Цехові ціхи // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. К. 1975.

Заклинський Б. Народна пожива у косівському повіті (Гуцульщина) // *Матеріали до українсько-руської етнології.* Т. 18. Львів. 1918. С. 41—48.

Записки о Южной Руси: Издал П. Кулиш. К.: Днипро. 1994. — 719 С.

Зарецкий И. А. Гончарный промысел в Полтавской губернии. Полтава. 1896.

Зарембский А. Народное искусство подольских украинцев. Л. 1928. — 48 С.

Зарембский А. Г. Украинцы. Л. 1928. — 8 С.

Заставний Ф. Д. Географія України. Львів: Світ. 1994. — 470 С.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Л. 1990. — 510 С.

Зеленин Д. К. Обзор рукописных материалов Ученого архива Всесоюзного Географического общества о народах СССР // *СЭ.* 1941. N 4. — С. 193—205.

Зеленин Д. К. Об исторической общности культур русского и украинского народов // *СЭ.* 1940. N 3. — С. 21—32.

Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. — Петроград. 1916. Вып. 3.

Зеленин Д. К. Про київське походження карпатських українців-гуцулів // *Українська етнографія.* Наукові записки ПФЕ. Т. IV. — С. 16—31.

Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.—Л. 1937.

Зінченко А. А. Церковне землеволодіння в політиці царизмуна Правобережній Україні наприкінці XVIII—першої пол. XIX ст. К. 1994. — 180 С.

Зубрицкий. Годівля, купно и продаж овец у Мшанці Старосамбоского повіту // *Матеріали до українсько-руської етнології.* Т. 6. 1905.

Иваница А. Домашний быт малоросса Полтавской губернии Хорольского уезда // *Этнографический сборник.* Вып. 1. СПб. 1853. С. 337—371.

Иванов В. В. Современная деревня Харьковской губернии // *Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии.* Т. 1. 1898. 1012 С.

Иванов П. В. Жизнь и творчество крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков. 1907. 216 С.

И[ванов] П. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда) // *Харьковский сборник.* 1889. Вып. 3. С. 35—66.

Иваньо В. М. Народна кулінарія закарпатських українців к. XIX — поч. XX ст. // *Культура і побут населення Українських Карпат.* Ужгород. 1973.

Исаев. К вопросу о кустарной промышленности // Русская мысль. 1880. XI.

Исаевич Я. Д. К вопросу о границах этнических ареалов в Карпатах в эпоху феодализма // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1973. С. 156—157.

Исследование кустарной промышленности в Полтавской губернии // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 1. СПб. 1879. С. 31—39.

Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961.

История Украинской ССР. Т. II. К. 1982. 899 С.

Лько В. Закарпатське село на початку ХХ ст. (1900—1919 рр.). Львів. 1973.

Ионов Н. Ф. Гончарный промысел в Киевской губернии // Кустарная промышленность в Киевской губ.: Итоги анкетного и местного обследования, произведенного Киевской губернской земской управой по поручению Губернского земского собрания. К., 1912. С. 1—77.

Исаев. К вопросу о кустарной промышленности // Русская мысль. 1880. XI.

Исаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. К. 1966.

Исаевич Я. Д. До характеристики ремесла і торгівлі в Дрогобичі в 30-х — 60-х рр. XVIII ст. // З історії західноукраїнських земель. Вип. IV. К. 1960.

Исаевич Я. Д. Солеварна промисловість Підкарпаття в епоху феодализму // Нариси з історії техніки. К. 1961. Вип. 7. С. 99—112.

Історія Львова в документах і матеріалах: Збірник документів і матеріалів / Упорядники: І. Я. Едлінська, Я. Д. Ісаевич, С. А. Купчинський та ін. К., 1986.

Історія української культури. Під загальною редакцією І. Крип'якевича. Зшиток 1—12. К.: АТ "Обереги". 1993.

Історія Української РСР. Т. I. Кн. 2. К. 1979.

Кабузан В. М., Махнова Г. П. Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795—1959 гг. // История СССР. 1965, N 1. С. 29—37.

Кадлец К. Подкарпатская Русь. Ужгород. 1922.

Каменецкий И. С., Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1—2. 1958—1961.

Каргер М. К. Раскопки древнего Киева // Наука и жизнь. 1940. N 2.

Карпатский сборник. Вып. 1. М., 1972. 138 С.

Карпатский сборник. Вып. 2. М., 1976. 145 С.

Каталей В. И. Кустарная промышленность в Полтавской и Черниговской губерниях. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. 1. СПб. 1892.

Каталог изделий, вырабатываемых кустарями Полтавской губернии. СПб. 1912. 48 С.

Каталог коллекций отдела Европы МАЭ // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сб. МАЭ. Т. XXXVIII. 1982. С. 153—191.

Кишук Т. И. Предметы декоративно-прикладного искусства в народном жилище Закарпатья // Карпатский сборник. М., 1976. С. 46—50.

Київ та його околиця // Записки українського наукового товариства в Києві. Т. 22. К. 1926.

Кісь Я. П. Міста, ремесла і промисли на території Поділля в 1569—1648 рр. // Тези доповідей V Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець Подільський. 1980. С. 95—96.

Кісь Я. П. Промисловість Львова у період феодалізму (XIII—XIX ст.). Львів. 1968. 223 С.

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л. 1991. 448 С.

Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематизации и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л. 1979. С. 50—72.

Клепикова Г. П. Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах Карпатского региона // Карпатский сборник. М., 1976. С. 22—26.

Клименко П. Матеріали до історії цехів м. Літок на Чернігівщині // Записки історико-філологічного відділу УАН. Кн. 18. К., 1928.

Клименко П. Промисловість і торгівля в Подільській губ. на поч. XIX ст. // Ювілейний збірник на пошану академіка Д. Й. Багалія. Збірник історико-філологічного відділу Української АН. К. 1927. № 51.

Клименко П. Цехи на Україні. Т. 1. Вип. 1. Суспільно-правні елементи цехової організації. К. 1929.

Клименко П. Цехова книга бондарів, стельмахів, колодіїв, столярів міста Кам'янця-Подільського від 1601 до 1803 р. Кам'янець Подільський. 1933. 180 С.

Климов К. М. О формообразовании удмуртской бытовой утвари XIX — нач. XX в. // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск. 1984. С. 100—107.

Кляп П. І. Лозоплетіння в селі Ізі // Народні промисли Закарпаття. Ужгород. 1969. С. 51—60.

Княжинський А. Межі Бойківщини // Літопис Бойківщини. 1931. № 1. 24 С.

Кобільник В. Матеріальна культура с. Жукотин // Літопис Бойківщини. Рік VI. Ч. 7. 1931.

Коваленко В. П. Про структуру економіки середньовічного польського села // Проблеми вивчення середньовічного села на Поліссі. Чернігів. 1992. С. 32—35.

Коваленко В. П. Торговля сільського населення Чернігово-Сіверської землі Х—ХІІІ ст. // Археологія. № 2. 1993. С. 63—71.

Кожолянюк Г. К. Матеріальна культура українського населення северной Буковини ХІХ—80-х гг. ХХ в. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора истор. наук. К. 1992.

Кожолянюк Г. К. Ремесленное и промышленное производство Буковины в к. ХVІІІ—первой пол. ХІХ ст. // Вопросы истории СССР. Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 33. Харьков. 1988. — С. 133—140.

Козакевич М. З. Дерев'яний посуд та вироби з лози, рогами і солами // Довідник по фондах українського державного музею етнографії та художнього промислу АН УРСР. Вип. 1. К. 1956. С. 100—113.

Козаченко А. І. Пережитки цехової організації в м. Гадячі // Науковий збірник ВУАН. К., 1926. Т. 21. С. 146—156.

Колчин Б. А., Янин В. А. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. № 32. 1953.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. Свод археологических источников. Вып. Е1-55. М., 1968. 182 С.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. 59 С.

Кондратович И. М. История Подкарпатской Руси. Ужгород. 1930.

Коненко П. Народна пожива у Скалатському повіті // Матеріали до української етнології. 1918. Т. 18. С. 70—85.

Коновалов А. В. Об этнографических аспектах изучения промыслов и ремесел // Промыслы и ремесла народов СССР. Л. 1986. С. 162—166.

Компан О. С. Місто Кам'янець Подільський — центр навчання ремеслу в ХVІІ—ХVІІІ ст. (до матеріалів цехових книг) // Матеріали ІІІ Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець Подільський. 1970. С. 85—86.

Корсак А. О формах промышленности вообще и значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. М., 1861. 310 С.

Космина Т. В. Взаимосвязь архитектуры и природно-ландшафтной среды в культурной традиции украинцев // Региональная научно-практическая конференция "Человек и среда обитания". Л. 1989. С. 48—49.

Космина Т. В. Динамика зональной вариативности сельского жилища Украины: по материалам историко-этнографического

картографирования // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы. Уфа. 1985. С. 89—90.

Косміна Т. В. Сільське житло Поділля к. ХІХ—ХХ ст. К. 1980. 190 С.

Костомаров М. І. Об историческом значении русской народной поэзии // М. І. Костомаров. Слов'янська міфологія. К., 1994. С. 44—200.

Кравець М. М. Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині ХІХ ст. Львів. 1964.

Кравченко В. Г. Этнографические материалы, собранные в Волынской и соседних с ней губерниях. Житомир. Т. І. 1911, Т. ІІ. 1914.

Красовский І. О. Камінь і дерево в народних промислах лемків // НТЕ. 1987. № 5. С. 25—34.

Красовський І. О. Народне різьбярство лемків // Дзвін. 1991. № 7. С. 99—104.

Краткий обзор кустарных промыслов Черниговской губернии с приложением очерков по производству изделий из прута и кожевенному производству. Чернигов. 1914. 41 С.

Краткий очерк местных и отхожих промыслов населения Харьковской губернии. Харьков. 1905. 168 С.

Крачківський М. Київські цехи за литовсько-польської та ранньої Московської доби // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Зб. 1. К. 1931.

Крачківський М. Опис Поділля з 1819 р. В. Рудницького (до історії Поділля поч. ХІХ в.) // Студії з історії України. Т. 2. К. 1929. С. 96—111.

Кривчанська М. Ф. Назви посуду гончарного промислу Полтавщини // Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. Збірник статей. К. 1954. С. 116—117.

Крижанівський О. П. Церква у соціально-економічному розвитку Правобережної України ХVІІІ — перша половина ХІХ ст. К.: Вища школа. 1991. 127 С.

Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в ХV—ХVІІІ ст. Кордоні воеводств у світлі джерел. К., 1993. 185 с.

Крип'якевич І. Підкарпатське село в ХVІ ст. (за архівними матеріалами Львівського філологічного Державного історичного архіву УРСР) // Вісник АН УРСР. 1950. № 12. С. 42—49.

Крюков М. В., Кузнецов А. І. Введение // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 3—6.

Крюков М. В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (на примере типологии жилища) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 7—18.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола. 1956. 160 С.

Кубійович В. Пастушество Буковини // Праці географічної комісії наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка у Львові. Вып. 1. Львів. 1935. С. 25—218.

Кубійович В. Полонини на Підкарпатській Русі // Підкарпатська Русь. Вип. IX. Ужгород. 1932. 57 с.

Кудринский Ф. Цеховые братства в местечке Степани // КС. 1980. № 7.

Кукурудзяк М. Г. Лісопільна та деревообробна промисловість Буковини в к. XIX ст. // Минуле і сучасне північної Буковини. Вип. 2. К. 1973.

Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах сельской культуры). Ереван. 1983. 363 С.

Культура і побут населення України. К. 1991. 230 С.

Купчанко Г. И. Некоторые историко-географические сведения о Буковине // Записки Ю.-З. отдела РГО. Т. II. К. 1875. С. 289—370.

Кустари и ремесленники Полтавской губ. Полтава. 1905. 134 С.

Кустарная промышленность России. Т. I—III. СПб. 1913.

Кустарные (и другие) промыслы в Вольнской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики. Житомир. 1914. 41 С.

Кустарные промыслы в Киевской губернии. К. 1912. 610 С.

Кустарные промыслы в Царстве Польском // Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в Санкт-Петербурге. СПб. 1902. I. № 22.

Кустарные промыслы Курской и Киевской губерний // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. 1. СПб. 1892.

Кустарные промыслы и ремесла в селениях Херсонской губернии // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 26. С. 509—511.

Кустарные промыслы и ремесленники в Подольской губернии. К. 1916. 500 С.

Лазанская Т. И. Государственные крестьяне Украины в период кризиса феодально-крепостнической системы. К.: Наукова думка. 1989.

Лазаревська К. Київські цехи в II пол. XVIII—на початку XIX ст. // Київ та його околиця. Записки українського наукового товариства в Києві. Т. 22. К. 1926. С. 275—307.

Лазаревський А. М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. К. 1888—1902. Т. 1—3.

Лазаревский А. М. Цеховые акты Малороссии (1622—1645 гг.) // Чтение Исторического общества Нестора-летописца. Кн. 14. Вып. 4. К. 1902. С. 202—214.

Латынин Б. А. Мировое дерево — древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы. К вопросу о пережитках // ГАИМК. Л., 1933. Вып. 69.

Лациук Ю. П. Районирование украинского Полесья по данным народного искусства // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М. 1983. С. 43—44.

Лебедева А. А. Средства переноски тяжестей у восточных славян // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М., 1975. С. 19—28.

Левашева В. П. Изделия из дерева, луба и бересты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3—17.

Левченко М. М. Несколько данных о жилище и пище южно-руссов // Записки Юго-Западного отделения ИРГО. К. 1875. С. 135—150.

Ленин В. И. Кустарная перепись 1884/85 гг. в Пермской губ. и общие вопросы “кустарной” промышленности. ПСС. 5-е изд. Т. 2. С. 317—424.

Лікарські та господарські порадики XVIII ст. К., 1984.

Лисенко С. И. Очерк домашних промыслов и ремесел Полтавской губ. Вып. 2. Одесса. 1900.

Лозовский В. В. Корзиноплетение и дужное производство в Харьковской, Курской, Рязанской и других губерниях // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. V. СПб. 1900. С. 343—367.

Лысенко С. И. Очерк домашних промыслов и ремесел Полтавской губ. Одесса. 1900. 440 С.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 74. М.—Л., 1958.

Мазалова Н. Е. Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север. К проблеме локальных групп. Л., 1995. С. 63—109.

Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. I. 1920.

Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина (март—май) // Русская беседа. 1856. Т. 1. Кн. 1. С. 61—83; Кн. 3. С. 73—108; Полтавские губернские ведомости. 1857. № 10—20.

Мандибуря М. Д. Полонинське господарство Гуцульщини другої пол. XIX — 30-их рр. XX ст. К. 1978.

Мандибуря М. Д. Полонинське господарство Косівщини 20-их—30-их років XX ст. // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. К. 1975.

Мандыбура М. Д. Гуцульское полонинное хозяйство второй половины XIX—начала XX вв. // Карпатский сборник. М., 1972. С. 7—19.

Мандыбура М. Д. Из истории полонинного хозяйства Гуцульщины // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1973.

Манівчук В. В. Іншомовні нашарування в лісорубській лексиці карпатських говорів // Мовознавство. 1974. № 3. С. 73—79.

Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. К. 1860. 171 С.

Маршак В. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975. С. 78.

Маслова Г. М., Станюкович Т. В. Пища и хозяйственная утварь // Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960.

Матейко К. І. Народна кераміка західних областей Української РСР. К. 1959. 110 С.

Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М., 1979. 190 С.

Махаев Ф. И. Альбом рисунков корзиночных изделий и плетеной мебели. Вып. 1—2. СПб. 1908—1913.

Махаев Ф. И. Корзиноплетение как кустарный промысел // Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в СПб. 1910. Т. II. Ч. 1.

Меньков. Киевская губерния. // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. X. Ч. 1. СПб. 1848. С. 283.

Микитчук В. И., Лена В. Е. Руками сельского умельца. К., 1989. 174 С.

Миклашевский И. Очерки крестьянского хозяйства Малороссии // Известия Петровской земледельческой и лесной Академии. Вып. 1. Отд. II. М., 1887. 50 С.

Милорадович В. П. Лесная Лубенщина (историко-этнографический очерк). К. 1900. 93 С.

Милорадович В. П. Степная Лубенщина (историко-этнографический очерк). К. 1904. 94 С.

Милюс В. Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX—нач. XX в. // Балтийский этнографический сборник. М., 1956. С. 127—169.

Михайлина П. В. До питання про розвиток міського ремесла на Поділлі в к. XVI—I пол. XVII ст. // Материали Другої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львов. 1968. С. 4—5.

Мицевич. Черниговская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XII. Ч. II. СПб. 1851. 183 С.

Мицюк О. Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. Т. I. Ужгород. 1936.

Мишко Д. Г. Соціально-економічні умови формування української народності. К. 1963. 292 С.

Молчанова Л. О. Іжа та домашнє начиння Білоруського селянства до революції // НТЕ. 1960. № 1. С. 76—82.

Молчанова Л. А. Матеріальна культура белорусов. Минск. 1968. 230 С.

Молчанова Л. А. Очерк материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. Минск. 1981. 112 С.

Молчанова Л. А. Производственная деятельность и материальная культура белорусского крестьянства XIX—нач. XX вв. Автореф. канд. дисс. на соиск. уч. степ. докт. истор. наук. Минск. 1969. 51 С.

Морачевич И. Село Кобылья Волынской губернии Новоградволинского уезда // Этнографический сборник. Вып. 1. СПб. 1853. С. 294—312.

Мордвинцев В. М. Торгово-промышленное предпринимательство монастырей Левобережной Украины в XVIII в. К.: Вища школа. 1988. 47 с.

Моця А. П., Готун И. А., Коваленко В. П. Полесское село в древнерусской истории (по материалам поселения Автуничи) // Деснинские древности. Брянск. 1995. С. 100—106.

Мочульский. Харьковская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 12. Ч. 1. СПб. 1850. 260 С.

Мудрицький Г. А. Ковальське ремесло літописних міст Чернігово-Сіверської землі // Старожитності Південної Русі: Матеріали історико-археологічного семінару “Чернігів і його округа в IX—XIII ст.” Чернігів. 15—18 травня 1990 р. Чернігів: Сіверянська думка. 1993. С. 95—101.

Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994. 179 с.

Муравьева Л. Л. Деревенская промышленность Центральной России II пол. XVIII в. М., 1971. 207 С.

Найден О. Деякі закономірності виникнення та тенденції розвитку народних художніх промислів // НТЕ. 1991. № 4. С. 49—59.

Нарада з питань про етнографічні групи та локальні особливості в культурі і побуті українського народу к. XIX—п. XX ст. // Українська етнографія. К. 1958.

Народы европейской части СССР. Т. I. М., 1964. 984 С.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. 262 с.

Наулко В. И. Об историко-этнографическом районировании Полесья // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 36—37.

Наш рідний край. Хрестоматія з історії Черкащини. Част. II. К.: Молодь. 1995. 176 С.

Недашківська Г. Ф. Етнографічні спостереження в с. Топорові // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. Вип. 5. К. 1959. С. 26—41.

Нестеровский Н. А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава. 1905.

Нечуй-Левицький Т. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. К.: Обереги. 1992. 88 С.

Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Прага. 1924. 285 с.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легенды, сказания ... в Витебской Белоруссии. Витебск. 1897.

Новое в археологии Киева. К. 1981.

Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. Т. I—II. СПб. 1899.

Облеухов. Полтавская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XII. Ч. III. СПб. 1848. 90 С.

О деревообрабатывающей промышленности // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности. Вып. 1. СПб. 1879.

Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. Т. I. СПб. 1897. 388 С.

Обзор кустарных промыслов России. М., 1902.

Облеухов. Полтавская губерния // Военно-историческое обозрение Российской Империи. Т. XII. Ч. 3. СПб. 1848. 90 С.

Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья. Минск. 1987. 376 С.

Овсянников А. Географические очерки и картины. Т. II. Очерки и картины Малороссии. СПб. 1880. 289 С.

Овчинников А. М. Определение и классификация кустарных промыслов // Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в Санкт-Петербурге. 1902. Ч. 1. № 12.

Оглоблин О., Слабченко М. Матеріали до економічно-соціальної історії України XIX ст. Т. I—II. 1925—1927.

Олесевич Л. О. Економічне становище гірського сільського населення Підкарпаття в к. XIX—на поч. XX ст. // З історії західно-українських земель. К. 1957. — Вип. II.

Опицук А. Духовная культура населения Полесья. Минск. 1987.

Опицук А. Народна пожива у Надвірнянськiм повіті (Гуцульщина) // Матеріали до української етнології. Львів. Т. 18. 1918. С. 37—41.

Опицук А. Останки первісної культури гуцулів // Матеріали до української етнології. Т. 15. Львів. 1912.

Описи Київського намісництва 70—80 років XVIII ст. К. 1989. 390 С.

Орлов С. Н. Деревянные изделия Старой Ладogi как исторический источник. Доклад на сессии ИИМК 11.04.1958 г.

Осадчий Т. И. Щербановская волость, Елисаветград. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описание. Херсон. 1891. 112 С.

Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Вып. 1—16. СПб. 1892—1915.

Охримович В. Про останки первісного комунізму у бойків-верховинців в Сколівськiм і Долинськiм судевім повіті // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1899.

Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. I. Материальная культура. М., 1969. 360 С.

Оятева Е. И. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы (опыт методической разработки) // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 107—112.

Павлович В. Екатеринославская губерния // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб. 1862. 352 С.

Павлович Ю. Вживання кошика та мішка. Матеріали до історії примітивного транспорту // Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. Т. ССХХІІІ. Праці секції етнографії та фольклористики. Львів. 1992. — С. 284—292.

Павловский И. Ф. Статистические сведения о Полтавской губернии сто лет назад // Труды Полтавской ученой Архивной комиссии. Вып. 2. Полтава. 1906. С. 59—163.

Павлюк С. П. Народна агротехніка українців Карпат II пол. XIX—поч. XX ст. (Історико-етнографічне дослідження). К. 1986. 171 С.

Павлюк С. П. Традиційне хліборобство України: агротехнічний аспект. К.: Наукова думка. 1991. 224 С.

Падалка А. В. Что сказало население Полтавской губернии о своем старом быте // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Полтава. 1905. С. 1—86.

Памятники народной архитектуры и быта Белоруссии. Минск. 1979.

Панасюк А. А. Лісові промисли як допоміжне заняття населення західного Полісся // Минуле і сучасне Волині. 1988. Луцк. Ч. 1. С. 200—202.

Переверзев И. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предведомлением о бывшем в сей стране с давних времен переменах. Харьков. 1888. 82 С.

Піотровський А. В. Сплав лісу на гірських ріках Закарпатської області УРСР // Питання розвитку продуктивних сил західних областей Української РСР. — Київ. 1954. С. 266—270.

Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л. 1950.

Погрузов А. Д. Кустарная промышленность в России. Ее значение и возможное будущее. СПб. 1901. 101 С.

Поділля. Історико-етнографічне дослідження. К.: Доля. 1994. 504 С.

Подолінський С. Ремесла і фабрики на Україні. Женева. 1880.

Полесьє. Матеріальна культура. К. 1986. 450 С.

Помнікі етнографії. Методыка выявлення, аписання і збирання. Мінск. 1981.

Пономарев А. П. Историко-этнографическое районирование // Украинцы. Макет тома серии “Народы и культуры”. Кн. 1. М., 1994. С. 71—104.

Пономарев А. П. Подолье как историко-этнографический регион Украины // СЭ. 1991. № 1. С. 44—58.

Пономарев В. Н. Обзор кустарных промыслов России. М., 1903. 150 С.

Пономарев Н. В. Кустарные промыслы Волынской губернии. Отчет 1897 г. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. СПб. 1898. Т. V.

Пономарев Н. В. Кустарные промыслы Екатеринославской и Калужской губ. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. II. С. 160—194.

Пономарев Н. В. Кустарные промыслы Курской и Киевской губерний // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. 1. СПб. 1892.

Пономарьов А. П. Українська етнографія. Курс лекцій. К.: Либідь. 1994. 317 С.

Пономарьов О. М. Про початок мануфактурного періоду на Україні // Український історичний журнал. 1970. № 3. С. 27—33.

Пономарьов О. М. Розвиток капіталістичних відносин у промисловості України XVIII ст. К. 1971. 183 С.

Попов Н. Русское население по восточному склону Карпат. М., 1867. 32 С.

Порицький А. Я. Некоторые вопросы Карпатской историко-этнографической области в украинской этнографии II пол. XIX—I пол. XX вв. // VII МКАЭН. М., 1964.

Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1861. 392 С.

Потушняк Ф. М. До історії матеріальної культури на Закарпатті (“Ляпки”) // Наукові записки / Ужгородський державний університет. Ужгород. 1957. — Т. 24. — Серія історико-філол. С. 213—222.

Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. К. 1864.

Пошивайло О. Н. Гончарні цехи Лівобережної України XVII—поч. XX ст. // НТЕ. 1986. № 6. С. 33—39.

Пошивайло О. Н. Гончарство Лівобережної України XIX — поч. XX в. і відображення в ньому основних духовних настанов української народної свідомості. К. 1991. 280 С.

Пошивайло О. Н. Етнографія українського гончарства. Лівобережна Україна. К.: Молодь. 1993. 408 С.

Пошивайло О. Н. Ілюстрований словник народної гончарської термінології Лівобережної України (Гетьманщина). Мат. до літопису українського гончарства. Лексикографічна серія. Вип. 3. Опішне: Українське народознавство. 1993. 237 С.

Правда Русская. М.—Л. 1940.

Пригаровский Г. Описание с. Меленка (Стародубского уезда) // Записки Черниговского губернского статистического комитета. 1866. Кн. 1. С. 211—241.

Прилежаев. Что такое кустарная промышленность. 1882.

Прислів'я та приказки. Природа. Господарська діяльність людини. К.: Наукова думка. 1989. 480 С.

Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

Промыслы и ремеслы Беларуси. Минск. 1984.

Просвиркина С. К. Русская деревянная посуда. М., 1957. 56 С.

Прудченко Н. В. До питання про торговельні зв'язки Волині з Лівобережжям і Слобожанщиною у II пол. XVIII ст. // Минуле і сучасне Волині. 1988. Луцк. С. 179—181.

Прусевич А. Корзиноплетение в Подольской губернии // Кустарные промыслы Подольской губернии. К. 1916.

Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957.

Рабинович М. Г., Чистов К. В. Важнейшие особенности этнической истории восточных славян // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—79 гг. Тезисы докладов. Уфа. 1980. С. 77—79.

Радакова Е. П. Отчет о поездке по Старобильскому уезду // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т. I. Харьков. 1902. С. 103—108.

Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

Ремесленники и ремесленные объединения в Киевской Руси // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87. С. 22—37.

Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. М., 1929.

Рибак І. В. Народні промисли Зінькова та навколишніх сіл, виникнення та еволюція // Духовні вигоки Поділля: творці історії краю. Част. I. Мат-ли міжнародної науково-практич. конф. 9—11 вересня 1994 р. в м. Кам'янець-Подільський. Хмельницький: Поділля. 1994. С. 414—419.

Ригельман А. Летописные повествования о Малой России и ее народе и казаках вообще. Ч. I—IV. М., 1847.

Рибак І. В. Народні промисли Зінькова та навколишніх сіл, виникнення та еволюція // Духовні витоки Поділля: творці історії краю. Част. 1. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 9—11 вересня 1994 р. в м. Кам'янець-Подільський. Хмельницький: Поділля. 1994. С. 414—419.

Рижченко Я. Форми гончарних виробів Полтавщини // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. Т. IX. 1927. С. 22—42.

Рклицкий М. В. Из прошлого и настоящего черноземной деревни. Полтава. 1914. 110 С.

Рогалев, фон Витте, Пестов. Херсонская губерния // Военно-статистическое обозрение... Т. XI. СПб. 1849. 229 С.

Родевич-Белевич В. К. Кустарная промышленность в Киевской губернии (общий очерк) // Кустарная промышленность в Киевской губернии. К. 1912.

Рудницький С. Очерк географии Украины // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 1. Пг. 1916. С. 386—392.

Русов А. А. Описание Черниговской губернии Т. 1. Чернигов. 1898.

Русов М. Вироби з дерева у с. Груні у Полтавщині // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. VI. 1905. С. 41—59.

Русов М. Гребінництво у с. Груні у Полтавщині // Матеріали до українсько-руської етнології. Львов. 1905. Т. VI. С. 74—821.

Русские. Историко-этнографический атлас. Т. I. М., 1967, Т. II. М., 1970.

Русское декоративное искусство. Т. I—III. М., 1962—1965.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. М., 1949. С. 3—117.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948.

Рыдзюнский П. Г. Крестьянская промышленность пореформенной России (60-е—80-е гг. XIX в.). М., 1966. 261 С.

Сабадош И. В. Лексика лесосплава украинских говоров района Карпат: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ужгород. 1974.

Сабадош И. В. Украинско-иноязычные параллели в лексике лесосплава района Карпат // Сопровождение по Общеславянскому лингвистическому атласу. (Ленинград, 26—30 сентября 1972 г.): Тезисы докладов. М., 1972. С. 168—170.

Сас П. М. Деякі питання розвитку ремесла у містах України в кінці XV—60-х роках XVI ст. // Феодалізм: економіка, класова боротьба, культура. К., 1986.

Сас П. М. Цехова регламентація міського ремесла на Волині в сер. XVI ст. (порівняльно-історичний аспект) // Минуле і сучасне Волині. Луцк. 1988. Ч. I. С. 142—145.

Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губ. Т. I. Ч. 1. Полтава. 1882.

Свежинский П. В. Аграрные отношения в Галиции в 1905—1907 гг. // Научные записки Львовского торгово-экономического института. Вып. 1. Львов. 1958.

Свеницкая А. К этнографии бойков // Живая старина. 1914. Вып. 3—4. С. 295—304.

Свод материалов по кустарной промышленности в России. Сост. Мещерский А. А., Модзалевский К. Н. СПб. 1874. 629 С.

Селівочов М. Р. Нові тенденції і роблеми деревообробного промислу // Художні промисли. К. 1985. С. 35—55.

Селівачов М. Р. Українське народне лозоплетіння // НТЕ. 1987. N 3. С. 41—50.

Сеньків І. Гуцульська спадщина. Праці з життя і творчості гуцулів. К.: Українознавство. 1995. 512 С.

Сецинский Е. Материалы для истории цехов на Подолии // Труды Подольского историко-археологического общества. Вып. 10. Каменец-Подольский. 1904.

Сілецький Р. Сільське поселення та садиба в Українських Карпатах. К. 1994.

Симоненко И. Ф. Быт населения Закарпатской области // СЭ. 1948. № 1. С. 63—89.

Симоненко И. Ф. Об историко-этнографических районах Закарпатья (в порядке постановки вопроса) // СЭ. 1958. № 4. С. 38—52.

Симоненко И. Ф. Этнографический отряд Закарпатской комплексной экспедиции // КСИЭ. 1948. IV.

Скрипник Г. А. Етнографічні музеї України. К. 1989. 304 С.

Слабченко М. Е. Организация хозяйства Украины от Хмельничщины до мировой войны. Ч. I. Хозяйство Гетманщины в XVII—XVIII ст. Одесса. 1922.

Славяне и скандинавы. М., 1986. 411 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А—Г. М., 1995.

Слюсаренко Л. И. Горный лесосплав в Украинской ССР. М.; Л. 1956.

Слюсарский А. Г. Слобідська Україна. Историчний нарис XVII—XVIII ст. Харків. 1954. 278 С.

Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. Харьков. 1964.

Сова П. П. З минулого художних промислів Закарпаття // Народні промисли Закарпаття. Ужгород. 1969. С. 74—95.

Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. — 286 с.

Соколовский А. Купянский уезд // Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии. Харьков. 1883.

Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

Сокращенное историческое описание Черниговской губернии вообще и всякого города особо. О числе живущего в ней народа, о торгах и промыслах. Сочиненное 1787 // *Сіверянський літопис*. 1995. № 2. С. 83—95.

Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи // *МИА* № 75. М.—Л., 1959. С. 135—199.

Сорочан С. Б. Типологія торговельно-ремісничих асоціацій Візантії VII—IX ст. // *Археологія*. № 1. 1995. С. 34—46.

Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров (сост. А. Д. Педашенко). СПб. 1895. Вып. 2. 132 С.

Станкевич М. Е. Деревообработка // *Українське народознавство*. Львів: Фенікс. 1994. С. 386—392.

Станкевич М. Е. Українське художнє деревообробництво XVII—XX ст. (Концепція декоративності. Історія. Типологія і художні особливості). Автореф. дис. на здобуття наук. ступ. доктора мистецтвознавства. Львів. 1995. 50 С.

Станков С. С., Талиев В. И. Определитель высших растений европейской части СССР. М., 1957.

Стародавнє виробництво на території України. Збірник наукових праць. К.: Наукова думка. 1992. 190 С.

Стельмах Г. Ю. Етнографічне районування України к. XIX—н. XX ст. // *Українська етнографія*. Наукові записки ПФЕ. 1958. Т. IV. С. 106—114.

Степанов Н. С. Резьбы очарование. Л., 1991. 110 С.

Стоклицкая-Терешкович В. В. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // *Средние века*. М., 1951. Вып. 3. С. 91—102.

Стрижак О. С. Про що розповідають географічні назви (сліди народі вна карті УРСР). К.: Наукова думка. 1967.

Студенский Г. А. Опыт исследования организации крестьянского хозяйства Центрально-Черноземной обл. М., 1926.

Студенский Г. А. Очерки по теории крестьянского хозяйства // *Труды НИИ сельскохозяйственной экономики*. Вып. 14. М., 1925.

Студенский Г. А. Очерки сельскохозяйственной экономики. М., 1925.

Студенский Г. А. Проблемы организации крестьянского хозяйства. Самара. 1927.

Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. К. 1890.

Сумцов Н. Ф. Очерки народного быта (из этнографической экскурсии 1901 г. по Ахтырскому уезду Харьковской губернии) // *Сборник Харьковского историко-филологического общества*. Т. 13. Харьков. 1902. С. 1—157.

Сумцов Н. Ф. Слобожане. Харьков. 1918. 240 С.

Танский И. Село Локотки (Глуховского уезда) // *Записки Черниговского губернского статистического комитета*. 1866. Кн. 1. С. 153—208.

Твердохлебов А. Д. Ахтырский уезд // Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов Харьковской губернии. Вып. III. Харьков. 1885.

Тверитинов. Подольская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. X. Ч. II. СПб. 1849. 160 С.

Текущая статистика кустарных промыслов // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. V. СПб. 1895.

Теплицкий В. П. Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні. К. 1959.

Тиводар М. П. Господарство і матеріальна культура гірських районів (на матеріалах Межгірського р-ну) // Дослідження стародавньої історії Закарпаття. Ужгород. 1972. С. 148—164.

Тиводар М. П. Народные традиции в полонинном пастушестве украинцев Раховщины // Карпатский сборник. М., 1972. С. 20—27.

Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. 250 С.

Типы в культуре. Л. 1979.

Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов XIX—XX вв. Минск. 1983. 150 С.

Титов В. С. Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии. Минск. 1976. 135 С.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тишков В. А. О феномене этничности // ЭО. 1997. № 3. С. 3—21.

Толмачев И. Н. Восточное Полесье. К. 1897. Т. 1.

Толчок П. П. О социальной структуре древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 147—154.

Толстой Н. И. “Мужские” и “женские” деревья и дни в славянских народных представлениях // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик. 1995. С. 333—338.

Топорков А. Л. Гончарство: мифология и ремесло // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.

Топорков А. Л. Дежа // Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы. М., 1984. С. 115—123.

Топорков Л. А. Домашняя утварь в обрядах и повериях Полесья // Этнокультурные традиции сельского населения XIX—начала XX вв. Вып. 2. М., 1990. С. 67—135.

Топорков А. Л. Ложка в приметах и обрядах русских, украинцев и белорусов // Utu konverentsi teesid. 1980. Ajalugu Filologia. Tartu. 1981. С. 46—48.

Топорков Л. А. Об одном символе в поминальной обрядности и гаданиях восточных славян (ложка) // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. Тезисы конференции. М., 1985. С. 87—88.

Топорков Л. А. Ритуал очищения дежи в Восточном Полесье // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов. 1983. Л. 1985. С. 54—55.

Топоров В. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией “мирового дерева” // Труды по знаковым системам. 5. Тарту. 1971.

Торгівля на Україні, XVI—сер. XVII ст.: Волинь і Наддніпрянина. К.: Наукова думка. 1990. 408 С.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 1—17. СПб. 1879—1887.

Тыводар М. П. Особенности пастушества населения западных районов Закарпатья в XIII—I пол. XX в. // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1973.

Украинские Карпаты. История. К. 1989. 262 С.

Українська етнографія. Збірник статей. К. 1958. 184 С.

Українська минувщина. Ілюстрований етнографічний довідник. К.: Либідь. 256 С.

Українська народність: нариси соціально-економічної і етнополітичної історії. К. 1990.

Українське мистецтво. Т. I. Дерев'яне будівництво і різьба по дереву. Львів—Київ. 1913. 62 С.

Українці. Історико-етнографічна монографія. Т. I—II. К. 1960. 710 С.

Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. К. 1991. — 638 с.

Успенский Н. Церковное братство местечка Чернобыля (Киевской губернии) // КЕВ. 1862. № 24.

Устенко М. Г. Ознаки цехового побуту в с. Дибинцях на Білоцерківщині // Краєзнавство. 1930. № 1—5.

Фаас В. В. Пространство русских казенных земель и их эксплуатация. 1907. 49 С.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Т. I—IV. 1986—1987.

Федина Р. Й. Традиції сплаву лісу на Черемоші // НТЕ. 1983. № 3.

Федоров П. А. Кустарное производство бочек, кадок, ведер и другой деревянной посуды. Практическое руководство бочарного ремесла. СПб. 1903. — 54 С.

Фекета І. Д. Лексика сільського господарства і домашні промислів в углянському збірнику XVIII ст. “Ключ” // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород. 1973. С. 202—208.

Филитов Н. А. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева. СПб. 1913. 473 С.

Фишман О. М. Деревянная утварь верхневолжских карел XIX—XX вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. истор. наук. Л. 1986. — Архив ИЭ РАН. К. 1. Оп. 1. № 900. 230 Л.

Фишман О. М. Деревянная утварь верхневолжских карел (соотношение этнических и локальных элементов) // Субэтноты в СССР. Л., 1986. С. 123—143.

Фишман О. М. Латышская утварь из коры (к сравнительной типологии берестяной утвари народов Северо-Запада СССР) // Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Рига. 1985. С. 148—154.

Фишман О. М. Методика типологической классификации деревянной утвари (на примере бондарной утвари) // Проблемы комплектования, научного описания и атрибутации этнографических памятников. Л. 1987. С. 93—101.

Фишман О. М. Типология берестяных изделий народов Севера Евразии // Тезисы докладов Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг. Нальчик. 1982. С. 223—225.

Флеров И. О православных церковных братствах, существовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб. 1857.

Франко І. Етнографічна експедиція на Бойківщину // Жовтень. 1972. № 9. С. 137—143.

Франко І. Моя вітківська хата // Матеріали до українськоруської етнології. Т. 18. Львів. 1918.

Франко І. Я. Чудо св'ятого Миколая. Окреме видання Миколаївської общини. К., 1992.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1984.

Фрейденберг М. М. Проблема отгонного скотоводства в современной балканистике // Этническая история восточных романцев (древность и средние века). М., 1979. С. 204—216.

Фритче. Волынская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. X. Ч. III. СПб. 1850.

Фроянов И. Я. Древняя Русь. СПб., 1995. 704 с.

Фундуклей И. Статистическое описание Киевской губернии. Ч. I—III. СПб. 1852.

Ханко В. М. Класичне різьбярство Полтавщини // Образотворче мистецтво. 1991. № 4. С. 16—18.

Ханко В. М. Кустарні художні промисли та Полтавське земство // НТЕ. 1990. № 1. С. 61—66.

Ханко В. М. Народознавець і дослідник кустарних промислів в Україні // Народна творчість та етнографія. 1992. № 5—6. С. 19—25.

Харизоменов С. А. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. № 11.

- Харитонович Д. Э.* Средневековый мастер и его представления о вещи // *Художественный язык средневековья*. М., 1982.
- Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959. 257 С.
- Цытович Н.* Кустарная промышленность в России. К. 1884. 150 С.
- Чаквин В.* Полісся і його локалізація (за історичними, історіографічними та польовими матеріалами) // *НТЕ*. 1984. № 2. С. 58—62.
- Чаянов А. В.* Бюджетные исследования. М., 1929.
- Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 114—144.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова Н. А.* Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
- Чекалов А. К.* Мебель и предметы обихода из дерева // *Русское декоративное искусство*. М., 1962. Т. 1.
- Челищев А. Н.* Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губ. Харьков. 1919.
- Челищев А. Н.* Участковая агрономия и счетоводческий анализ крестьянского сельского хозяйства. Самара. 1914.
- Чеснов Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // *Проблемы типологии в этнографии*. М., 1979. С. 191—192.
- Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье. М., 1988. 250 С.
- Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // *Тезисы докладов на совещаниях, посвященных итогам полевых исследований*. 1962. М., 1963. С. 61—62.
- Чубинский П. П.* Инвентарь крестьянского хозяйства // *Записки Ю.-З. отдела ИРГО*. Т. II. К. 1875. С. 176—186.
- Чубинский П. П.* Село Сокирницы и сокиринское ссудо-сберегательное товарищество // *Записки Ю.-З. отдела ИРГО*. Т. I. К. 1874. С. 235—264.
- Чубинский П. П.* Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб. Т. I. Вып. 1. 1872; Т. 7. Вып. 2. 1877.
- Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малыя России, из частей коей оное наместничество составлено. К. 1851. 697 С.
- Шевченко Е. І. Народна деревообработка в Україні. Словник народної термінології. К., 1997. — 260 С.
- Шевченко Л.* Промисли колгоспників с. Борки Любенівського р-ну Волинської обл. // *Українська етнографія. Наукові записки*. Т. IV. К. 1958. С. 115—124.

Шевченко Ю. Ю. Спасский собор и Черниговский детинец // XVIII Международный конгресс византинистов, резюме сообщений. Ч. II. М., 1991. С. 1041, 1042.

Шевченко Ю. Ю. (совм. с *С. П. Романчуком*). Картографическое моделирование в историко-ландшафтных исследованиях // Материалы IV съезда Географического общества Украины. Ворошиловград. 1982.

Шевченко Ю. Ю. (совм. с *С. П. Романчуком*). Динаміка населення і господарства в Низов'ях Десни II—XII ст. н.е. // Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей. Вип. II. Чернігів. 1988. С. 12—13.

Шевченко Ю. Ю. (совм. с *Новик Т. Г.*) Княжеская династия Чернигова и киевские Рюриковичи // Деснинские древности. Брянск. 1995. С. 96—100.

Шевченко Ю. Ю. (совм. с *Уманцем А. Н.*) Эволюция Чернигова к X в. в контексте Киеворусской государственности // Деснинские древности. Брянск. 1995. С. 63—67.

Шекун О. В. Матеріальна культура сільської округи Чернігів // Слов'яно-руські старожитності північного Лівобережжя. Чернігів: Сіверянська думка. 1995. С. 9—12.

Шекун О. В. П'ятнадцятий сезон робіт на давньоруському поселенні "Ліскове" // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. Луцьк. 1993.

Шенников А. А. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 76—93.

Шер А. Я. Типологический метод в археологии и статистике // Доклады и сообщения археологов СССР VII Международного конгресса доисториков и протоисториков. М., 1966. С. 253—266.

Шерер Жан-Бенуа. Літопис Малоросії, або історія казаків-запорозців та казаків України, або Малоросії. К.: Український письменник. 1994. 311 С.

Шитова С. Н. Башкирская деревянная утварь (опыт классификации и типологической характеристики) // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX вв. М. 1979. С. 170—202.

Шитова С. Н. Классификация башкирской утвари конца XIX в. (Материалы к этнографическому атласу.) // Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тбилиси. 1971. С. 35—37.

Шитова С. Н. Утварь из кожи у башкир // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX вв. М. 1979. С. 146—169.

Шкут Н. Н. Белорусские художественные промыслы (изделия из соломы и лозы). Минск. 1985. 157 С.

Шмидт А. Херсонская губерния // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч. I—II. СПб. 1863.

Штика Я. Полонинское хозяйство в области Западных Карпат // Этническая история восточных романцев (древность и средние века). М., 1979. С. 127—146.

Шульгина Л. Гончарство в с. Бубнівці на Поділлі // Материали до етнології. К., 1929.

Шухевич В. Гуцульщина // Материали до українсько-руської етнології. Т. II—VII. Львов. 1899—1908.

Щапова Ю. Л. Об особенностях древнерусского ремесла // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 175—179.

Щербина П. Ф. Адміністративно-територіальний поділ Правобережної України у XIX ст. // Материали III Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів. 1970. С. 80—84.

Эдмонстон Г. Влияние луны на деревья // Черниговские губернские ведомости. Часть неофиц. 1850. № 6. С. 73.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. Трубочева О. Н. Вып. 1—11. М., 1974—1984.

Этнаграфія беларусаў: гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. Мінск. 1985. 215 С.

Этнаграфія Беларусі. Мінск. 1980. 156 С.

Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975.

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

Яворницький Д. С. Історія запорозьких козаків. К., 1990. Т. 1—3.

Яворський О. Народна пожива в Горлицьким повіті // Материали до української етнології. Т. 18.

Ярош Д. В. Православні братства Волині та їх роль у національно-культурному відродженні України // Велика Волинь. Минуле й сучасне. Мат-ли міжнародно і наук. Краєзнавчої конференції. Жовтень 1994. Хмельницький-Ізяслав-Шепетівка. 1995. — С. 314—316.

Ястребов В. Н. Материалы по этнографии Новороссийского края (собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губ.). Одесса. 1884.

Яценко Г. А. Розклад цехів у Львові в 1740—1770 рр. // З історії західноукраїнських земель. II. К. 1957.

Drabikova E. Clovek vo vinci klenotnica slovenskej kultury. Zv. 17. Bratislava. 1989.

Falkowski J. Narzedzi rolnicze typu rylcowego // Studiuni paleontologiczne. Lwow. 1931.

Falkowski J. Polnocnowschodnie pogranicze Huculszczyzny // Prace etnograficzne. Lwow. 1938.

Fischer A. Rusini: Zarys etnografii Rusi. — Lwow; Warszawa; Krakow. 1928.

Folk Crafts: Guide to the Permanent Exhibition. Warsaw: State Ethnographic Museum. 1995. — 69 p.

Kavan J. Należy złomku drevenych nadob a nabytku ze 13 st. // Pamiatky archeologicke, LIII, 1962.

Kolberg O. Pokucie: Obraz etnograficzny. — Wroclaw; Poznan, 1962. — T. 1.

Kolberg O. Rus Karpatska. — Wroclaw; Poznan, 1970. — Cz. 1.

Kubijowicz. Zycie pasterskie w Beskidach Magorskich // Prace komisji Etnograficznej Polsk. Akad. Umiejtnosci. N 2. Krakow. 1927. 64 S.

Moszynski K. Kultura ludowa slowian. Krakow. T. I—III. 1929.

Olejnik J. Rzesady, wyubrazenia i czynnosci magiczne mieszkancow Wysokich Tatr zwiazane z budowa domu i domostwem // Etnografia polska. 1982. T. 26. Z. 1.

Oryzyna J. Przemysl ludowy w Polsce. Warszawa. 1937.

Pol W. Prace z etnografii polnocnych stokow Korpat. Wroclaw. 1966.

Przemysl domowy // Etnografia Polski. T. I. Warszawa. 1976. S. 347—379.

Samsonowicz H. Pozne sredniowiecze miast nadbaltyckich // Studia nad dziejami Hanzy nad Baltykien w XIV—XV w. Warszawa, 1968.

Ukrainische Volkskunst. Leningrad. 1982. 234 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Распределение местностей украинских губерний по классам в соответствии с податной статистикой (в %) (Рыдзюнский 1966, С. 89)

Область	Класс			
	I—II	III	IV	V
Юго-Западная (Правобережная Украина) — Киевская, Волынская, Подольская губ.	2,2	14,1	71	12,7
Центрально-Земледельческая обл. и Правобережная Украина — Черниговская, Полтавская, Харьковская и другие губ.	1,8	4,5	51,7	42
Южная и Юго-Восточная обл. — Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская губ.	4,8	5,2	56,1	33,8

Таблица 2. Распределение городов по классам в соответствии с податной статистикой (Рыдзюнский 1966, С. 88—89)

Класс	Правобережная Украина	Левобережная Украина
I	Одесса	
II	Бердичев, Киев, Херсон	Харьков
III	Житомир, Каменец-Подольский, Елизаветград, Николаев	Екатеринослав, Кременчуг, Полтава, Нежин, Чернигов, Бахмут
IV	Владимир-Вольнский, Дубна, Белая Церковь	Кролевец, Глухов, Прилуки, Ромны, Переяслав, Лохвица

Таблица 3. Соотношение числа кустарей-древоделов со степенью лесистости по губерниям (Филиппов 1913. Ч. 1). См. диаграмму к таблице

Губерния	Число кустарей-древоделов в % от общего количества их на Украине	Лесистость в % по отношению к территории всей Украины
Полтавская	25,85	5
Харьковская	21,62	8,6
Киевская	18,6	16,3
Таврическая	12,79	7,7
Черниговская	7,12	15,3
Подольская	4,8	10,4

Губерния	Число кустарей-древоделов в % от общего количества их на Украине	Лесистость в % по отношению к территории всей Украины
Херсонская	4,34	1,6
Екатеринославская	2,46	3,8
Вольнская	2,42	28,3

Диаграмма к таблице 3

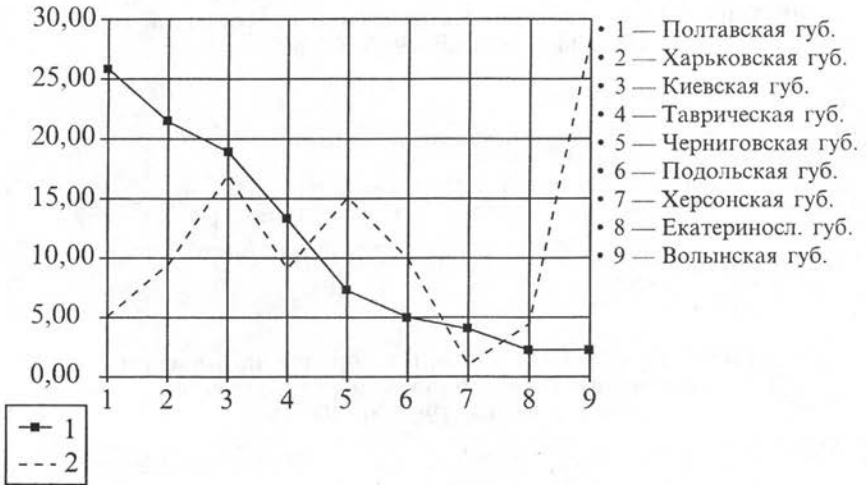

Таблица 4. Структура лесовладения в губерниях Украины (Филиппов 1913, ч. 1)

Губерния	Лесистость в % к общей площади	% казенных лесов	% частновладельч. и майоратн. лесов	% удельных лесов	% крестьянских лесов	% прочих лесов
Полтавская	5	6,04	75,44	0,06	16,5	2,31
Харьковская	8,6	15,7	49,79	0,04	33,9	0,57
Киевская	16,3	21,6	70,15	2,03	3,32	2,63
Таврическая	7,7	15,24	30,47	0,16	23,7	30,43
Черниговская	15,3	14,9	68,42	-	14,9	1,78
Подольская	10,4	19,6	74,8	4,84	-	1,31
Херсонская	1,6	38,04	50,56	-	7,9	3,31
Екатеринославская	3,8	6	62,7	0,25	29,31	1,74
Вольнская	28,3	21,24	75,96	2,2	0,08	0,7
Всего по Украине:	10,72	18,69	66,9	1,51	9,19	3,8

Таблица 5. Состояние деревообрабатывающих промыслов в Черниговской губ. (Краткий обзор... 1914, С. 17)

	Во скольких селениях зарегистрирован промысел		Кустарных дворов		Кустарей		% дворов		Число кустарей на один двор
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	перерабатывающих своей и чуж. мат-л	раб. на продажу	
Пр-во долблено-резных изделий (долбл. посуды, ложек, лопат и др.)	54	10,15	346	6,31	522	5,33	100	98,2	1,36
Пр-во бондарных изделий	378	71,05	2371	43,4	3036	31,02	99,6	85,9	1,3
Пр-во токарных изделий	8	1,6	34	0,66	43	0,74	100	80,0	1,3
Пр-во изделий из луба и лыка	13	2,24	233	4,25	399	4,58	100	98,2	1,75
Пр-во изделий из прута	73	13,72	2389	43,5	5537	56,6	100	100	3,6
Пр-во изделий из рога и ситника	5	0,93	94	1,71	194	1,9	100	100	2,1
Пр-во изделий из соломы	1	0,18	15	0,27	54	0,55	100	100	3,6
Итого по губ.:	532	100	5482	100	9785	100	99,94	94,6	1,95

Таблица 6. Состояние деревообрабатывающих промыслов в Киевской губ. (Родзевич-Белевич 1912, С. XXXIV)

Промысел	Число дворов кустарей	% дворов кустарей
Колесно-провозочный	1028	24,6
Бондарный, древодельный смешанный и каретный	1671	40,4
Столярный	1003	24
Изготовление ложек, вил, граблей и гребней	189	4,5
Корзиночный	272	6,5

Таблица 7. Состояние деревообрабатывающих промыслов в Киевской губернии
(Родзевич-Белевич 1912, С. XXXIV)

		Число кустарей в уезде											Всего	
		Киев- ский	Бер- дич.	Василь- ковск.	Звени- гор.	Ка- невск.	Ли- пов.	Радомысл.	Сквир.	Тра- щанск.	Уманск.	Чер- касск.		Чи- гирск.
Дереводелный	число	123		3	123	105		50	16	343		29	3	795
	%	15,47		0,38	15,47	13,2		6,28	2,01	43,1		3,36	0,37	100
Бондарный	число	294	60	92	120	130	61	284	46	122	109	163	71	1552
	%	18,94	3,86	5,93	7,73	8,57	3,93	18,3	2,96	7,86	7,12	10,5	4,57	100
Токарный	число				4		7		3	12				26
	%				15,5		26,9		11,5	46,2				100
Изготовление ложек	число					506	32	7						545
	%					92,84	5,7	1,28						100
Изготовление корыт	число	125												125
	%	100												100
Изготовление корзин	число	20				2		2	1			184	30	239
	%	8,37				0,84		0,84	0,41			76,99	12,55	100
Изготовление сит, палок и щеток	число	22	7	8	25	3	2	27	4	16		4	205	323
	%	6,81	2,16	2,47	7,74	0,93	0,62	8,34	1,24	4,95		1,25	63,47	100
Всего:	число	584	67	103	272	746	102	370	70	493	109	380	309	3496
	%	16,7	1,9	2,9	7,8	21,3	2,9	10,6	2,0	14,1	3,12	9,87	8,84	100

Таблица 8. Состояние деревообрабатывающих промыслов в Волынской губернии (Варзар 1880, С. 503)

Промысел	Местность (уезды)	Число работников	% работников
Бондарный	Все уезды губ.	225	78
Решетно-ситочный	Новоград-Волынский, Луцкий, Овручский	36	12,5
Ложкарный	Староконстантиновский, Острожский	13	4,41
Выделка ночв	Луцкий, Кременецкий	11	3,81
Корзиночный	Овручский, Острожский, Дубенский	3	1,29
Всего:		288	100

Таблица 9. Количество хозяев-кустарей, занимающихся древодельными промыслами в Полтавской губ. (Кустари и ремесленники. 1901)

Промысел	Бондарн.	Древодельн.	Плетение из лозы и рогоза	Резьба по дереву	Токарн.	Изготовл. коробок из дуба	Изгот. ложек	Изгот. лопат	Изгот. решет	Изгот. сит	Изгот. подситков из мочала
Золотоношск.	376	9	24	3	2						
Гадячск.	175	1									
Зеньковск.	209	111	1		1	8	6				
Кобелячск.	246	19	4	6	4			1			
Константиновградск.	195	4	2		2						
Кременчугский	286		10	5	24			10			
Лохвицкий	298		262	5						5	
Лубенский	276	4	212		1		33				
Миргородский	387	9	5	7							29
Переяславский	170	9	26	7	5					7	
Пирятинск	287	4	50	1	3						
Полтавск.	243	1	53		5			11			
Прилуцк.	187	132	10	1	2			1			
Роменский	213	9									
Хорольский	283	4	1	26	11						
Итого по губ.:	3831	316	686	61	60	8	39	1	22	10	29

Таблица 10. Состояние деревообрабатывающих промыслов в Подольской губернии (Александрович 1916, С. 540)

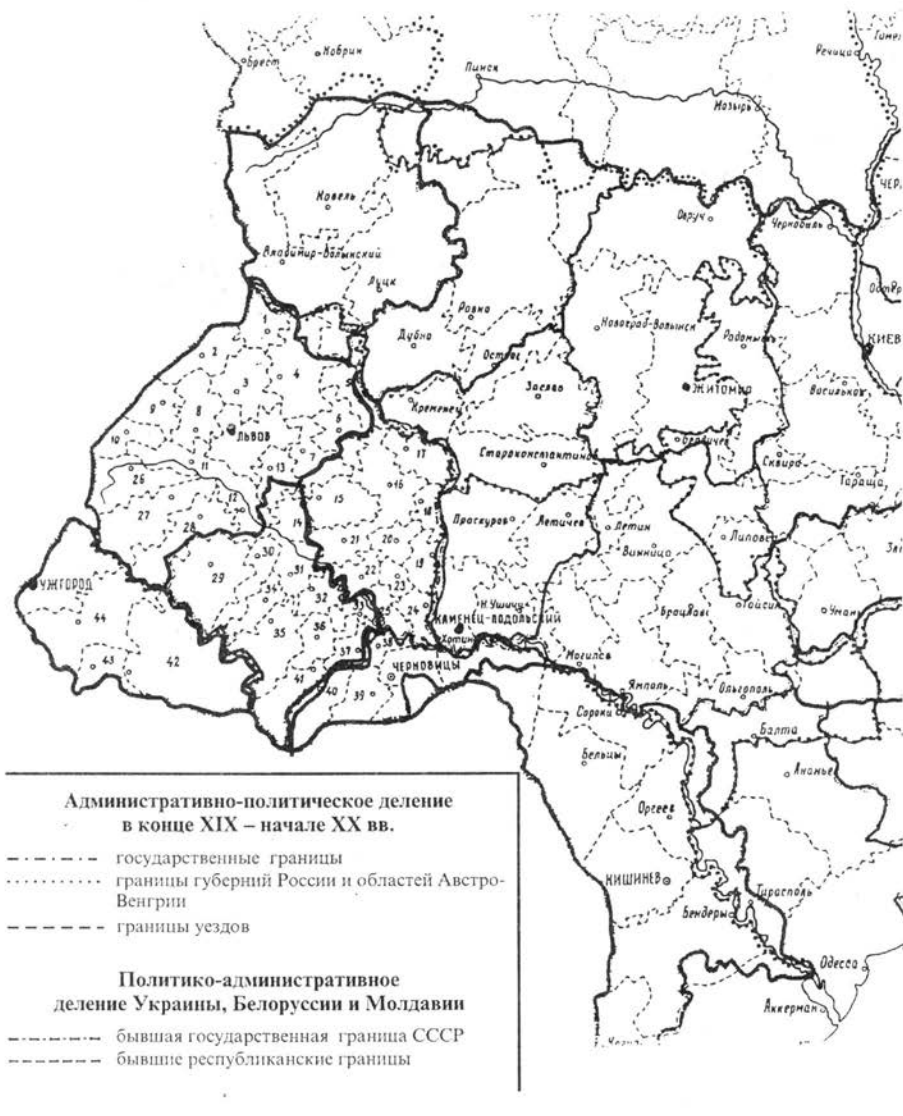
Вид промысла	Дворов	Количество в Подольской губ. на основании корреспондентского и экспедиционного обследования		
		%	человек	%
Изготовление ночв, жлукт, бочек, саний, досок и ульев	7344	45,49	7375	42,65
Изготовление ложек, сопилок, ярем	1802	11,16	2215	12,81
Изготовление изделий из прутьев (корзины и обручи)	1786	11,06	2125	12,29
Изготовление бондарных изделий	1705	10,56	1724	9,97
Изготовление сит и решет	904	5,6	1036	5,95
Другие древодельные промыслы (экипажные и столярные)	2604	16,13	2816	16,29

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 ВУАН — Всеукраїнська Академія наук
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ИИФЭ — Институт искусствоведения, фольклора и этнографии
 КЕВ — Киевские епархиальные ведомости
 КС — Краткие сообщения Института археологии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
 НЕТ — Народна творчість на етнографія
 НАИА — Научный архив Института археологии АН Украины
 НАНУ — Национальная Академия наук Украины
 РЭМ — Российский этнографический музей
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 ТКМД — Тернопольский краеведческий музей. Дерево
 ЧГАИЗ — Черниговский государственный архитектурно-исторический заповедник
 ЭО — Этнографическое обозрение

Карта 1. Распределение местностей Украины по классам в соответствии с налогообложением (Рыдзюнский 1966, С. 89).

Карта 2. Административно-политическое деление

Украины в к. XIX–н. XX вв.

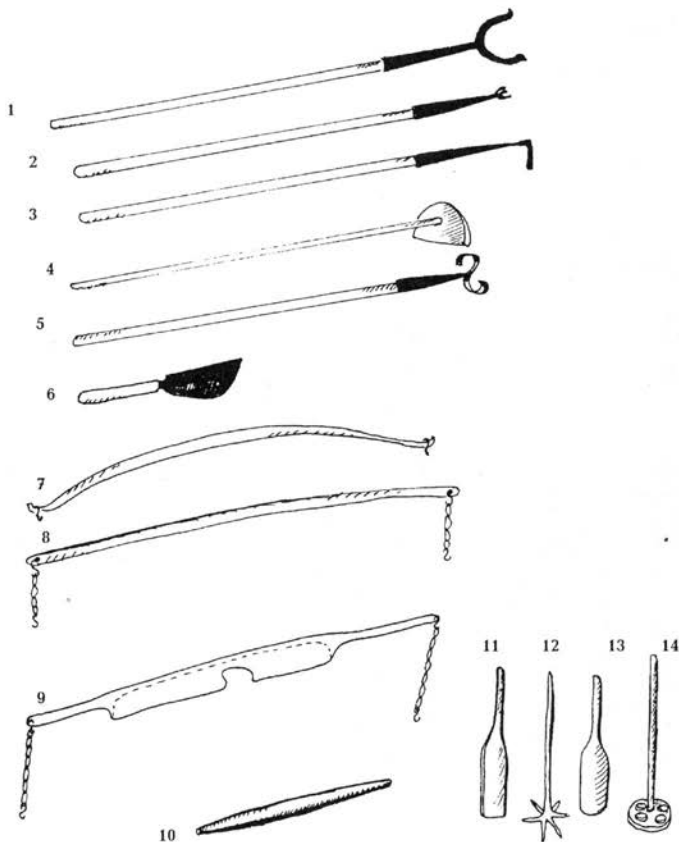

Таблица 1. Утварь из естественных форм дерева

1. *рогач* — ухват (с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 2. *чапля* — сковородник (с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 3. *коцюба* — кочерга (с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 4. *коцюба* для золы от соломы (с. Пеньки Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 5. *сікачка* для капусты (с. Скородинцы Чертковского р-на Тернопольской обл.); 6. *сікачка* для мяса (с. Старява Старосамборского р-на Львовской обл.); 7, 8, 9. коромысла (*посидла*) I, II, III подтипа (Moszynski 1929. Cz. I. S. 618); 10. *качалка, качівека* — качалка для белья (с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 11. *копитка* — мутовка для разведения опары в квашне (с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 12. *м'ялка, колотювка* — мутовка (ТКМД-142); 13. *товкач* — пест (с. Заричево Перечинского р-на Закарпатской обл.); 14. *Жбаталів, лучко, колотювка* — мутовка для поршневой маслобойки (с. Широкая Гребля Казатинского р-на Винницкой обл.)

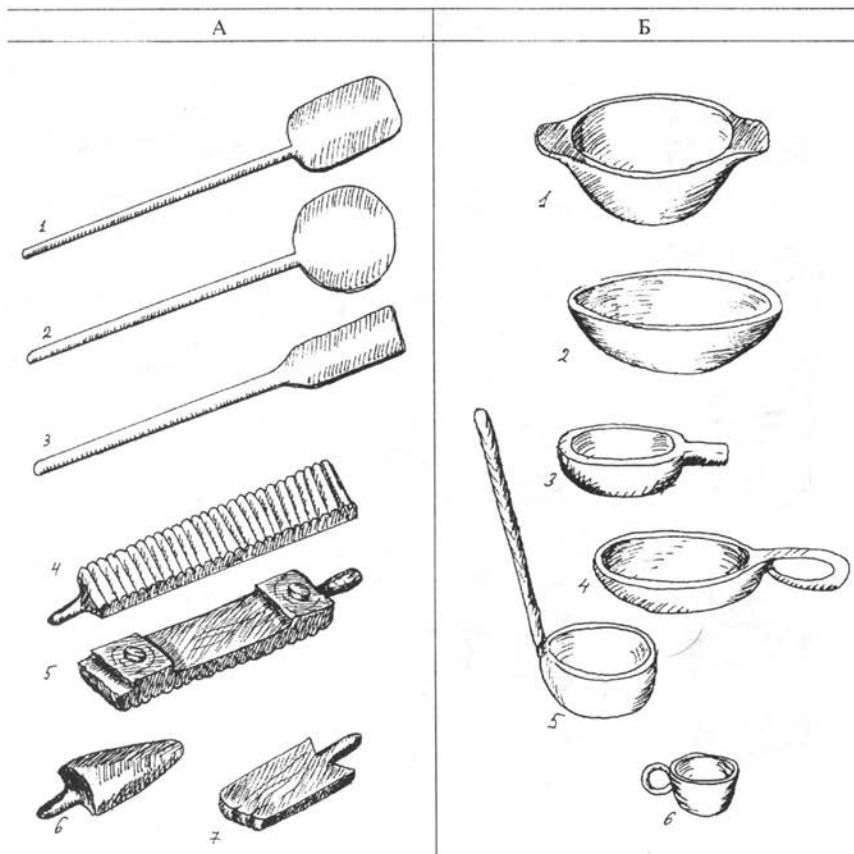

Таблица 2. Долблено-резная утварь

А — Утварь из колоды

1, 2, 3. *хлібні лопати* — хлебные лопаты (с. Заричево Перечинского р-на Закарпатской обл.); 4, 5. *рубель* (с. Ярославка Легичевского р-на Хмельницкой обл.); 6. *праник* — валеk округлый (с. Верхнее Студеное Межгорского р-на Закарпатской обл.); 7. *праник* — валеk прямоугольный (с. Заричево Перечинского р-на Закарпатской обл.)

Б — Сферическая утварь, выдолбленная с торца колоды

1. *тялька, ополачка, кубай* — емкость для формовки хлеба перед выпечкой (Карпаты); 2. *миска* — экспозиция музея в г. Переяславе Хмельницком, 1993 г.; 3. *салатовка, ковганка* — ступка для растирания сала (г. Городня Черниговской обл.); 4. *сіллянка на муку* — ковш для муки (с. Верхнее Студеное Межгорского р-на Закарпатской обл.); 5. *стлянка* — черпак (с. Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл.); 6. *горячко* — чашка (с. Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл.)

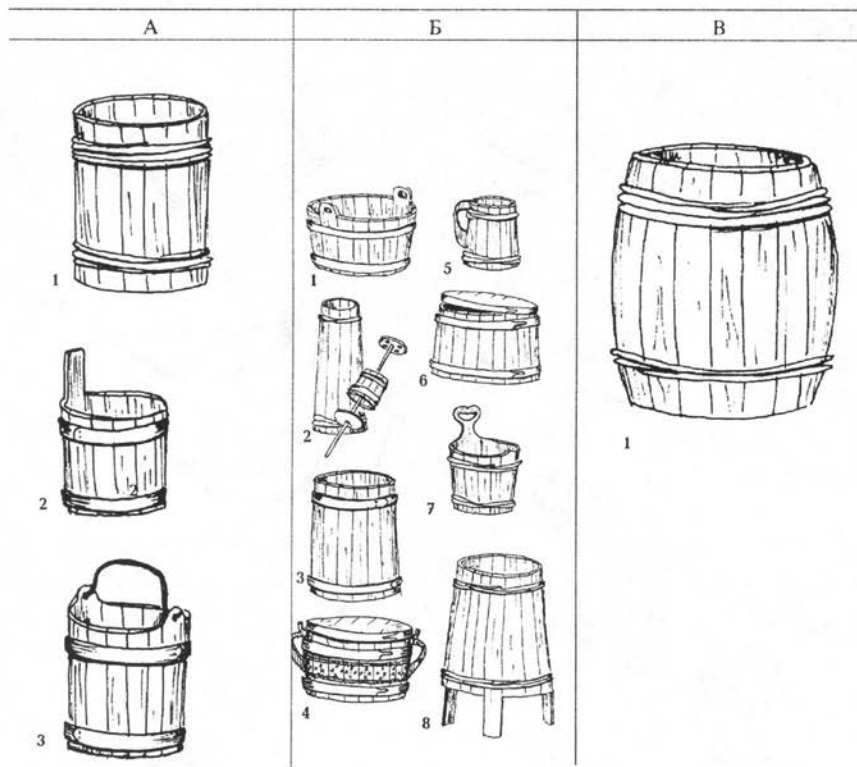

Таблица 3. Бондарная утварь

А — Цилиндрическая однодонная утварь

1. *діжка* — кадка; 2. *мірка* — мерка для муки; 3. *відро* — ведро

Б — конусовидная однодонная утварь

1. *Цебер, рязька* — ушат (с. Иванцица Тереховлянского р-на Тернопольской обл.); 2. *масичка* (Среднее Поднепровье), *боденька* (Западная Украина); 3. *діжка* для засолки и квашения; 4. *паківник* (гуцулы); 5. *кововка, гарчик* — жбан для воды (Карпаты); 6. *Пікли діжка* — квашня для хлеба (с. Самчики Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.); 7. *скінець* — подойник (с. Верхнее Студеное Межгорского р-на Закарпатской обл.); 8. *зварка* — зольник для бучения белья (с. Заричево Перечинского р-на Закарпатской обл.)

В — выпуклая однодонная утварь

1. *станва, гордів, кадевб* — бочка для засолки и квашения (с. Перекрестье Воловецкого р-на Закарпатской обл.)

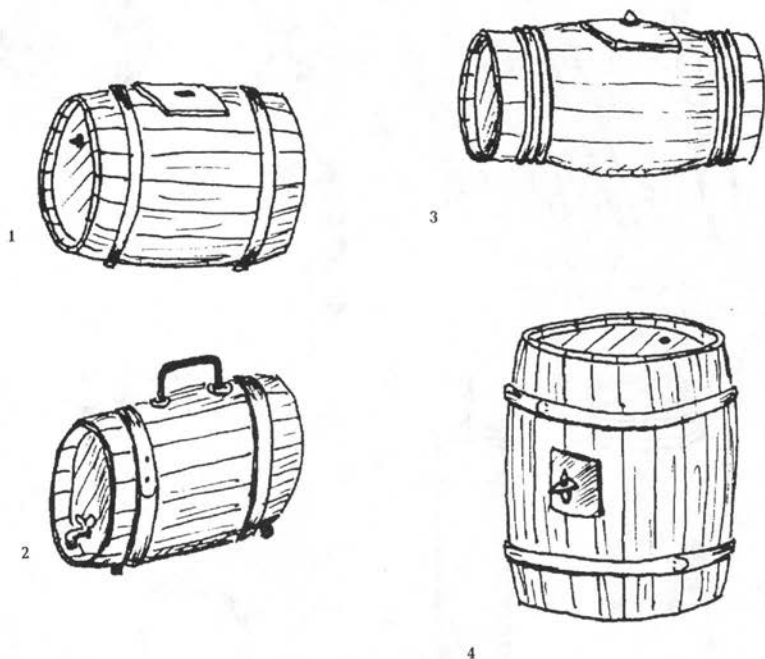
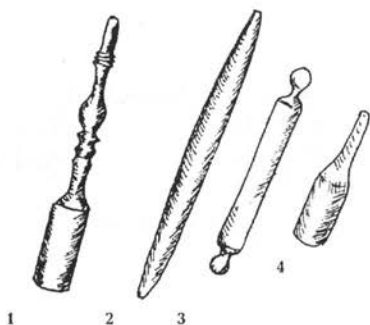

Таблица 4. Двудонная бондарная утварь

1, 2, 3 — *берівка, бербениця* — бочонок для воды, вина, напитков и др.; 4. — Бочка для перевозки воды (с. Пеньки Староконстантиновского р-на Хмельницкой обл.)

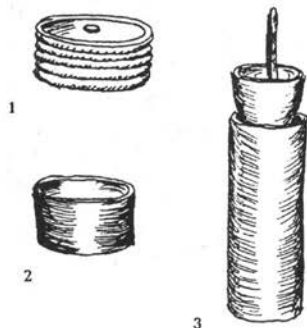
A (1)

A (3)

A (2)

A (4)

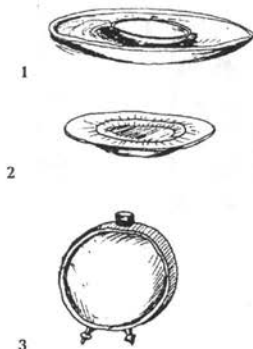

Таблица 5. Токарная утварь

A (1) — цилиндрические точеные изделия

1. *макогін* — мутовка; 2, 3. *качалка*; 4. *товкач* — пест

A (2) — стоечные цилиндрические точеные емкости

1. *рахва* (гуцулы) — дорожная коробка для творога и брынзы; 2. *солонка*;
3. *масличка* — маслобойка (Тернопольская обл.)

A (3) — шаровидные стоечные точеные емкости

1. *чарка* для водки; 2. *горицик* (ТКМД-619); 3. *пушка* — ступка для специй (Тернопольская обл.)

A (4) — дисковидные точеные изделия

1. *повниця* (гуцулы) — блюдо для сбора свадебных даров; 2. *стябло* — хлебное блюдо; 3. *баклага*

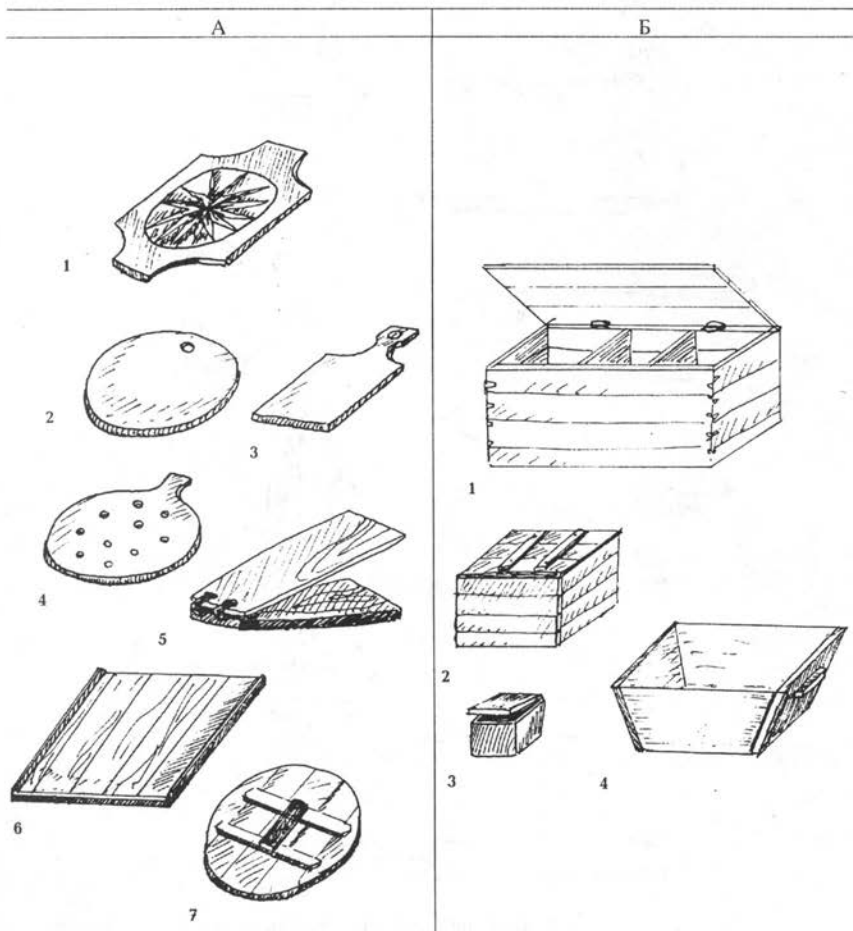

Таблица 6. Столярные изделия

А' — плоскостная столярная утварь

1. *фірмак* — форма для пряника; 2, 3. *стільнічки* — дощечки для резки продуктів; 4. *стільнічка* с отверстиями для слива жидкости; 5. *лещата* — приспособление для отжима творога; 6. *стільніця* для раскатывания теста; 7. *кръпка* для однодонных бондарных емкостей

Б — объемная столярная утварь

1. *засік, усік* — ящик для хранения зерна и муки; 2. *пак* — ящик для хранения засоленного сала и мяса; 3. *солонка*; 4. *скришка* для кормления скота

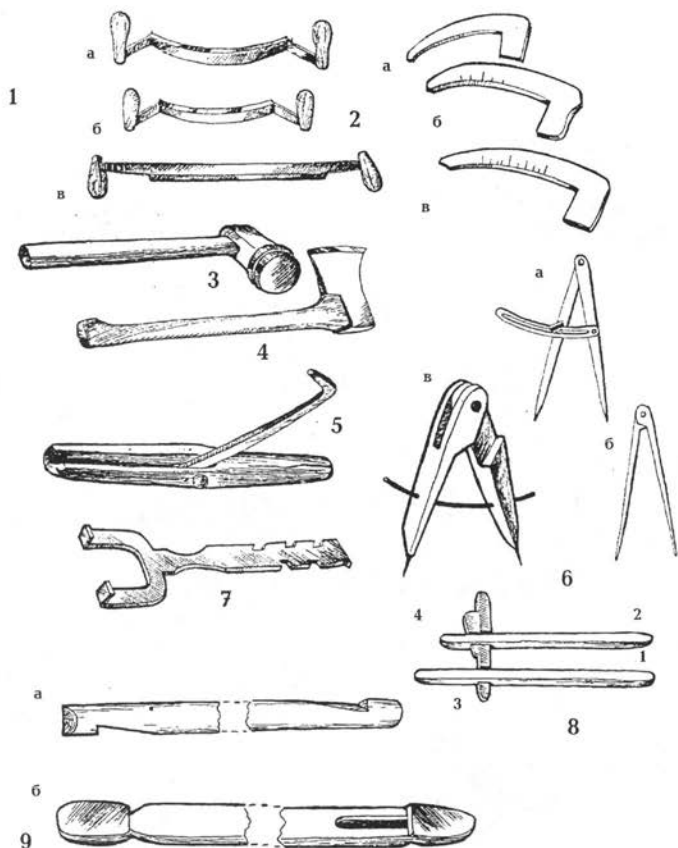
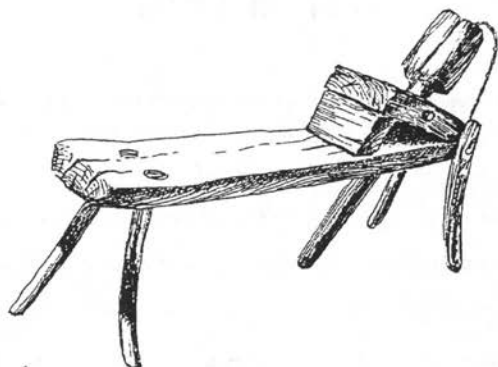
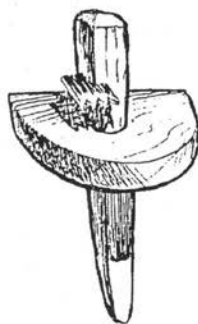

Таблица 7. Бондарные инструменты и обручи

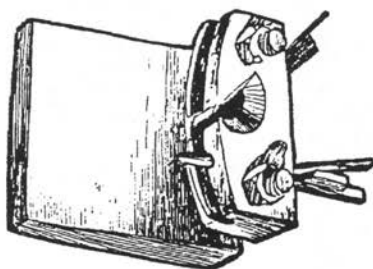
1а, б. *вісній пієс* кривой, **в** — прямой для обработки клепки на *вісном стільці* (с. Косовская Поляна Раховского района Закарпатской обл.); **2а, б, в.** *модлі* для измерения угла боковых сторон клепки (с. Косовская Поляна); **3.** молоток для набивания железных обручей (с. Косовская Поляна); **4.** *манера* — топор для раскалывания дерева на клепки (с. Косовская Поляна); **5.** *потяг* — приспособление для натягивания обручей (с. Самчики Староконстантиновского района Хмельницкой обл.); **6а, б, в.** *циркулі* бондарные: **а, б** — металлические (с. Косовская Поляна), **в** — деревянный (с. Розгиче Стрыйского района Львовской обл.); **7.** *гага* — приспособление для натягивания металлических обручей и вставки днищ бочек (с. Косовская Поляна); **8.** *отрымач* — приспособление для удержания клепок при вставке их в шаблонный обруч (Шухевич 1901. Т. 4, С. 249); **1, 2** — *вильцята*, **3** — *засув*, **4** — *клинець*; **9а.** *віблі обручі* — из расколотого пополам прута лещины (реконструкция со слов В. И. Былымчука, с. Косовская Поляна); **9б.** *ставчеті обручі* — из пластин ясеня (реконструкция со слов В. И. Былымчука, с. Косовская Поляна)

1

2a

26

Таблица 8. Бондарные приспособления

1. *вісний стілець* — приспособление для зажима клепки (с. Старява Самборского района Львовской обл.); 2a. *уторич, закрій, прудавик* — уторник белорусский для прорезывания выемки для днища бондарного изделия (Титов 1976, С. 75); 26. *уторник* австро-венгерского производства нач. XX в. (с. Кововская Поляна)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Развитие деревообрабатывающих промыслов на Украине	6
§ 1. Историко-этнографические и хозяйственно-культурные зоны Украины	6
§ 2. Исторические пути развития деревообрабатывающих ремесел на Украине	14
1. Домонгольский период ремесленного производства: город и деревня	14
2. Цеховая организация и деревообрабатывающие ремесла на Украине	23
3. Кустарно-ремесленное производство крестьянского хозяйства к. XIX—н. XX вв.	35
Глава II. Кустарные деревообрабатывающие промыслы в структуре хозяйства украинцев в к. XIX—н. XX вв.	42
§ 1. Историография	42
§ 2. Регионы и ареалы распространения деревообрабатывающих промыслов на Украине	45
Глава III. Отрасли деревообрабатывающих крестьянских кустарных промыслов	70
§ 1. Принципы классификации отраслей деревообрабатывающих промыслов и типологии деревянной утвари	70
§ 2. Утварь из естественных форм дерева, колоды и луба	72
§ 3. Основной инструментарий и технология деревообработки	88
Заключение	102
Список использованной литературы и источников	110
Приложения	147
Список сокращений	152

БОГОМАЗОВА
Татьяна Геннадьевна
КУСТАРНЫЕ
ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ
ПРОМЫСЛЫ УКРАИНЦЕВ
В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

(Производство деревянной утвари)

В авторской редакции

Технический редактор Г. В. Преснова
Корректоры: Г. П. Быстрова, Л. В. Мезенцева, Н. Е. Старостина
Компьютерная верстка И. А. Гордеева

Лицензия Госкомпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97.

Сдано в набор 23.06.98. Подписано к печати 11.01.99.

Печ. л. 10,25. Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. (1-ый завод 1—500). Заказ № 052.

Издательско-полиграфический комплекс «Вести»
193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.